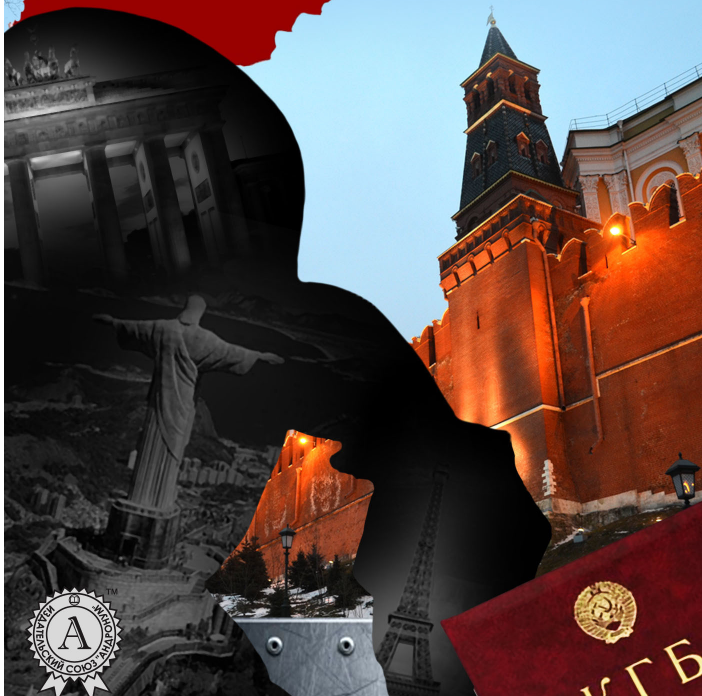

Олег Агранянц

ПОСЛЕДНИЙ ХОД

ЗА БЕЛОЙ КОРОЛЕВОЙ

Олег Агранянц

Последний ход за белой королевой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12532703

Аннотация

В остросюжетную трилогию "Последний ход за белой королевой" вошли романы "Валютный извозчик", "Тень наркома" и "Так говорил Песталоцци". Евгений – значит благородный. Любимое имя Пушкина. И неслучайно героя романа Олега Агранянца тоже зовут Евгений. Да, он благороден и честен, порой даже немного наивен. И эти его черты удивительно точно сочетаются с тайной – своеобразным знаком Зодиака Евгения Лонова. Он на службе у ее величества Тайны и призван как можно шире открывать ее завесы, срывать ее покровы, постигать ее глубины, ибо он – служитель разведки конца XX века. Однако он настолько обаятелен и самобытен, настолько человечен и остроумен, что ни в какие привычные рамки образа разведчика не вписывается. Он царит в мире приключений, очаровывает женщин и очаровывается ими, идет по загадочному следу и выступает в роли режиссера и главного исполнителя небольших спектаклей, призванных нокаутировать противников... Он хитрец, фантазер и мастер своего дела. А именно таких любит ее величество Тайна. Женщина по природе,

подлинная интриганка, она благоволит к тем, кто умеет найти к ней свой подход. И дарит им разгадки. Хотя Евгению Лонову даются они не так уж просто, зато как изумителен вкус победы!

Содержание

Пролог	7
Глава первая	7
1. Кабинет на Старой площади	7
2. Хорхе дель Прадо	17
3. Распоряжения Андропова	22
Книга первая	27
Глава вторая	27
4. Две шифротелеграммы	27
5. Бук и тис	29
6. Котомцев и его сказки	31
7. Немецкий ювелир	36
8. Тихая посольская жизнь	41
9. Воскресенье и в Африке воскресенье	45
10. Посещение оргкомитета	51
11. Песталоцци и Мессалина	56
Глава третья	65
12. Гретхен и Кафка	65
13. Как братъ Бастилию	68
Глава четвертая	74
14. Игра в полные рифмы	74
15. О пользе частного извоза	82
Книга вторая	90
Глава пятая	90

16. Станный маршрут	90
17. Линкеры в пять клеточек	93
18. Знания умножают скорбь	98
19. Мир персональных кабинетов	100
20. Габонский рудник	106
Глава шестая	112
21. Ошибка резидента	112
22. Филин и Галина	115
23. Любезная Солоха	122
24. Компаньеро Валеро	127
25. Чуден Днепр при тихой погоде	134
26. Благие пожелания и благие намерения	138
27. Неожиданная телеграмма	142
28. Встреча в аэропорту	144
Глава седьмая	148
29. Агент 007	148
30. Город художественных салоно в	151
31. Задание центра	154
32. День за днем и навсегда, Анжелика	161
33. Террористка Лида	166
34. Восточное гостеприимство	179
Глава восьмая	187
35. Ночной визит червонной двойки	187
36. Погоня	194
37. Гоголь на родине Флобера	204
38. Обмен	210

39. Машина подана	214
40. Полковник на крыше	217
Глава девятая	224
41. Жизнь по-французски	224
42. Утро в Женеве	232
43. Банк «Люмме и Корпкс»	235
Глава десятая	241
44. Упрощенный доклад	241
45. Вера переводит с немецкого	246
46. Приключения Буратино	251
Книга третья	256
Глава одиннадцатая	256
47. Отпуск закончился	256
48. Телефонные звонки	264
49. Культурный центр	268
50. Дама и прогрессивный художник	273
51. Личный доктор	278
Конец ознакомительного фрагмента.	282

Олег Агранянц **ПОСЛЕДНИЙ ХОД ЗА** **БЕЛОЙ КОРОЛЕВОЙ**

Пролог **ВЕСНА 1982 ГОДА**

Глава первая **АНДРОПОВ**

1. Кабинет на Старой площади

Зазвонил телефон. Андропов бросил взгляд на маленький столик с телефонными аппаратами. Их было одиннадцать, различных цветов и размеров. Одни из них были устроены так, чтобы мигать, другие гудеть, а самые важные – звонить. Этот звонил. На нем, рядом с позолоченным гербом, была табличка: тов. Суслов М.А.

Аппарат был серого мышиного цвета, со звонком пронзительным, дребезжащим. «Как сам Суслов», – поймал себя на

мысли хозяин кабинета. Он вздохнул и поднял трубку.

– Не оторвал от работы? – скрипучий голос с характерным оканьем был размерен. – Позвоню попозже.

Андропов знал, что Суслову можно сказать: «Извините, у меня совещание». Тот не обижался и звонил позже. Однако, решив, что откладывать неприятности на «потом» не следует, отчеканил:

– Текучка, Михаил Андреевич, текучка.

Спокойно, даже весело отвечая на вопросы о здоровье детей, жены, о себе, Андропов старался по тону собеседника догадаться, что тот ему приготовил.

– К нам не собираетесь, на Старую площадь?

Именно это меньше всего ему и хотелось услышать. «Сейчас попросит зайти», – подумал он. И тут же:

– Если выберете время, загляните ко мне.

* * *

Андропов любил здание ЦК партии. Больше двадцати лет назад, он, к удивлению для самого себя и коллег из МИДа, в один прекрасный день превратился из отставного посла, слоняющегося без дела по мидовским этажам, в заведующего отделом ЦК и занял кабинет на четвертом этаже с видом на памятник героям Плевны. С тех пор у него оставались теплые, домашние чувства к этому дому; теперь из окна своего кабинета Председателя КГБ ему был виден только краешек

здания ЦК партии, и он частенько поглядывал на него.

Новый вход в ЦК со двора, для начальства, он не признавал и всегда просил подвозить себя к официальному подъезду. Большая тяжелая машина сделала круг у памятника Дзержинскому и плавно въехала в аллею со знаком «Въезд запрещен».

В последние годы он старался не смотреть на себя в зеркало: землистый цвет лица, тяжелые коричневые мешки под глазами – все это напоминало ему о болезни. Подчиненные знали об этом, и на пути от кабинета до машины зеркал не было. Но в старом лифте в ЦК висели большие зеркала. И здесь он проверял, как выглядит; надеялся на изменение к лучшему, но никогда не соблазнялся самоутешением.

Однако сегодня вроде бы все было неплохо. Он определял приближающийся приступ по походке; тогда она становилась грузной, и он с трудом передвигал ноги. Сегодня даже три крутых ступеньки у входа не показались ему высокими. И настроение было хорошее. «Сейчас испортит», – думал он, входя в приемную Сулова.

Седой, невзрачного вида секретарь сразу же пропустил его в кабинет.

– Не бережете себя, Михаил Андреевич, – весело начал он. – Ни в приемной, ни в коридоре «девятки» нет.

– От моего кабинета до улицы, до народа – только два охранника: секретарь да внизу, у входа, ваш сотрудник. Надо быть ближе к народу, к людям, ради которых мы с вами

и трудимся.

«А ведь он говорит это всерьез», – подумал Андропов. – И вспомнил слова Брежнева, сказанные лет пять назад: «Мишка у нас последний живой марксист остался».

Суслов встал, подошел к гостю, пожал руку. Они сели в большие старые неудобные серые кресла.

В кабинете пахло лекарством. Это раздражало Андропова. Раздражали его и тяжелые, неопределенного цвета, выглаженные полинявшими шторы, и старомодная лампа с ярко-зеленым стеклянным абажуром на письменном столе. Когда через полтора года Андропов станет хозяином этого кабинета, он сразу же распорядится на три дня открыть окна, поменять кресла, шторы, лампу. Он просидит здесь только шесть месяцев и уйдет этажом выше, в кабинет Генерального секретаря.

– Почему некоторые ваши товарищи помогают маоистам? – мягко и незлобно начал Суслов.

– Этого не может быть, – спокойно и твердо возразил гость.

– Вчера у меня был товарищ Хорхе дель Прадо. И он...

Андропов знал, что в Москве проходит совещание руководителей компартий стран Латинской Америки и все они уже побывали у Суслова. Был и Хорхе дель Прадо, секретарь компартии Перу.

Суслов вынул из стола небольшую записную книжку, перелистал несколько страниц.

– Недавно комиссия конгресса Перу опубликовала данные, касающиеся деятельности, связанной с наркотиками, бывшего руководителя национальной безопасности и помощника президента Владимиром Монтесиноса. Ваши люди имели с ним дело?

– Мы помогаем коммунистическим партиям, используя разные каналы, – уклончиво ответил Андропов.

– Чем вы конкретно помогали Монтесиносу?

– Наши люди закупили в Европе несколько химических лабораторий.

– Вы знали о происхождении денег, которыми он с вами расплатился?

– Да. Иногда мы получаем деньги, может быть, связанные с продажей наркотиков, кладем их в европейские банки и на них закупаем нужное нашим товарищам оборудование. Но на этот счет мы имеем согласие Центрального комитета.

– Я знаю, – кивнул головой Суслов.

Согласие действительно было. Раньше Хрущев был категорически против любых контактов с наркоторговцами. С Брежневым было проще. Он сразу же согласился.

– Что за лаборатории вы покупали?

– Обстановка в Латинской Америке меняется быстро. Возникают проблемы, каких раньше не было, – начал изда- лека Андропов. Он знал, что Суслов любит доскональный доклад. – Сейчас в Колумбии, Венесуэле и Перу происходит замена плантаций коки на опийный мак.

– Зачем? – удивился Суслов. – Насколько мне известно, в этих районах преимущественно употребляют кокаин. Кроме того, кокаин идет через Мексику в Америку. Зачем им менять кокаин на героин?

– Героин дороже.

– Они хотят составить конкуренцию героину из Азии?

– В перспективе да.

– И у них есть возможности?

– Да. Во-первых, они имеют в своем распоряжении целую армию левых повстанцев, которые защищают плантации опийного мака, лаборатории и дороги, по которым перевозятся наркотики.

– Только не называйте их левыми и армией. Это бандитские группировки.

– Но они держат под ружьем пятнадцать тысяч хорошо подготовленных людей и вооружены самым современным оружием.

– Вот еще один пример срачивания преступников с так называемыми левыми партизанами.

– Для многих в Латинской Америке это – партизаны, это – революционная армия.

– Хорошо, это – во-первых. А во-вторых?

– Во-вторых, потенциальная возможность получения крупной прибыли делает торговлю героином очень заманчивой. Так один килограмм героина может быть куплен в Колумбии за шесть тысяч долларов США, а продан в Нью-Йорке

ке или в Лондоне по цене в двадцать раз выше.

– Значит, их основной рынок – США и Европа.

– Да. И в-третьих. Латиноамериканские наркоторговцы уже давно проникли на рынок наркотоваров в Северной Америке и в Европе, поставляя туда свой кокаин. Они владеют на местах высокоэффективной, хорошо организованной и обладающей большим опытом сетью распределения кокаина, поэтому для них не составляет большого труда заменить кокаин героином. И в-четвертых, расстояние, через которое они должны перевозить наркотики, гораздо меньше, чем расстояние, через которое должны перевозить наркотики их конкуренты из азиатских стран. Так, для того чтобы доставить героин из Колумбии в Соединенные Штаты, нужно преодолеть путь в восемь раз меньший, а в страны Европы в три раза меньший, чем путь туда же из азиатских стран. Это означает скорейшую доставку, меньшее количество посредников и меньшие расходы на транспорт. Основная трудность состоит в том, что им необходимы небольшие химические лаборатории для переработки мака в героин на местах.

– И ваши сотрудники получали наличные деньги, за которые приобретали в Европе химические лаборатории?

– Да.

– Это специальные лаборатории?

– Нет. Это типовые лаборатории для средних школ.

– И вы помогали им через Монтесиноса?

– Да.

– Знаете ли вы, что этот Владимир Монтесинос связан с «Сияющей тропой»?

Ах, вот в чем дело! Этого Андропов не знал. То, что советник президента Перу Монтесинос связан с «Сияющей тропой» – так называли перуанскую маоистскую организацию – он не знал. Но догадался, что сведения эти Суслов получил от Хорхе дель Прадо, и поэтому возражать было бесполезно.

– Мы действительно имели контакты с Владимиром Монтесиномсом, бывшим советником президента Перу, – продолжал Андропов. – Мы знаем, что после восьми месяцев нахождения в бегах он был недавно арестован. Но, насколько нам известно, на допросах он отрицал всякие связи с нами. Кроме того, они были незначительны и носили чисто коммерческий характер.

– Это верно. Перуанские власти не знают о его контактах с нами. А Гусман и его друзья из «Сияющей тропы» знают. И они не упустят случай обвинить нас в помощи наркоторговцам. Сколько человек имели контакт с этим Монтесиномсом?

– Только один наш сотрудник.

– Только один?

– Один. Мы его уберем из Латинской Америки.

– Правильно. Очень правильно. И воспользуйтесь тем, что Хорхе дель Прадо сейчас в Москве. Обговорите с ним дальнейшую работу по помощи компартии Перу.

Суслов по мере возможности не допускал Андропова к контактам с лидерами компартий, но в отношении Латин-

ской Америки приходилось делать исключение, ибо по решению Политбюро все контакты с находящимися в подполье коммунистическими партиями и их финансовое обеспечение проходили через Комитет Госбезопасности.

– Надо делать все возможное, чтобы маоисты не знали о наших делах по использованию денег, полученных от продажи наркотиков, – продолжал Суслов.

«Как он хорошо выглядит, – следил за ним глазами Андропов. – Надо же, и волос седых нет, а не красится. Ничто его не берет. Вот Брежнев после операции предстательной железы за какие-то два-три месяца из бонвивана превратился в дряхлого маразматика».

Он вспомнил, как, казалось, еще вчера, веселый, размахивающий сигаретой Брежнев смеялся: «Не поверите, все у меня были, а вот Елены ни одной». И члены Политбюро подшучивали, мол, еще не поздно. А он отвечал, кивая на Суслова: «Да вот Михаил Андреевич не разрешает». А в отсутствии Суслова говорил: «Мишка сам не пьет и людям не дает. Живков упросил дать ему какой-нибудь орден. Думал, хоть за это выпьет. Так ведь не пил. Здоровье бережет».

И здоровье Суслов сберег. В довоенных галошах и теплом кашне при одном только намеке на дождь, в большой «сусловской» шляпе и габардиновом плаще даже в теплый осенний вечер – таким Андропов в первый раз близко увидел его еще в середине пятидесятых, когда тот прилетал к нему в Венгрию.

– Что вы намерены предпринять в отношении этого Мон-тесиноса?

– Центральный комитет запретил нам физическое устранение...

– Понимаю, понимаю.

Опасаясь за ответные действия в отношении своих родственников, работающих за рубежом, Брежнев дал Андропову указание расформировать группу «Л» – «Ликвидация». Сулов тогда был против. Полностью расформировывать группу «Л» Андропов не стал. Сулов об этом знал, но Брежневу не докладывал.

– Революция должна уметь себя защищать, – назидательно начал Сулов. – Ленин сказал...

Он говорил и одновременно писал. Такого качества Андропов не замечал ни у кого. Особенно злил Андропова всем известный «суловский» жест, когда тот замолкал, потом левой рукой вынимал из кармана карандаш и, орудуя им как пикой, тоненьким голоском принимался бубнить: «Ленина надо читать внимательно. И не просто читать, а с карандашиком. С карандашиком».

Потом Сулов закрыл записную книжку, и Андропов решил, что самое время перевести разговор на Олимпиаду:

– Британская олимпийская ассоциация решила не бойкотировать Олимпиаду. Это политическое поражение для правительства Тэтчер.

Сулов изобразил улыбку:

– Этого можно было ожидать. Рост безработицы нанес серьезный удар по ее популярности. Ее попытка ослабить инфляцию в рамках монетаристского подхода была изначально обречена на неудачу.

Разговор перешел на подготовку к Олимпиаде.

– Обязательно встретьтесь с товарищем дель Прадо, – на прощание напомнил Суслов. – И уберите вашего человека из Перу.

Вернувшись в свой кабинет, Андропов попросил секретаря узнать расписание дель Прадо на ближайшую неделю.

– Завтра он будет на совещании у Пономарева. В малом зале политбюро.

2. Хорхе дель Прадо

Участники совещания гуляли по небольшому залу с окнами во двор. Первым, кого увидел Андропов, был Кудачкин, заведующий сектором Латинской Америки. Андропов хорошо знал Кудачкина, относился к нему с большим уважением – Герой Советского Союза, прошел всю войну, брал Берлин.

– У вас перерыв?

– Да.

Андропов по мере возможности всегда старался соблюдать правила служебного этикета и на территории Международного отдела беседовал с генсеками в присутствии сотрудника Международного отдела.

– Не поможете с переводом, Михаил Федорович? – попросил он.

– С удовольствием.

Разговаривая с Кудачкиным, Андропов рассматривал участников совещания. В зале было человек двадцать. У самого входа в зал стоял Пономарев. Он беседовал с человеком среднего роста в темно-сером костюме с выправкой профессионального военного.

– Это Престос, секретарь Бразильской компартии, – подсказал Кудачкин.

Пономарев заметил Андропова и кивнул ему головой. Его предупредили, что тот должен сегодня появиться. Пономарев давно уже смирился с неожиданными появлениями Андропова на совещаниях в Международном отделе ЦК, но о каждом посещении немедленно докладывал Суслову. И каждый раз Суслов его успокаивал: «Юрий Владимирович делает общее дело».

Глядя на независимо держащегося Пономарева, Андропов подумал, что будет, если он доложит Брежневу о том, как его поносят в своих интеллигентских кругах толстые пономаревские дочери.

В это время к ним подскочил веселый неунывающий генсек венесуэльской компартии Хесус Фариа.

«Сейчас будет рассказывать про Петкова», – решил Андропов.

Несколько лет назад трое венесуэльских коммунистов со-

вершили побег из тюрьмы в Сан-Карлосе, прорыв туннель из камеры через площадь в ресторанчик, который держал родственник одного из них, болгарин по происхождению. Этот побег в стиле Монтекристо Фариа теперь вспоминать не любит, потому что болгарин Петков ушел к маоистам. Каждый раз Фариа оправдывался в Москве. Никто его не обвинял, хотя и посмеивались: «Аббат Фариа выбрал не того Монтекристо».

Андропов знал, что венесуэльские товарищи несколько раз пытались ликвидировать этого Петкова, но тот близко к себе не подпускал никого. Кроме женщин. А подходящих женщин у венесуэльских коммунистов не нашлось.

«У нас в подразделении «Л» женщин тоже нет», – отметил про себя Андропов.

Фариа на сей раз говорил о том, что они решили направить в Москву на учебу не двадцать активистов как в прошлом году, а двадцать пять. Из них восемнадцать в возрасте около двадцати лет.

Андропов слушал его и соображал, на кого он похож. Потом понял: на Вертинского.

– Двадцать пять активистов? – переспросил Кудачкин. – Это очень хорошо. Мы их примем в Комсомольской школе.

Закончив разговор с венесуэльским генсеком, Андропов и Кудачкин уже было направились к одиноко стоящему у стены Хорхе дель Прадо, как буквально натолкнулись на Ульяновского.

«Этот что здесь делает? – подумал Андропов. – Он же занимается Африкой».

За Ульяновским шустро передвигались две молодых девицы. О пристрастиях Ульяновского к молоденьким секретаршам Андропову уже докладывали несколько раз. Ульяновский посмотрел на Андропова, надеясь, что тот его заметит. Андропов прошел мимо, и Ульяновский побежал к Пономареву.

Наконец добрались до дель Прадо.

Среднего роста, коренастый, с большими голубыми глазами и обязательно в голубой рубашке, генсек Перу долгое время работал художником. Художницей была и его жена.

– Наши товарищи допустили ошибку. Мы имели дело с Монтесиномсом. Мы не знали, что он связан с движением Гусмана.

– Этот Монтесинос – просто мерзавец.

И дель Прадо начал долго говорить о Монтесиноссе, о других перерожденцах, о том, как лидер «Сияющей тропы» Абимаэль Гусман просто перекупает неустойчивых, о том, что красивая ультралевая фраза привлекает неопытных студентов.

Кудачкин переводил, и Андропов терпеливо слушал. Потом спросил:

– Вы лично знакомы с товарищем Семицветовым?

– Да, да. Я с ним несколько раз встречался.

– Мы его вернем в Москву. К вам приедет другой чело-

век. – И, не дав перуанцу опомниться, продолжал: – Может быть, в будущем, чтобы избежать ошибок, ваши товарищи сами будут указывать нам, с кем иметь дело?

«Сейчас начнет яростно отбиваться», – подумал Андропов и не ошибся. Перуанец начал говорить о сложностях работы в подполье.

Андропов согласился. И в доказательство того, что разговор окончен, перешел на более приятную для перуанца тему.

– Этна Валарде еще в Бразилии? – спросил он.

Этна Валарде – это жена дель Прадо.

Перуанец тоже понял, что разговор о Монтесиносе закончился, и явно обрадовался. Он весело ответил:

– Нет. Сразу же после путча в Чили она перебралась в Рио-де-Жанейро. А потом уехала в Мексику.

– Работает?

– Она сделала цикл неплохих натюрмортов.

Генсек начал рассказывать о ее работах.

– А вы сами не работаете? – вежливо поинтересовался Андропов.

– Иногда. Так для себя.

Еще несколько слов – и разговор закончился.

Андропов решил, что уходить, не поговорив с Пономаревым, неудобно.

Около Пономарева стоял Ульяновский с девицами. Тот было дал им команду удалиться, но Андропов его остановил:

– Не лишайте меня, Ростислав Александрович, приятной

компании.

Вмешался в разговор Пономарев:

– Многие генсеки просят увеличить число слушателей в Комсомольскую школу. Мы думаем согласиться.

– Это правильно, – согласился Андропов, – Что касается коммунистов, то их число можно увеличить. А насчет африканцев... – он посмотрел на Ульяновского. – Надо сделать так, чтобы они не очень контактировали с латиноамериканцами.

Ульяновский хотел возразить, но Андропов попрощался.

3. Распоряжения Андропова

Вернувшись к себе в кабинет, Андропов поднял трубку телефона «для особой связи». Набрал номер командира подразделения «Л».

– Полковник Волков. Слушаю вас, Юрий Владимирович.

– Сколько нужно времени, чтобы подготовить специалиста для вашей группы?

– От года до трех лет. Все зависит от первоначальной подготовки.

– Для женщин тоже необходимо три года?

– Да. Но женщин у нас нет.

– Знаю. Я хочу добавить в вашу группу пять-шесть женщин. Подготовьте соответствующее предложение. Жду вас завтра. О времени договоритесь с моим помощником.

Потом вызвал секретаря:

– Попросите подготовить для меня отчет о том, как ведут себя африканцы в Комсомольской школе.

– Да, но... – замялся было секретарь.

Данное еще Хрущевым распоряжение, запрещающее органам вмешиваться в работу комсомольских организаций, хотя и не было отменено, но практически давно не выполнялось.

– Дайте указание. И еще... Отзовите Семицветова из Перу.

– В центральный аппарат?

– Да. Хотя... Принесите мне постановление Совмина о переносе некоторых видов исследовательских работ из Военно-химической академии в гражданские научно-исследовательские институты.

Через несколько минут Андропов открыл папку с постановлением и быстро нашел то, что искал.

Полученные оперативным путем данные о сильном наркотическом веществе, синтезированном в годы войны в Германии, сначала были переданы на кафедру академика Кнунянца в Военно-химической академии. Опыт у того был. Сразу же после войны на его кафедре были синтезированы отравляющие вещества, разработки которых велись в Германии.

– Свяжите меня с Кнунянцем, – попросил Андропов.

Через несколько минут голос академика:

– Кнунянц.

Андропов сразу представил себе экспансивного армянина, который мог выйти на улицу в генеральском кителе и гражданской шапке и, будучи за рулем, развернуться посреди Садового кольца.

– Здравствуйте, Иван Людвигович. Это Андропов. Почему вы передали гражданскому НИИ данные о каком-то новом веществе?

– Это вещество по своей структуре является алкалоидом. Мы алкалоидами не занимаемся. Передали его институту, где такая работа проводится. Кроме того, оно не может рассматриваться как отравляющее или нервно-паралитическое вещество. Это скорее наркотик. Но очень сильный.

– У него есть название или только химическая формула?

– Формулу-то мы как раз и не знаем. Немцы его называли «Фельдмаршал». Я его переименовал в «Мефистофель». Это не нервно-паралитическое вещество. Это наркотик, стимулятор. Это не профиль нашей кафедры.

Андропов улыбнулся. «Не профиль». Он знал, что лет десять назад Кнуняц решил синтезировать вещество, повышающую мужскую активность. Для себя. Он рассчитывал получить всего граммов двадцать, а его сотрудники по собственной инициативе увеличили дозу раз в десять. И начали пользоваться. Да так активно, что один пожилой полковник скончался.

– В какой институт вы передали этого «Мефистофеля»?

– В НИИ ядохимикатов и удобрений. Вообще-то этот ин-

ститут должен называться НИИ химических удобрений и ядохимикатов, но получалось очень неблагозвучно.

– Почему туда?

– Там есть лаборатория, изучающая алкалоиды.

– Кто конкретно будет этим заниматься?

– Заведующий лабораторией профессор Янаев.

– Он сможет его синтезировать?

– Раз немцы смогли, то... Хотя гарантии дать невозможно.

Андропов поблагодарил академика. Подумал несколько минут. Семицветов знает проблему наркотиков, разбирается в их очистке. Он снова вызвал секретаря:

– Переведите Семицветова под крышу в НИИ ядохимикатов.

– Вы его примете, когда он вернется в Москву?

– Решу позже. И еще. Этна Валарде. Запишите это имя. Это художница. Живет в Мексике. Ей надо помочь. Купить несколько картин. Пусть наши сотрудники подумают.

– Я понял.

Ну, вроде бы все. Хотя...

– Отзовите из Италии нашего сотрудника, который покупал лаборатории для Семицветова.

– В центральный аппарат?

– Да. Как его имя?

– Узнаю и доложу.

Через несколько минут секретарь доложил:

– Закупкой лабораторий в Италии занимался подполков-

ник Лонов Евгений Николаевич.

Книга первая

ЦЕННЫЕ ПОРОДЫ ДЕРЕВА И ЦЕННЫЕ ПОРОДЫ ЛЮДЕЙ

Собираясь в путь, полезно захватить с собой огромный запас осторожности и снисходительности; первая предохранит от неприятностей и потерь, вторая – от ссор и врагов.
А.Шопенгауэр

Глава вторая

РУТИННАЯ КОМАНДИРОВКА

4. Две шифротелеграммы

ШИФРОТЕЛЕГРАММА (по линии МИД)

«Яунде. Послу.

Ближайшей диппочтой в ваш адрес будут направлены 100 экземпляров сборника выступлений Генерального секретаря КПСС, Президента СССР тов. Горбачёва М.С. по вопросам разоружения. Примите меры для оперативного распространения сборника. Об исполнении информируйте телеграммой.

Одновременно сообщаем, что для выполнения задач по линии ближних соседей 15 ноября к вам прибывает советник Лонов Е.Н. В случае просьбы резидента, окажите содействие».

А.Ковалёв.

5.11.1990.

ШИФРОТЕЛЕГРАММА (по линии КГБ)

«Резиденту в Яунде.

15 ноября рейсом из Дуалы к вам прибывает ответственный сотрудник Центрального аппарата тов. Лонов Евгений Николаевич. Зарезервируйте номер в гостинице, встретьте в аэропорту, окажите содействие. Проинформируйте посла.»

Ф.Бобков.

5.11.1990.

«Ближние соседи» – так в целях конспирации называют сотрудников КГБ. Это повелось с тех пор, когда МИД размещался на Кузнецком Мосту и чекисты с площади Дзержинского были соседями «ближними», а военные разведчики с Арбата – соседями «дальними».

А сотрудник Центрального аппарата Лонов Евгений Николаевич – это я.

Началась эта история в смутные горбачевские времена с рутинной командировки в Яунде. И как всегда со звонка моего непосредственного начальника: «Зайди ко мне».

5. Бук и тис

Осень 1990 года выдалась холодной. Уже в середине октября по ночам начались заморозки. В кабинетах еще не топили и было холодно. Во всех кабинетах, но не у начальства.

– У тебя тепло! – Я с удовольствием развалился в кресле. – А у меня в кабинете почти минусовая температура.

– Начнешь выполнять задание, согреешься.

– Что за задание?

Колосов вынул из тумбочки бутылку «Мартеля» и два бокала:

– Твое здоровье.

– И твое. Дал бы указание топить во всех кабинетах. Что за задание?

– Тис от бука отличить сможешь?

– Ну и вопрос! Я и липу от тополя не отличу. Знаю только, что рябина красная, ивушка зеленая, а клен ты мой опавший. Всё.

– Плохо, но не трагично. Кроме того, я уверен, что ты не знаешь такую породу дерева как «окуме».

– Не знаю.

– Придется узнать. В марте состоится всемирный конгресс по ценным породам древесины. Ты будешь включен в состав делегации.

– Но я в ценных породах...

– Я тебя знаю. Ты очень способный. Если будет надо, за полгода научишься читать абиссинские манускрипты.

И я задал вопрос, который на моем месте задают все здравомыслящие подчиненные:

– Почему я?

– А ты посмотри на себя. У тебя ученый вид. Я так и вижу тебя на трибуне научного конгресса. Кроме того, тебя знают как сотрудника министерства внешней торговли.

– Где хоть он будет, этот конгресс?

– В Яунде. Это, если ты забыл географию, Камерун. У тебя на подготовку два месяца.

– И сколько он будет продолжаться?

– А тебе не все равно? С женой развелся. Живешь один... Два дня на ознакомление с делом. Еще по одной?

* * *

Через день у меня на столе лежало постановление Совета Министров СССР «О международном конгрессе по ценным породам древесины». На двух страницах были указаны задачи, стоящие перед советской делегацией. Отдельно прилагалось постановление ЦК КПСС «О советской делегации на международном конгрессе по ценным породам древесины». Руководителем делегации был назначен Министр лесной промышленности, в состав входили председатель Внешнеторгового Объединения «Экспортлес», директор Байкаль-

ского целлюлозно-бумажного комбината и еще пять лиц, в том числе «сотрудник Министерства иностранных дел», что на эзоповом языке постановлений означало «сотрудник моего ведомства».

Непонятно, зачем здесь «Экспортлес», – удивился я. – Мы вроде бы ценные породы не экспортируем.

Потом я затребовал информацию о нашем торгпредстве в Яунде. Там оказалось представительство того же «Экспортлеса». Два человека. Один из них наш сотрудник. Я поднял дело. Старший лейтенант Котомцев Андрей Викторович, это его первая командировка.

Я поднялся к Колосову:

– В Яунде лесом занимается наш парень. Сделай ему вызов в Москву на пару дней.

– Дело говоришь, – согласился Колосов.

Через четыре дня Котомцев объявился в моем кабинете.

6. Котомцев и его сказки

– Здравствуйте, Евгений Николаевич.

Долговязый, в светлом тропическом костюме, с книжкой в руках, похож на младшего научного сотрудника гуманитарного НИИ.

– Котомцев. Я из Яунде.

Уж больно по-штатски. Точно, из гуманитарного НИИ.

– Кто? – неласково спросил я.

Он понял:

– Старший лейтенант Котомцев по вашему приказанию прибыл.

Перебрал в другую сторону.

– Покажи удостоверение.

Мне хотелось посмотреть на его фотографию в военной форме. Он удивился, протянул удостоверение.

– Прилетел сегодня?

– Так точно. Сегодня утром. И сразу к вам.

– Я включен в состав делегации на конгресс по ценным породам древесины. Хочу, чтобы ты меня ввел в курс дела.

– Вы когда-нибудь занимались лесом?

– Никогда.

– Я вас подробно проинформирую. Это займет много времени. Но я хотел бы все рассказать сегодня.

– У тебя завтра дела?

– Я восприимчив к перемене климата. Вчера еще я был в Яунде. Там температура тридцать два градуса, разумеется, плюс, а в Москве плюс два. Завтра я обязательно буду лежать с температурой.

Я обратил внимание на книжку, которую он держал в руках.

– И поэтому ты запасся книгой. Что у тебя за книга? Справочник по лесному делу?

– Сказки Перро.

– Красной Шапочкой интересуешься?

– Я постоянно совершенствуюсь в знании французского языка. А разговорную речь лучше всего учить по сказкам. Лексика сказок ближе к разговорной речи, чем лексика любого другого художественного произведения.

– Давно занимаешься лесом?

– Всего два года. Входить в лесные проблемы было очень трудно. Литература по лесу очень сложная. Перевод лексики, связанной с лесным делом, труднее, чем перевод, связанный с какой-либо другой отраслью промышленности. Дело в том, что, скажем, в атомном машиностроении, все термины введены в двадцатом веке. Большинство из них имеют корни или международные или легко переводимые. А в лесном деле все термины аж с семнадцатого века. И в каждом языке разные. Приведу пример. Вы знаете, что такое «задир»?

– Нет.

– Это частично отделенный и приподнятый над поверхностью пиломатериала участок древесины с зацепистыми краями. По-английски это «bullies», по-французски «tyrans». Никаких общих корней. Или «отщеп». По-английски «flake», а по-французски...

– Всё. Убедил.

– А как трудно переводить названия деревьев! Вы знаете английский?

– Не очень.

– Этого достаточно. Я работал с делегацией лесников, которая приезжала к нам год назад. Их привезли в Сочи и ска-

зали, что они поедут посмотреть самшитовую рощу. Вы знаете, что такое самшит?

– Нет.

– Это такое дерево. В некоторых странах есть обычай ставить стебелек самшита в сосуд с водой в комнате, где стоит гроб с покойником. Переводчик не обязан знать, как переводится на иностранный язык слово «самшит». Переводчица на английский решила, что это слово интернациональное, и у нее получилось: «And then we shall visit park where you will have pleasure to see a grove of some shifts», что означало: «Потом мы посетим парк, где вы будете иметь удовольствие посетить рощу с дерьмом». Специалисты удивлялись.

– Их можно понять. Расскажи, что это будет за конгресс.

– Возглавляет нашу делегацию министр лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР товарищ Степан Алексеевич Шалаев. Заместителем будет председатель Внешнеторгового объединения «Экспортлес» Матвей Матвеевич Косталевский... А вы знаете, актер Косталевский, который играл в фильме «Звезда пленительного счастья», – его сын. Вы видели этот фильм?

– Нет.

– Посмотрите. А вы знаете, фасон шпаг в этом фильме...

– Кто будет заниматься подготовкой конгресса?

– Подготовка возложена на министерство лесной промышленности. А конкретно на заведующего сектором Дыгеева Ивана Фомича.

– Сколько человек у вас в торгпредстве?

– Десять. Лес курируют двое: я и заместитель торгпреда Ласточкин Анатолий Иванович.

– Ласточкин? Он, случаем, стихи не пишет?

Котомцев растерялся:

– Может, чего другое. А стихи нет.

Ласточкин! Много лет назад я нашел пристанище в окружной газете «Советский воин». Там, кроме всего прочего, я должен был заведовать поэзией. Главный редактор требовал стихи к каждому воскресению. А где их брать! И я придумал поэта: рядовой Анатолий Ласточкин. И писал за него стихи. Кстати, неплохие. Я даже получил приглашение для рядового Ласточкина на какой-то съезд:

– Не пишет, говоришь?

– Точно, не пишет. Вы на него посмотрите и сразу поймете, не пишет он стихов...

Мне в голову пришла идея:

– На сегодня достаточно. Позвони завтра.

И отправился к своему непосредственному:

– Ты знаешь, что я подумал? Не слетать ли мне на недельку в Яунде?

– Отличная мысль. Оформляй документы.

И через две недели я предъявлял в Шереметьево билет «Москва – Париж – Дуала – Яунде – Дуала – Париж – Москва».

7. Немецкий ювелир

В первом классе рядом со мной оказалась дама. Строгая причёска, обманчиво простой светло-серый костюм выдавали в ней бизнес-леди, привыкшую летать первым классом. Пока я раздумывал над тем, как начать разговор, она спросила:

– Вы когда-нибудь летали этим рейсом?

– Нет.

– Тогда вас ожидают неожиданности.

И всё. Очевидно, она решила, что какими будут эти неожиданности, я узнаю сам.

Сегодня утром в Дуале я вышел из самолета Париж – Йоханнесбург и, с тоской взглянув на огромный «Боинг», прошел в зал аэропорта. Через два часа я уже занял кресло в другом «Боинге», значительно меньшем по размеру. Он должен был через сорок минут доставить меня в Яунде.

– Вы знаете, что на самолетах «Эр-Камерун» никогда не было катастроф? – снова спросила дама.

– Нет. И надеюсь, что так будет продолжаться.

– Вы боитесь летать на самолетах?

– Я много летал. Привык.

– Вы не боитесь всего, к чему привыкли?

– Есть вещи, к которым нельзя привыкнуть.

– Например.

– Искреннее невежество и честная глупость.

– Где-то я уже слышала про искреннее невежество и честную глупость.

– Это слова Лютера, мадам. Он сказал, что в мире нет ничего опаснее искреннего невежества и честной глупости.

– Опаснее и отвратительнее. Я видела по телевизору кадры, как в одной стране забрасывали камнями женщину за супружескую неверность.

– Убивать женщин – это ничем не оправданное преступление. Особенно это понимаешь, когда рядом с тобой красивая женщина.

Подошла стюардесса:

– Мадам заказывала воду?

– Нет. Хотя, если вы принесли... Спасибо.

Дама взяла стакан и повернулась ко мне:

– Предположим, я знаю, что здесь яд и, если я выпью, я тут же умру. Но меня какая-то неодолимая сила будет толкать выпить эту воду.

Она медленно поднесла стакан к губам. Я инстинктивно дернулся, чтобы ее остановить.

– Вы испугались. А человек, который узнает, что должен умереть через несколько минут, никогда не пугается, у него парализуется воля. Он перестает сопротивляться и покорно идет навстречу смерти.

– Как бараны, идущие на бойню.

– Нет-нет. Бараны не знают, что умрут. Животные вообще

не знают, что они умрут. Я говорю о людях, которые знают, что скоро умрут. Вы никогда в кино не видели документальные съемки, как расстреливают людей?

И, не дав мне ответить, продолжала:

— А я видела. Дело происходило где-то в Латинской Америке. Вывели трех молодых парней из машины и подвели к стене. Они шли совершенно обреченно. Какая-то девушка в яркой косынке с кинокамерой шла почти рядом с ними и снимала фильм. Они покорно встали у стены. Им приказали повернуться. Они повернулись. И ждали. Ждали.

В это время самолет как будто провалился в яму. Его затрясло. Стакан чуть не упал из рук дамы. Но она оставалась спокойной:

— В этом месте всегда трясет. Так вот. Раздались выстрелы. Они упали. И всё.

Из кабины пилотов вышла та же стюардесса. Она посмотрела на пассажиров и покачала головой. Самолет продолжало трясти, а стюардесса начала смеяться.

— Они всегда так делают, — объяснила мне дама. — Хотят успокоить пассажиров. А если трясет, это означает, что мы на полпути. Через двадцать минут приземлимся в Яунде. Вы в первый раз летите в Яунде?

— В первый.

— Но в Африке вы уже бывали. Не так ли? На вас прекрасный костюм и галстук. Люди, в первый раз прилетающие в Африку, обычно надевают черт знает что. Вы цитировали

Лютера, но вы не швейцарец, швейцарец никогда не поедет в Африку в хорошем костюме. Вы немец. Я не ошиблась? У вас характерный акцент немца, говорящего по-французски.

Я согласился:

– Вы правы, мадам.

Мне хотелось сказать «Jawohl».

– Яунде – небольшой город. Два первоклассных отеля. Есть хорошие рестораны. Но немецких ресторанов нет. Есть эльзасский ресторан. Он так и называется «Альзас». Там готовят настоящий шукрут. Обязательно зайдите туда.

– Спасибо, мадам. Я непременно воспользуюсь вашим советом.

Снова появилась стюардесса:

– Привяжите ремни. Самолет идет на посадку.

Дама начала рукой искать ремень за спиной, и я увидел перстень с огромным сапфиром. Год назад мне пришлось заниматься поддельными драгоценностями, и я научился немного разбираться в камнях.

– Прекрасный камень. Кашмирский сапфир.

– Вы ошиблись, он из Таиланда.

– Из Кашмира. Камень василькового оттенка с шелковистым отливом. И старинной работы. Сейчас такие сапфиры в Кашмире уже не добывают.

– Прекрасно. Теперь я знаю, кто вы такой. Вы ювелир.

– И вы снова не ошиблись, мадам.

– На жителя маленького города вы не похожи. Значит, из

мегаполиса. Вы цитировали Лютера. Это типично для лютеранина. Поэтому Мюнхен отпадет. Там католики. А вот Гамбург... Гамбург – столица германских ювелиров. Таким образом, вы ювелир из Гамбурга. Я не ошиблась?

– От вас ничего не скроешь, мадам.

– Я люблю разгадывать профессию попутчиков. За сорок минут я узнала, что вы добропорядочный немец из Гамбурга, ювелир, немного верите в чепуху, но не настолько, чтобы полностью ей доверять. Вас можно испугать. Словом, вы настоящий ювелир-немец.

* * *

Первое, что я увидел, выйдя из здания аэропорта, был «Мерседес» с советским флагом.

«Посол кого-то встречает», – подумал я и стал искать глазами Леву Лыжина, резидента в Камеруне, моего знакомого еще по Италии.

Он стоял у «Мерседеса» и улыбался.

Я подошел:

– Кого встречаете?

– Тебя. Понимаешь, посол в Москве, прилетает завтра. Советник болен. И я в посольстве самый главный. Почему я не могу встретить большого гостя из МИДа на официальной машине? Ты же ведь сотрудник МИДа?

– С флагом? Что местные скажут!

– Африка, Жень. Здесь спокойная, тихая Африка.

Я обернулся и увидел свою соседку по самолету. Она с удивлением смотрела, как добропорядочный ювелир из Гамбурга усаживается в «Мерседес» с советским флагом.

8. Тихая посольская жизнь

Я сидел в приемной посольства и ждал представителя «Лады». Вчера Лев сказал мне, что этот представитель даст мне на несколько дней «Ладу», то есть «Жигули».

– За это надо платить? – спросил я.

– У него были неприятности по амурной части. Я закрыл. Теперь он по моей просьбе...

– Понял. Причина убедительная.

Входили и выходили дипломаты, одни делали вид, что заняты, другие и этим себя не обременяли. Болтали о том о сем. По стенам на стеллажах стояли книги. Я обратил внимание на дореволюционную энциклопедию «Брокгауз и Эфрон». Томов много, наверное, полный комплект. Я взял несколько томов, начал пролистывать.

Появился Котомцев, он прилетел в Яунде на неделю раньше меня:

– Я подготовил программу вашего пребывания в Яунде. Лев Сергеевич сказал, что сегодня вы пообедаете у него. После обеда мы поедем в торгпредство. Ласточкин уже ждет. Завтра мы посетим деревообрабатывающий комбинат, по-

смотрим, как обрабатывается древесина. Вас примет один из директоров. Не волнуйтесь, он будет рассказывать, вы – слушать. Воскресенье – отдых. В понедельник вас примет руководитель государственной компании, занимающейся обработкой окуме – это такая ценная порода дерева. Во вторник визит в оргкомитет конгресса. Я так спланировал вашу программу, чтобы к этому времени вы уже имели представление о лесном деле. План одобряете?

– План хороший.

– С машиной у вас все в порядке?

– Пока нет, но скоро будет.

В приемную величественно вплыла девица лет тридцати в коротеньком пестром платице. Была она худобы чрезвычайной. Тонкие, не геометрической прямоты ноги, такие же руки, талия на две ладони охвата. Но при этом довольно милое, почти красивое личико, во всяком случае, правильной формы, и глубокие голубые глаза.

Она неласково, и, как мне показалось, с издевкой, осмотрела меня с головы до ног и тут же надменно ретировалась.

– Это Лиза, – объяснил мне Котомцев – Жена корреспондента.

– Какая-то она нелюдимая, – удивился я.

– Еще хорошо, что не сказала какую-нибудь гадость, – отреагировал сидевший рядом дипломат.

– Мы для нее быдло, абсолютно некультурная масса, – пояснил другой.

– Дура, – подытожил первый.

Появился представитель «Лады»:

– Машина у входа в посольство.

– Надо заплатить? – на всякий случай поинтересовался я.

– Нет, нет. Машина представительская. Надо только заполнить кое-какие бумаги.

Я заполнил бумаги, расписался в четырех местах и получил ключи.

* * *

После десятиминутной речи торгпреда об успехах руководимого им предприятия он передал меня Ласточкину. Тот коротко изложил ход закупок ценных пород древесины за последние полгода. Я оценил его способность запутанно излагать простейшие истины и согласился с Котомцевым: стихи он не пишет. И он, и торгпред, прекрасно понимавшие, какой я специалист по деревообработке, вопросов не задавали.

На следующий день Котомцев повез меня на комбинат, километров в тридцати от Яунде.

Дорога была отвратительной, узкая, в колдобинах, лужах. На мое удивление, Котомцев оказался хорошим водителем, он ловко объезжал препятствия, почти не теряя скорости. Перед самым комбинатом произошел небольшой инцидент, посреди дороги лежала корова. Котомцев объехал ее, но за-

ехал на обочину, откуда на корову полетели камни. Корове это не понравилась, она с неожиданной для коровы резвостью вскочила на ноги и грозно замычала. Была она местной породы, с огромными рогами и выглядела устрашающе.

– Ты уж поосторожнее, – выразил я свое неудовольствие. – А то кончится наша поездка некрологом. И на похоронах будут смеяться: ну, ладно бы напал лев или носорог, а то корова. Стоило для этого в Африку ехать.

– Вы не волнуйтесь, я проходил школу автогонщиков.

– Где?

– У нас был факультативный курс.

Наконец мы приехали на комбинат. Инженер-француз минут тридцать водил меня по цехам. Вопросов не задавал.

* * *

Вечером я отправился на ужин к торгпреду. Котомцев был уже там и рассказывал о своей поездке в Москву.

Жена торгпреда, эстонка, оказалась замечательной кулинаркой. Прекрасный луковый суп и какое-то, очевидно, национальное блюдо из говядины с красным перцем.

Кофе пили на веранде. К моему удивлению, Котомцев сел за пианино:

– Играю на заказ.

– Что-нибудь Шопена, – попросила хозяйка.

– А вы знаете, так называемый «Похоронный марш» – это

просто «Соната для фортепиано си-бемоль минор опус 35». Потом ее стали называть похоронным маршем.

– Не надо сонату, – остановил торгпред.

– Ладно, – согласился Котомцев и начал песенку из «Кабаре».

Играл он хорошо.

9. Воскресенье и в Африке воскресенье

В воскресенье всё посольство выезжало на озеро. Взяли и меня. Находилось это озеро в горах в очень неинтересном лесу. Неинтересном потому, что был он высажен каким-то скучным лесником. По линеечке. Геометрия просто угнетала. Взрослые устраивались на шезлонгах и привезенных из дома стульях, втыкали в землю зонты. На землю предпочитали не садиться: Африка! Дети пытались залезть в озеро, взрослые их не пускали: посольский врач не рекомендовал. Но некоторых взрослых смельчаков это не останавливало.

Начальство расположилось под большим зонтом на раскладных креслах. Я подошел, поздоровался. Посол усадил меня между собой и секретарем парткома:

– Как долетели?

– Хорошо. Спасибо.

Завхоз и Котомцев принесли холодильник с пивом. Завхоз открыл холодильник и принялся вынимать оттуда бутылки.

– Я еще вчера хотел спросить у вас, Евгений Николаевич, – обратился ко мне секретарь парткома, – действительно ли изделия из ценных пород дерева очень высоко ценятся в Москве?

– Видите ли... – начал я.

Котомцев понял, что мне трудно ответить на этот вопрос, и поспешил прийти мне на помощь:

– Очень высоко ценятся. Я приведу пример. Завхоз посольства одной из африканских стран отправил в Союз какой-то странный ящик. В Москве его попросили открыть ящик. А там... подшивка «Правды» за три года.

– Зачем?! – удивилась жена советника по культуре. Муж неодобрительно посмотрел на нее.

А Котомцев продолжал:

– Таможенники сначала обалдели, потом извинились. И было им невдомек, что ящик этот был из такой породы дерева, по сравнению с которым окуме – просто фанера.

– И что было дальше? – строго спросил секретарь парткома.

Котомцев растерялся, теперь я пришел ему на помощь:

– Никто из краснодеревщиков покупать ящик у завхоза не стал, боялись. И он продал его в похоронную контору... на гробы.

Котомцев посмотрел на меня как начинающий спортсмен на тренера, преданно и с восхищением, а посол спросил:

– Хотите пива?

Я знал, что у посла цирроз печени и врачи разрешили ему пить только черное пиво «Гиннесс», поэтому в посольство регулярно с оптового склада завозились ящики с «Гиннесом».

Пить пиво не хотелось, но как отказаться! Выручил Лев:

– Мы с Евгением Николаевичем планируем начать с чего-нибудь покрепче.

– Правильно, – одобрил посол.

Отойдя от шатра генералитета, я заметил Лизу, жену корреспондента. Отсутствие платья привлекательности ей не добавило. На ней был крохотный голубенький бюстгальтер – а большего ей было и не надо – и такого же цвета крохотные трусики. Зато в руках она держала огромный фолиант, книгу, по первому взгляду дореволюционного издания. Положив книгу на стул, Лиза не торопясь направилась к озеру.

Я подошел к стулу, поднял букинистическое чудовище. Песталоцци! Вот так номер! Бывают же совпадения!

Вчера в посольской библиотеке, глядя на позолоченные тома энциклопедии Брокгауза и Эфрона, я вспомнил, что именно туда писала статьи Крупская и гонорар за эти статьи составлял основной бюджет Ленина в Швейцарии. В оказавшейся рядом брошюрке «Ленин в Цюрихе» я нашел перечень написанных Крупской статей. В том числе статью о швейцарском педагоге конца XVIII века Иоганне Песталоцци. Я не поленился, отыскал статью и прочел. Этот Песталоцци на примере некоей Гертруды изучал различные фор-

мы воспитания. Одна из книг так и называлась «Как Гертруда учит своих детей».

Я водрузил фолиант на место и ретировался.

Вскоре Лиза вернулась, уселась на стул и раскрыла мудрую книгу.

Через несколько минут я подошел к ней и вежливо спросил:

– Что читаете?

Она не подняла головы.

– Разрешите полюбопытствовать.

Опять молчание. Ну, вроде бы меня и нет.

Я вытащил книгу из ее хилых рук и прочел вслух титульный лист:

– «Досуги отшельника». Ой, да это Песталоцци! Точно, Песталоцци! Вы читаете Песталоцци!

Лиза молчала.

– Неужели вы полагаете, что Гертруда правильно учит детей?

При слове «Гертруда» Лиза слегка вздрогнула, потом осторожно спросила:

– А вы считаете, что нет?

Я прочел название книги по-немецки, благо оно было напечатано на первой странице, и мудро изрек:

– В таком случае я бы порекомендовал вам прочесть...

Дальше я произнес нечто напоминающее немецкий язык, надеясь, что во франкоязычной стране знающие немецкий

попадают редко. И не ошибся.

– Как она называется по-русски? – робко поинтересовалась Лиза.

– Я не уверен, что она переведена на русский. Но по-французски вы ее найдете.

– Так почему же вы считаете, что Гертруда неправильно учит детей? – теперь уже с нескрываемым интересом спросила Лиза. И это было приглашением к диалогу.

Я начал кратко излагать статью Крупской.

– Ваше мнение интересно, – согласилась Лиза.

И забеспокоилась:

– Возьмите стул. Почему вы стоите?

Я принес стул, сел рядом и у нас началась ученая беседа.

Сотрудники посольства смотрели на меня, как на смельчака, вошедшего в клетку с тигром и рассеявшегося с ним в обнимку.

– Давайте ограничим круг наших разногласий, – предложила Лиза. – Если я вас правильно поняла, вы считаете, что социальный заказ на образование важнее, чем внутренние интересы социальных групп.

Я попытался сообразить, что это такое, и начал импровизировать на заданную тему:

– Если обществу нужны математики, а внутри классовой группы хотят, чтобы их дети стали адвокатами, то заказ общества первостепенен.

Судя по реакции Лизы, я понял, что в ученую беседу впи-

сался.

– Я вижу, вы находитесь в плену у Песталоцци, – иронически улыбнулась она. – Поздний Песталоцци действительно соглашался с тем, что именно горизонтальное мировоззрение, наиболее присущее элитам, является главным тормозом для выполнения социальных заказов общества.

Пока я был доволен собою. Оставалось только понять, о чем идет речь. И тут неожиданно Лиза пришла мне на помощь.

– Давайте четко определим понятия вертикального и горизонтального мировоззрения. Я бы определила вертикальное мировоззрение – как систему взглядов, где первостепенными считаются высшие интересы общества, государства и, если брать дальше, всего человечества. Горизонтальное мировоззрение – это система взглядов, где первостепенными считаются интересы рабочей группы, семейной ячейки, клана и, если брать выше, элиты.

В это время к нам подошел хмурый и лохматый субъект в очках, как я позже узнал, супруг ученой Лизы, и наш диспут закончился.

Котомцев, все время издали смотревший на нас, подбежал ко мне:

– О чем вы с ней так долго беседовали? Я был готов прийти на помощь, она же хамка.

– Мы беседовали о смешении понятий горизонтального и вертикального мировоззрения в поздних трудах Песталоц-

ци, — спокойно ответил я.

Он снова посмотрел на меня преданно и с восхищением:
— Ничего себе!

10. Посещение оргкомитета

Оргкомитет конгресса располагался в самом центре города в двухэтажном стеклянном павильоне. В таких обычно размещаются салоны автокомпаний. В центре зала стоял огромный «Хаммер», вокруг — бревна, так много бревен, что «Хаммер» казался океанским лайнером, вокруг которого толпятся баржи с лесом. Лес присутствовал везде: на стенах, на полках.

Котомцев был здесь не первый раз:

— Каковы инструкции, шеф?

— Познакомь меня с дежурным подготовительного комитета.

— Будет сделано.

Он уверенно повел меня в кабинет, где восседал тщедушный европеец.

— Эжени Лобов, — представил он меня, — крупный специалист по обработке окуме, махагони и эбенового дерева.

Европеец посмотрел на меня мутным взглядом уставшего человека и начал нудно и быстро по-английски излагать цели конгресса. Несмотря на мой весьма посредственный английский, я понял, что язык Шекспира у него какой-то странный.

– Вы из Канады? – спросил я.

– Я из Канберры.

Он поднял голову, посмотрел на меня и, решив, что перед ним абсолютный дебил, пояснил:

– Это Австралия.

Он продолжал говорить и так часто употреблял слово «timber» (бревно), что меня так и подмывало спросить его, не добрался ли он из Австралии до Африки на Кон-Тики.

В кабинет входили какие-то люди, подсовывали ему какие-то бумаги. Он смотрел, что-то объяснял, подписывал. Наконец один принес бумагу, судя по всему, совершенно безобразную с его точки зрения. Негодованию уроженца страны кенгуру не было предела. Он вскочил и, не извинившись, исчез. Я счел за благо исчезнуть тоже.

– Куда теперь? – спросил я Котомцева.

– Подождите меня в зале. Я принесу буклет участника.

Он поднялся по лестнице на второй этаж, а я остановился около «Хаммера». И в этот момент я увидел выходящую из какого-то кабинета свою соседку по самолету. С ней шли четыре человека. Она что-то внушала им начальственным тоном. Увидев меня, она замерла на полуслове. Потом, простившись со своими спутниками, подошла ко мне:

– Вы были правы, сапфир у меня действительно кашмирский.

– И не просто кашмирский. У него редкий для кашмирских сапфиров цвет: васильково-голубой. И это цвет ваших

глаз.

– Вы мне говорите приятные слова, немецкий ювелир.

– Вы умеете выбирать камни, мадам. У вас прекрасный вкус. И этот топаз...

На ней было светло-зеленое платье и на руке перстень с огромным топазом.

– У него такой же цвет, как у ваших волос. Топаз – это камень надежд на случайную встречу. Моряки брали топаз в плавание, считалось, что он выведет их из тумана.

– Нет, вы определенно намерены меня соблазнить. Осторожно. Я уже в таком возрасте, когда легко поддаются соблазнам.

– Камни красноречивы. Помните Сафо: «Верьте перстню, которой на женщине, но не ее словам, женщина может лгать, а камни нет».

– Верю. И Сафо, и вам. Только мы с вами находимся не на выставке камней, а в оргкомитете конгресса по ценным породам дерева. – Она показала на толстое бревно: – Как называется эта порода дерева?

– Не знаю, – честно признался я. – Я не специалист по ценным породам дерева.

– А кто вы?

Я протянул свою визитную карточку. Она прочла вслух:

– «Eugeny Lonov. Ministère des Affaires étrangères de l'URSS. Conseiller».

(Евгений Лонов. Министерство иностранных дел. СССР.

Советник).

Она понимающе покачала головой:

– Ну, конечно. Мы с вами коллеги.

Ее визитная карточка оказалась почти копией моей, только копией французской: «Madame Alice Chabaud. Ministère des Affaires étrangères. France. Expert économique».

(Мадам Алис Шабо. Министерство иностранных дел. Франция. Эксперт по экономике).

Теперь и я понял, кто она. Скорее всего, действительно моя коллега.

– Вам больше подошло бы имя Алис Мервей, Alice au pays des merveilles (Алиса в стране чудес), потому что рядом с вами я чувствую себя в мире чудес.

– Вам нравятся чудеса?

– Если они связаны с женщинами.

– И каких женщин вы предпочитаете: скучающих искательниц приключений или глупеньких простушек?

– Мальчишкой предпочитал глупеньких простушек. Потом, особенно когда женился, понял, что лучше иметь дело со скучающими искательницами приключений. После развода предпочитаю красивых и умных.

– Вы не боитесь умных женщин?

– Нет. Вольтер говорил, что мудрость женщины проявляется в умении вовремя сделать глупость.

– Вы меня убедили. И я сделаю глупость. У меня есть знакомые в оргкомитете, я попрошу их, чтобы на конгрессе нас

разместили в соседних номерах. Все-таки мы коллеги.

– И обязательно попросите, чтобы из моей ванной комнаты была дверь в вашу.

– И что вы намерены делать в моей ванной комнате? Поверьте, это вопрос не из праздного любопытства.

– Я уверен, у вас есть голубой пеньюар. А к голубому пеньюару подходит кольцо с бирюзой. А бирюза – это камень, который любит воду, его не надо снимать в душе. Я вижу вас в душе с бирюзовым камнем.

– Вас интересуют прежде всего мои украшения?

– Я еще ни разу не видел человека, полностью не снявшего с себя одежду в душе, мадам. Впрочем, бирюзовое кольцо можно оставить. Я еще не был в эльзасском ресторане. Может быть, случится чудо, и вы...

– Не торопитесь, господин советник. Подождите конгресса. И определитесь: ресторан или ванная.

Влетел какой-то субъект в яркой рубашке:

– Мадам Шабо! Мадам Шабо!

Она попрощалась кивком головы и отошла. В ту же минуту рядом со мной оказался Котомцев:

– Она эксперт по ценным породам?

– Я думаю, она такой же эксперт по ценным породам, как мы с тобой.

– А я думал, что красивых шпионок в жизни не бывает.

– Такое случается. Только для тебя она старовата.

– А вы знаете, мне как раз нравятся женщины старше ме-

ня. А вам какие нравятся? Молодые или старше?

И я честно признался:

– Все.

11. Песталоцци и Мессалина

С утра во вторник я отправился в супермаркет «Монопри» в центре города. Мне нужно было купить галстук для своего непосредственного. Я всегда привозил ему из командировки галстук, он всегда благодарил меня и хвалил за прекрасный вкус, но я никогда не видел его в подаренном мною галстуке.

Едва отойдя от кассы, я увидел Лизу. Она спускалась по винтовой лестнице прямо на меня. Я сделал несколько шагов вперед и оказался под лестницей. На Лизе была короткая широкая юбка, так что взгляд снизу открывал интимную перспективу.

Она перехватила мой взгляд, от гнева ручонки ее начали вибрировать. Спустившись, она решительно двинулась в мою сторону:

– Вас не учили тому, что подглядывать женщинам под юбки гадко?

– У меня есть три причины не стыдиться своего поступка, – спокойно возразил я.

– Ах, даже три! – Мне показалось, что от переполнявшего ее гнева она начала заикаться.

– Во-первых. Желание увидеть красивую женщину в минимальном количестве одежды – это естественное желание любого здорового мужчины. Во-вторых. В том минимуме одежды, которая открылась мне сейчас, я вас уже видел на озере. Стало быть, я не посягнул на нечто мне неведомое. И, в-третьих. Когда женщина нравится мужчине, он делает все возможное, чтобы закрепить знакомство. А чтобы закрепить знакомство, надо назначить свидание. В свою очередь для того, чтобы назначить свидание, необходимо начать разговор. И я преуспел, разговор завязался.

– Прекрасно. Для того, чтобы назначить свидание, вы заглядываете женщинам под юбки.

И она величественно удалилась.

Я побродил по магазину еще с полчаса и уже шел к выходу, как снова увидел Лизу. Она направлялась в мою сторону. Шла она так решительно, что я замер, как часовой под грибком, увидевший генерала. Поравнявшись со мной, она остановилась и, не глядя на меня, отчеканила:

– Сегодня в семь тридцать пять. Не в семь тридцать две и не в семь тридцать семь, а в семь тридцать пять. На углу Розье и авеню Фош.

И продефилировала дальше.

Вот тебе и оборот!

Отказываться я не собирался. Да уже и поздно. Вроде бы сам и напросился.

Я вернулся в посольство. От дежурного коменданта узнал,

что Лиза живет на улице Розье. Он же поведал мне, что в восемь часов в клубе посольства, как всегда по средам, покажут фильм. По заведенным у них правилам перед началом сеанса кто-то выступает с рассказом о фильме, а по окончании комментирует фильм. В этот вечер должен выступать муж Лизы.

Имея дело со столь непрогнозируемой дамой, я решил организовать неожиданное randevu подобающим образом. Посему сначала, дабы вечером верно рассчитать время, съездил на указанный угол. Потом заказал столик в ресторане гостиницы, где остановился. Место удобное, с намеком на окончание вечера в моем номере. Хотя рассчитывать на то, что в хрупком теле мыслительницы возгорится огонь Мессалины, не приходилось. А, может быть, это и к лучшему, подумал я, но перестраховался, заказав столик в китайском ресторане. Потом вернулся в посольство и на всякий случай перечитал статью о Песталоцци.

К углу Розье и Фош я подрулил ровно в семь тридцать пять. Лиза не опоздала. На ней было длинное яркое африканское платье.

– Вперед, – скомандовала она, усевшись рядом.

Я хотел было спросить: «Куда?», но она меня опередила:

– Сейчас семь тридцать семь. Вы должны меня вернуть на это место в девять двадцать пять. Итого в вашем распоряжении час сорок восемь. Вы остановились в «Новотеле»?

Именно в эту гостиницу Лев меня и определил.

– Туда можно доехать за пятнадцать минут. Но сейчас оживленное движение, а я не люблю гонку. Поэтому положим двадцать минут. Обратно доедем за пятнадцать. Итого тридцать пять минут на дорогу в обе стороны. Припарковать машину у отеля трудно. Положим семь минут. Назад легче, займет три минуты. Итак, на парковку десять минут. На каком этаже ваш номер?

– На третьем.

– Две минуты ждать лифт, одна минута подняться на этаж и дойти до номера. Три минуты туда, три назад. Суммирую. Передвижение от Розье до Розье займет шестьдесят восемь минут. Таким образом, в вашем распоряжении остается пятьдесят семь минут. Это немного, но достаточно.

Цену времени она знала.

– Я много думала по поводу нашей беседы у озера. Вы правы. Давайте отвлечемся от века Песталоцци и попробуем экстраполировать его идеи на век нынешний. Согласитесь ли вы с тем, что одной из характеристик общественного развития в последние десятилетия является возрастание роли женщины в обществе?

Я с этим согласился. И думал о роли женщины в моем номере.

– Какова причина этого роста? Только не говорите, что это результат деятельности борцов за эмансипацию женщин. Не произойди кардинальные изменения структуры общества, результаты их усердия были бы ничтожными. Вы согласны?

Я снова согласился.

– Так что же изменилось в обществе в пользу женщины? Что перевернуло соотношение полов и создало предпосылки к сползанию общества к матриархату? Мы поговорим об этом на обратном пути.

Значит, в номере мы не будем спорить о Песталоцци, и это радовало.

Я быстро припарковал машину, отыграв три минуты из графика, составленного Лизой. Лифта мы ждали недолго. Я открыл дверь своего номера, пропустил даму вперед.

Лиза сразу выскочила на балкон.

– Какая прелесть! Поле для гольфа! Вы играете в гольф? В гольф я не играл.

Она с минуту любовалась видом на горы, потом вернулась в комнату.

– У вас и так слишком мало времени, и я не хочу вгонять вас в еще больший цейтнот.

Она расстегнула бретельку возле плеча, и платье упало. Под ним ничего не было, то есть была она – и ничего больше. Она скинула тапочки и подошла ко мне:

– Как видите, я максимально упростила вашу задачу. И это совершенно нормально. Когда мужчина и женщина не прочь заняться любовью, никакие жеманные приготовления не нужны. Как если бы вы встретили знакомую и отправились вместе с ней в ресторан. Просто надо понять, что утоление интимного желания и утоление аппетита есть явления

одного физиологического порядка.

Освобожденная от мужских оков эмансипанка в сокровенном деле искусство проявила немалое. Отдав сначала инициативу пока еще сильному полу, она принудила постепенно замедлить ритм и перейти на более мускулистую операционную систему.

Я про себя подумал: прибавь ей бóльшую внешнюю привлекательность, я начал бы подумывать о возможной серии этого спонтанного мероприятия и, вспомнив мои утренние предположения, оценил партнершу:

– Вы – Мессалина.

– Незаслуженно обиженная дама, – отчеканила Лиза. – Не казни ее Клавдий, не женился бы он на Агриппине, и та не отравила бы его самого, дав Риму в императоры своего сына Нерона.

И продефилировала в душ. Потом направился в душ и я. А когда вернулся, она уже была одета. Собственно говоря, для этого ей нужно было только водрузить на себя платье.

– Я далека от мысли, что во время сцены, не пассивной участницей которой я оказалась, вы размышляли не только над ролью Мессалины в истории Рима, но и над ответом на вопрос, который я вам задала. Повторю вопрос. Что изменилось в обществе в пользу женщины и создало предпосылки к сползанию его к матриархату? Подскажу первый, достаточно тривиальный ответ. Научно-технический прогресс. Женщине стал физически доступен труд, который раньше был по

плечу только мужчине.

Мы спустились вниз, подошли к машине. Лиза продолжала:

– Ответ второй тоже достаточно тривиален. Демократизация общества. Тут и всякие женские движения и сторонницы эмансипации. Ответ третий. Правительства зависят от избирателей. А половина избирателей – женщины. Ответ четвертый, крайне важный и незаслуженно забываемый. За последние годы средства предохранения от беременности стали настолько надежными и необременительными, что женщин перестала пугать опасность забеременеть от человека, сама мысль о совместных детях с которым ввергает их в дрожь.

Я согласился. Вступать в дискуссию не входило в мои планы. Через десять минут мы расстанемся надолго. А она тем временем вернулась к матриархату.

– На первом этапе матриархата будет создана юридическая система, основанная на том, что на мужчин не будет распространяться презумпция невиновности. Даже сейчас, когда существует всего один вид правонарушения, при котором на нарушителя не распространяется презумпция невиновности – изнасилование, мне достаточно закричать: «Насилуют!», как вас схватят, отведут в участок, вы окажетесь в клетке с омерзительными личностями, и дальнейшая ваша судьба будет полностью зависеть от меня.

Я разозлился:

– Вы недооцениваете мужчин.

– И что вы могли бы противопоставить мне, кричащей: «Насилуют!» Только одно: пасть на колени и «Пожалуйста, пожалейте».

– Вы глубоко заблуждаетесь. У мужчин остаются их основные преимущества: физическая сила и умение быстро принимать решение в самых трудных ситуациях.

– И что бы вы предприняли?

Мы въехали в небольшой лесок. Я притормозил машину.

– Я могу остановить машину и вытащить вас наружу. Вы не будете отрицать, что я сильнее вас.

– И что вы намерены со мной делать? – забеспокоилась Лиза. – Вообще-то вы уже...

– Я поставлю вас лицом к дереву и подниму платье. Сучья от местных деревьев тверды, как шпигрутен. Вы упадете на колени, и ваши вопли заглушат свист шпигрутенов.

Нарисованная мною картина потрясла хрупкое воображение впечатлительной феминистки. Она заерзала на сиденье и открыла рот. Потом взяла себя в руки и презрительно процедила:

– Это варварство.

– Да, но я пойду на это, потому что не хочу оказаться в клетке с омерзительными личностями.

Мы подъехали. Она не простившись вышла.

На следующий день я улетел из Камеруна и снова отправился туда только через два месяца в составе делегации на

конгресс.

Глава третья

КОНГРЕСС КАК СРЕДСТВО ВРЕМЯПРОВОЖДЕНИЯ

12. Гретхен и Кафка

В посольстве ничего не изменилось, та же энциклопедия в холле, те же скучающие дипломаты. Лев предусмотрительно отбыл в отпуск. Уехала с мужем и Лиза.

Вечером в день прилета нас собрали на совещание в кабинете посла. Сначала говорил министр, потом посол. После совещания меня подозвал министр:

– Ты ведь оттуда? – он указал пальцем почему-то в потолок, будто я прибыл с того света.

Я решил его не переубеждать:

– Оттуда.

– Если что, действуй по своему усмотрению.

Я согласился. Он продолжал:

– Но люди у меня в делегации проверенные. Лесники.

На следующее утро вся делегация, кроме министра, собралась в номере Дыгаева. Тот достал три бутылки водки. Только разлили спиртное по гостиничным стаканам, как открылась дверь, и на пороге появился сам министр. Все за-

стыли со стаканами в руках.

Министр, седовласый детина ростом под два метра и весом под сто килограммов, взял один стакан, понюхал и громовым голосом прорычал:

– Утром?! Водку?! Стаканами?!

Мы молчали.

– Наливайте.

Ему тут же налили стакан, хотели предложить закуску, малосольный огурец. От огурца он отказался:

– Здоровье не позволяет.

И залпом выпил стакан.

Начались разговоры. В основном о делах министерства. В маленьком номере стало жарко. Я вышел в коридор, спустился в регистратуру.

– Кто проживает в соседнем со мной номере? – спросил я.

– Мадам Алис Шабо, эксперт, Франция.

Я поблагодарил и поднялся в бар; заказал пива и с кружкой в руках направился к столику.

– Рада вас видеть.

Предо мной стояла Алис.

– Вы пьете пиво. Нет, в вас определенно есть что-то от немецкого ювелира.

На ней были пестрая желтая кофточка, длинная красная юбка и черные туфли на каблуках.

– А вы похожи на баварскую Гретхен. Но для того, чтобы вы стали похожи на настоящую Гретхен, вам нужно бу-

дет снять перстень из аметиста. Кстати, аметист – это камень людей, склонных к сумасбродным поступкам.

– Я не склонна к сумасбродным поступкам.

– Неправда. Когда вы обратите внимание на то, что вы одеты в цвета немецкого флага, только наоборот: черный цвет должен быть вверху, вы попросите, чтобы я исправил положение.

– То есть я должна вас попросить поставить меня ногами вверх. Вам не кажется, что этого не стоит делать в зале?

– Желания посылаются нам сверху, а человек сам определяет место, где они могут быть выполнены.

– Это опять Лютер?

– Нет, мадам. Это Кафка.

– Разумеется. Лютер вряд ли мог порекомендовать мужчине отвести женщину в свой номер и там поставить вверх ногами. Как вам понравился ваш номер? Я хотела заказать вам сыут с салоном. Надеюсь, что вы пригласите меня выпить кофе. Но, увы, ваша сторона сыут не оплатила.

– Но у вас сыут?

– Да.

– Так пригласите меня.

– Это невозможно. Одно дело, когда мужчина приглашает даму к себе в номер и она приходит. Это *frivolité aléatoire* (случайное легкомыслие). Но когда приглашает дама. Это *frivolité préméditée* (легкомыслие с заранее обдуманными целями).

- Правила морали не действуют во время войны, мадам. А наши страны находятся в состоянии войны друг с другом, пусть холодной, но войны. Поэтому мой визит к вам можно рассматривать как визит парламентаря. Я приду в восемь.
- В девять. И на всякий случай я сниму аметист.
- В восемь. Парламентары народ очень нетерпеливый.
- В девять. И хочу вас предупредить: я буду одета так, что у вас не найдется повода поставить меня вверх ногами.
- В восемь. Кто приходит рано, тот уходит поздно.
- Это явно не Кафка. Это Лафонтен?
- Увы, нет. Песталоцци.
- Кто?
- Песталоцци. Швейцарский философ времен...
- Ладно. Приходите в восемь.

13. Как брат Бастилию

Я долго стоял перед прилавком в винном отделе, не мог решить, какое покупать вино: белое или красное. Потом купил бутылку красного «Шатонеф-дю-Пап», попросил положить ее в красивый пакет, вернулся в отель, поднялся на седьмой этаж, остановился у двери Алис и стал ждать, когда стоящие в углу коридора старинные настенные часы пробьют восемь. На восьмом ударе я постучал. Мадам открыла дверь.

– Заходите.

Ее номер существенно отличался от моего, в нем было две

комнаты: салон и спальня. Салон предназначался для деловых встреч: строгие темно-серые кресла, письменный стол, холодильник, у подоконника столик с кофеваркой и набором стаканов. Кассетный магнитофон на письменном столе, конечно, входил в опись отеля, но разбросанные рядом кассеты: Брассенс, Баррьер, Джонни Холлидей, кассета с Эйфелевой башней «Vive la France» несомненно принадлежали мадам. Горела только маленькая лампочка на столике между креслами.

– В моем возрасте лучше всего принимать мужчин в плохо освещенном помещении, – приветствовала меня Алис. На ней был строгий вечерний костюм, в руках она держала коробку конфет.

Я протянул пакет с бутылкой:

– Дарить француженке вино так же трудно, как дарить индуске слона.

– Но вы должны признать, что бутылка вина стоит дешевле, чем слон. Хотя иная бутылка перетянет стадо слонов.

Она вынула бутылку из пакета:

– Châteauneuf-du-Pape. Domaine Roger Perrin! Вы ясновидец или шпион. Я родилась в Сорге, это на полпути между Авиньоном и Шатонеф-дю-Пап. Я знакома с Роже Перреном. Мой отец хорошо знал тестя нынешнего владельца виноградников.

– Я не ясновидец и не шпион. Я ювелир из Гамбурга. Я подумал, что цвет этого вина, цвет зрелого граната, подойдет

к вашему бирюзовому колье.

– Вино в душе, это, конечно, романтично. Но у меня нет бирюзового колье, оно слишком дорого. Более того, я забыла в Париже кольцо с топазом, а этот камень придает женщинам красоту.

– Так говорит энциклопедия камней. Кстати, топаз, кроме всего, камень следователей и тайных агентов.

– У Маты Хари был перстень с топазом?

– Увы, нет. Она предпочитала бриллианты и, как вы знаете, плохо кончила. Вообще вы, французы, к женщинам относитесь плохо. Мату Хари расстреляли. Жанну д'Арк вообще заживо сожгли на костре.

– Но чтобы освободить девицу непримерного поведения по имени Нини По-д'Шьен, мы взяли Бастилию и устроили революцию.

Я повертел кассету «Vive la France», нашел песню Аристида Брюана. «À la Bastille». Когда-то во время московского фестиваля мы пели эту песню. В конце припева мальчишки спрашивали: «Кого мы любим?» Девчонки отвечали: «Нини По-д'Шьен». Мальчишки спрашивали: «Где она?» Девчонки отвечали: «В Бастилии». Потом все кричали: «На Бастилию!» И начиналось взятие Бастилии...

– Давайте выпьем за Бастилию. У каждого в жизни бывает Бастилия, которую он хочет взять.

Я вставил кассету в кассетник. «À la Bastille», – запел Брюан, и я начал ему подпевать:

– À la Bastille! On aime bien Nini Peau d'chien. Elle est si bonne et si gentille! (На Бастилию. Мы любим Нини-под'шьен. Она красива и мила.)

Потом выключил магнитофон и, как тогда во время фестиваля, спросил:

– On aime bien, qui ça?

Алис засмеялась:

– Это напоминает мне студенческие годы!

И ответила:

– Nini Peau d'chien.

– Où ça?

– À la Bastille.

И в этот момент погасла единственная лампочка в салоне. Стало темно. Я разозлился:

– Не дали взять Бастилию!

Алис встала с кресла:

– Надо посмотреть, есть ли свет в спальне.

В спальне света не было тоже.

– Ваши спецслужбы нарочно выключили свет? – спросила Алис.

– Конечно. – Я подошел к окну. – Только они перестарались. Свет погас во всем городе.

– Бог мой. Если я не уступлю, они погасят свет во всей Африке!

Мы не заметили, и когда свет снова зажегся, и когда потом опять стало темно.

– Здесь такое часто бывает, – объяснила Алис. – Африка.

* * *

На следующий день в перерыве между заседаниями я по-
дошел к Алис:

– Сегодня ты придешь ко мне.

Она широко раскрыла глаза:

– Ты с ума сошел! К мужчине в номер! За кого ты меня
принимаешь?

– Но... – начал было я.

– Мы на конгрессе по ценным породам древесины, а не по
обустройству ночных клубов.

– Я не знаю, интересуются ли владельцы ночных клубов
древесиной, но специалисты по ценным породам деревьев
иногда посещают ночные клубы.

– И все-таки я консервативна. Жду тебя у себя в номере. И
скажи своим спецслужбам, что уже не надо выключать свет
в городе. Снова будем петь «À la Bastille»?

– Нет, теперь мы перейдем на варьете. Я видел у тебя кас-
сету Джонни Холлидея. «Que je t'aime». Очень ритмично и
очень агрессивно. Quand l'ombre et la lumière dessinent sur ton
corps... (Когда тень и свет рисуют на твоём теле).

– Прекрати!

– Des montagnes, des forêts et des îles aux trésors. (Горы,
леса и острова, где зарыты сокровища).

– Прекрати!

– Que je t'aime, que je t'aime, que je t'aime! (Как я люблю тебя! Как я люблю тебя).

– Если ты не прекратишь, я тебя силой отведу в свой номер прямо сейчас.

С того дня после первого заседания мы шли в ее номер. После ужина тоже.

* * *

Первой уехала Алис. Даже не попрощавшись. А я остался еще на два дня. Меня снова пригласил гостеприимный торгпред. Пригласили и Котомцева, тот играл на пианино всё, что мы просили.

Глава четвертая

УРОЧИЩЕ БУРЕВЕСТНИКОВ

МАТРИАРХАТА

14. Игра в полные рифмы

– Поклонник Песталоцци!

Это была Лиза. Я буквально столкнулся с ней, выходя из гастронома на Новом Арбате.

– Хорошо, что я вас встретила. Мы не закончили наш спор.

Я не имел ни малейшего желания продолжать спор и решил увести разговор в сторону:

– Вы сегодня хорошо выглядите.

На комплимент Лиза не среагировала:

– Завтра в семь пять я вас жду у выхода из метро «Ново-кузнецкая».

Я начал было говорить о том, что завтра...

– Тогда послезавтра.

Я понял, что она дойдет до следующего месяца, но все равно своего добьется. Поэтому решил не откладывать неприятности на потом:

– Пожалуй, лучше завтра.

На следующий день, как и тогда в Яунде, Лиза была точна:

– Вы на машине?

– Да.

– Здесь недалеко. Поехали.

– Не скрою, в прошлый раз вам удалось меня унижить, – начала она, усевшись в машину. – Теперь моя очередь унижить вас. Сегодня я введу вас в общество, где вы встретите людей, для которых Песталоцци, Шопенгауэр, в конце концов, даже Ницше – это только ступень познания, а не отправная точка мышления.

– Вы ведете меня в кружок любителей философии?

– Нет. И еще раз нет. Это люди, близкие к литературе: очеркисты, поэты, критики. Вам придется сопоставить свой компас общения со свободой общения этих людей. Я долго размышляла по поводу нашей последней встречи. Должна признаться, ваш пример со шпицрутенами меня убедил. Действительно, в тех социальных ячейках, где действует закон грубой силы, мужчина пользуется преимуществом.

Я припарковал машину в переулке, и мы направились к старинному семиэтажному дому.

– Должна вас предупредить. Каждому, впервые попавшему в эту компанию, предлагается пройти испытание. Например, произнести тост в честь какого-нибудь события. Поце-

ловать колени даме, с которой пришел, или даме, которая выбрана королевой вечера.

На старинном лифте мы поднялись на пятый этаж, позволили. Нам открыл субъект в толстовке.

Я узнал этого человека. Это Тизанников. Я встречал его фотографии в наших оперативках. Диссидент. Печатает статьи за границей.

Мы вошли в огромную комнату, какие еще сохранились в старых домах. Кроме Тизанникова там сидели еще четверо мужчин и три женщины.

Лиза представила меня:

– Евгений. Специалист по Песталоцци.

– Это любопытно, – осмотрев меня с головы до ног, произнесла дама в шали и больших очках.

– Какой нынче экзамен для новичка? – спросила Лиза.

– Четверостишие в адрес дамы, с которой пришел, – ответил человек, постриженный под Олега Попова. – С обязательной рифмой к имени дамы. Рифма должна быть полной.

– Ему надо объяснить, что такое полная рифма. Он, наверное, не знает, – вмешалась дама в шали.

Знаю ли я, что такое полная рифма! Мы с сыном, когда он учился в школе, играли в рифмы. Такие рифмы придумывали! Теперь он пишет диссертацию «Рифмы у пролетарских поэтов начала века». Полная чушь.

– Мурзик, – распорядилась Лиза. – Приведи пример.

Щупленький парниша в ярком свитере и наглыми глазка-

ми отчеканил, тщательно выговаривая нужную букву:

Есть за границей контора Кука
Если вас одолеет скука
И вы захотите увидеть мир
Остров Таити, Париж и Памир.

– Полная рифма – это когда согласная перед гласной, на которой основана рифма, совпадает, – пояснила дама в шляпи.

– Я могу вам помочь.

Это произнесла миловидная, ладно скроенная девица лет тридцати.

– Люба, не мешай гостю работать, – осадил ее человек в синем костюме и желтом галстуке, как позже выяснилось, ее муж.

* * *

Про меня забыли. Говорили о каком-то мне не известном философе.

– Простите, – прервал я их беседу. – А можно вместо одного четверостишия четыре?

– Нет уж, избавьте, – взорвалась Лиза. – Боюсь, и одного-то будет много.

– Ты бы, Лизавета, помолчала, – цыкнула на нее Люба.

Потом повернулась ко мне:

– А может быть, правда, одного хватит.

– У нас полная свобода творчества, – благодушно пропел человек, постриженный под Олега Попова. – Дерзайте, молодой человек.

Я как школьник вышел на середину комнаты.

– Полная рифма. Только полная рифма, – гаденько напомнил мне Мурзик.

– И, пожалуйста, не «подлиза». Ну, я вас прошу, только не «Лиза-подлиза». Хотите, встану на колени? – издевалась Лиза.

Я не ответил. И начал:

Не за три эскудо,
И не по лендлизу
Мне невесть откуда
Выволокли Лизу!

Общество замолкло. Тизанников смотрел на меня с удивлением, Люба от восторга открыла рот. Я продолжал:

От колен до лысин
Все горит внутри.

Я замолк, потом обратился к обществу:

– Подскажите рифму.

Молчание было мне ответом.

– Может быть, вы? – Это я спросил Мурзика. – Только, пожалуйста, полную. Это когда согласная перед гласной совпадает.

Он напряженно мыслил, а я начал четверостишие сначала:

От колен до лысин
Все горит внутри,
Глажу профиль лизин
С бюстом минус три.

Волосы, как листья,
Ноги – низший класс.
Даже от безлизья
Не положишь глаз.

В отвращенье склизком
Сторонюсь я лиз.
Нет почтенья лизкам
Хитрым, как Улис.

Я закончил, а общество безмолвствовало, только Люба зааплодировала.

– Вы работаете профессионально, – вяло констатировал Тизанников. – Вот только отношение к даме...

– Что вы! – показно удивилась Лиза. – Он и не такое может. Шпицрутенами.

И порешив более не уделять внимания моей персоне, они

заялись своими литературными делами.

Элегантный субъект в очках и в галстук прочел стихотворение, из которого я запомнил только:

Наш когда-то сильный пол.
Дамы мордой быют о пол.

Наступила очередь Лизы:

Оденем мы солдат Диором
И манекенщиц в маршалы дадим.

Я живо себе представил маршалом мою бывшую жену, манекенщицу, и перед моими очами предстали несчастные солдаты, которые, сбивая с ног ошалевшего неприятеля, бегут сдаваться в плен.

Терпел я до тех пор, пока человек, постриженный под Олега Попова, не продекламировал:

Безо всякой корысти
Соревнуюсь в скорости.

Я прислушался, потому как захотел узнать, в скорости чего он соревнуется. И когда услышал, что соревнуется он в скорости резки капусты, понял: мне пора уходить, иначе я могу совершить необдуманый поступок. Я спросил у Тизанникова:

– Какое испытание полагается тому, кто уходит?

– Снова четверостишие в адрес дамы. Только теперь даму он может выбирать сам.

Люба вырвалась от мужа:

– Посвятите мне. Меня зовут Люба.

– Любовь Петровна, – вмешался ее муж.

Я отошел в сторонку и минут через пять попросил внимания.

Вы – находка для пен-клуба,
Скажет каждый коммерсант,
Вы в среде поэтов, Люба
Как Сафо или Жорж Занд.

Телеграфный столб – на бревна,
Злобных критиков – в острог.
А для вас, Любовь Петровна,
Серенада в восемь строк.

Провожал меня Тизанников и элегантный человек в очках, тот, который предлагал дамам бить его мордой о пол. Люба, к удивлению и радости своего супруга, уткнулась в окно и проявила к моему уходу полное безразличие.

– Как вам у нас? – вежливо поинтересовался элегантный мужчина.

– Я бы назвал ваше общество урочищем буревестников матриархата, – ответил я и с облегчением вышел на лестнич-

ную клетку.

* * *

Когда через два дня в среду ровно в восемь я подходил к телеграфу, Люба уже ждала:

– Я сразу все поняла. Какой ты молодец! Даже Пушкину не удавалось в присутствии мужа назначить свидание жене. В среде поэтов. Я догадалась, «в среду». Восемь строк. В восемь. Телеграфный столб. У телеграфа!

И мы поехали в мою холостяцкую квартиру.

– Пушкин израсходовал все рифмы на «Евгений», – верещала по дороге Люба. – А я нашла новую. И какую! Полную!

Лонова Евгения

Очень любит Кения.

– Во времена Пушкина Кении не было, – счел я долгом встать на защиту великого русского поэта.

– Не было, – согласилась Люба.

Мы подъехали к моему дому. Игра в полные рифмы закончилась.

15. О пользе частного извоза

Прошло два месяца. Однажды я припарковал машину

возле ресторана «Гавана» и решал вечную субботнюю задачу холостяка: купить полуфабрикаты или идти обедать в ресторан. В кубинский ресторан идти не хотелось. Я так углубился в размышления, что не заметил, как на сиденье рядом плюхнулась дама:

– Шеф, мигом во Внуково. В накладе не останешься.

Это была грузная особа лет тридцати пяти.

– Вылезай, не то отвезу в милицию.

– Если не поедешь, начну кричать, скажу, что ты меня пытался изнасиловать.

– Не поверят.

– Поверят, не поверят, но скандал будет.

– Чего тебе во Внуково приспичило? Груз апельсинов пришел?

– На самолет опаздываю. Пожалуйста. Как приедем, на колени встану.

«А что? – подумал я. – Пообедаю во Внуково. Там хороший ресторан».

И включил зажигание. Пассажирка повеселела:

– Я тебе сказала, в долгу не останусь.

И начала объяснять, что у нее сломались часы, а подруга ждет. Словом, все, что рассказывают в таких случаях. Потом спросила:

– Вы женаты?

– Разведен.

– Вы ушли от жены?

– Ушел.

– Она зарабатывала больше вас?

– Странный вопрос.

– Это не так. Бабы теперь и финансово, и физически солидней этих интеллигентских хлюпиков с хилыми бицепсами и мизерной зарплатой.

– Вы замужем?

– Да. Третий раз. Первый был мальчик, такой молоденький-молоденький и такой глупенький-глупенький. Представляете, моей матери в присутствии ее хахаля посоветовал убирать морщины на лице мазью от геморроя. Так я ему после этого устроила такую жизнь, что он стал употреблять эту мазь по основному назначению. Прогнала я его. А второй была надежда кораблестроения. Какие он строил корабли, не знаю. По-моему, если он что-нибудь и построил, то это должно было утонуть. Он ничего не умел делать. Ничего. Его мама приходила к нам вешать картины и чинить унитаз. Терпела я, терпела, а потом подарила его своей подруге.

– Ну, и третий?

– Пьет, хулиганит, дебоширит, дерется, всё пропил.

– И вы его подруге...

– Да кому он нужен! Но вы знаете, нет худа без добра. За эти полгода, что я с ним, я похудела, не поверите, на одиннадцать килограммов. Раньше никакая диета не помогала.

– Но ведь бьет, – начал было я.

– Вы, мужчины, ничего не понимаете. Похудела на один-

надцать килограммов. Можно и потерпеть.

– Но ведь всё пропил.

– Верно. Даже мое ночное белье.

– И как же вы без белья?

– Вы интересуетесь моим бельем? Тогда на обратном пути. Вернусь через неделю. Адресок оставить?

– Не надо. Умру отшельником.

Я остановил машину у входа в аэропорт.

– Ой, спасибо.

И выскочила.

Я отъехал несколько метров, потом вспомнил «в накладе не останешься» и открыл бардачок. Так и есть. Десятирублевая купюра. Это уж слишком. Я подрулил к милиционеру, дежурившему около входа. Показал удостоверение:

– Поставь где-нибудь машину.

– Все понял, товарищ полковник. Все будет в порядке.

Сжимая в ладони десятку, я ринулся в здание аэропорта искать пассажирку. Но куда там! На меня налетела какая-то дама с двумя сумками. И принялась на меня же кричать:

– Взрослый мужик, а хулиганишь!

Я поискал, поискал, потом вздохнул и положил заработанную частным извозом десятку в карман.

– Ой, Женя! Рада тебя видеть!

Люба. С ней здоровый парень.

– А мы на юг. Это мой новый супруг. Его зовут Аркадий.

Я давно не видел Любу и об изменении ее семейного по-

ложения проинформирован не был. Не дав мне времени на вполне законное удивление, Любовь представила меня своему новому спутнику жизни:

– Это мой старый знакомый. Евгений. Он служит в торговле, покупает в Африке красное дерево. Прекрасный поэт. Мастер полной рифмы. А ну-ка, Женя, полную рифму к «Аркадий».

Я долго не думал:

– Аркадий... сидел на кухне с Катей.

– С какой Катей? – насторожился Аркадий.

– С Банщиковой, – агрессивно вступила Люба. – Банщикову на кухне трахал!

Аркадий принялся поспешно оправдываться:

– Я... никогда. С этой коровой.

«Чудеса, – восхищался я про себя, – надо же! Попал в точку».

Аркадий продолжал оправдываться, а я решил перевести разговор на другую тему:

– Как там наши общие знакомые?

– Я туда больше не хожу. Они стали совсем чокнутыми. Женя, скажи мне честно, тебе нравится, когда тебя бьют ремнем по жопе?

– Не знаю, не пробовал. Но думаю, не нравится.

– И мне не нравится. А они там такое вытворять начали! И знаешь, что противно. Лизка достала какое-то снадобье. Наркотик вроде. У нее брат – химик. Всем в лимонад по ка-

пельке, и народ начинает такое вытворять!

Аркадий показал на часы.

– Идем, идем, – заторопилась Любовь. – Ты знаешь, Жень, забудь про них. Скажу тебе по секрету. У Лизки брат в органах работает. С ним шутки плохи.

– Мы опоздаем на самолет, – торопил Аркадий.

– Идем, идем. А ты, Аркадий, покажи Евгению, что понимаешь шутки, и улыбнись на прощание.

Аркадий улыбнулся. Его улыбку я бы расшифровал как «Представится случай, съем».

Они ушли, а я отправился в кафе, где пропил честно заработанную десятку: суп-харчо, отвратительный шницель, кофе, два позавчерашних пирожка и, доплатив свои два рубля, купил бутылку коньяка на вынос.

Надо бы при случае удостовериться, размышлял я по дороге домой, действительно ли брат Лизы служит у нас.

* * *

Такой случай представился через неделю. По делам я приехал во Второй консульский отдел, где хранятся анкеты всех выезжавших за границу. Я помнил фамилию Лизы – «Пименова» и запросил ее анкету.

Через полчаса мне принесли два листочка, заполненные аккуратным школьным почерком. Читаю. Фамилия – «Пименова», девичья фамилия – «Семицветова».

Люба не ошиблась. Семицветов, судя по всему, брат Елизаветы, действительно наш сотрудник. Более того, мир тесен, я с ним знаком. Лет десять назад Игорь Семицветов работал в Перу, а я из Италии поставлял ему химические лаборатории. В прошлом году я встретил его в ГУМе, он мне рассказал, что его перевели под ширму в какой-то химический институт. Теперь понятно, откуда у Лизаветы снадобье.

Подошел сотрудник отдела:

– Евгений Николаевич, вас просят вернуться на работу.

* * *

– Вышло решение, – приветствовал меня Колосов. – Полетишь по маршруту: Браззавиль – Женева. Нужно перевести деньги от Габонского рудника в Женеву.

– Деньги большие, не боишься, что я – в сторону? Пальмы, загорелые девицы.

– И рядом труп с пулей во лбу.

– Убедил. Загорелых девиц найду по месту работы. А вместо пальм – фикус в библиотеке и библиотекарша Аделаида Кузьминична.

Я знал, что библиотекаршу Аделаиду Кузьминичну мой непосредственный, как бы сказать помягче, недолюбливает. Яркая дама лет сорока, агрессивная поклонница Кандинского и Метерлинка, она как-то на собрании упомянула его фамилию среди тех, кто интересуется только детективами и не

читает настоящую литературу.

– Да, – понимающе вздохнул он. – Лучше пуля во лбу, чем в библиотеке с Аделаидой Кузьминичной.

– И рядом – фикус, – дорисовал я картину.

Далее нецензурно.

* * *

Перед самым отлетом я узнал, что Аркадий бросил Любу и женился на Банщиковой...

Книга вторая

ГАБОНСКИЙ РУДНИК

*Что для одних подвиг, для других статья в
Уголовном кодексе.*

Ф.Дар

Глава пятая

У КАЖДОЙ ДОРОГИ ЕСТЬ НАЧАЛО

16. Странный маршрут

В темной, пропахшей старыми бумагами комнате меня ждала обложенная ведомостями дама.

– Моя фамилия Лонов.

– Вы в Конго и Швейцарию?

– Да, сначала в Конго, потом в Швейцарию.

Ей заблаговременно позвонили и у нее на столе уже лежал документ, удостоверяющий, что «советник Министерства иностранных дел Лонов Евгений Николаевич командировается Министерством в Конго и Швейцарию сроком на де-

сять дней».

– Теперь вам надо подписать удостоверение у главного бухгалтера. Вы знаете, где его кабинет?

Да, я знаю.

Процедура получения командировочных документов не менялась, наверное, со времен царского МИДа; я передвигался по кабинетам почти автоматически. Сначала – узкий и тесный, как купе железнодорожного вагона, кабинет главного бухгалтера, высокого худого блондина. Тот, поздоровавшись кивком, не выразил удивления по поводу столь странной географии командировки. Видавший и не такое, он догадывался, какой я советник МИДа.

– Счастливого пути.

Около холеного милиционера я позвонил по внутреннему и через две минуты услышал сверху уверенный женский голос: «Товарищ Лонов, пройдите в кассу Аэрофлота». Минутная очередь по меньшей мере из двадцати человек, я прошествовал в кассу, и через десять минут у меня в руках был билет Москва – Браззавиль – Женева – Москва. Я уже собирался выходить из закутка, где размещалась касса, как в дверь просунулась дама из общей комнаты:

– Вас разыскивает какой-то Колосов. Просит, чтобы вы подождали его у входа в здание.

Экстренная встреча с непосредственным начальником за день до отлета ничего хорошего не предвещала.

Через пару минут я уже прогуливался мимо здания Ген-

штаба. Оттуда выскакивало такое количество не обращающих ни на кого внимания генералов и с таким количеством звездочек на погонах, что проходивший мимо явно иногородний солдат, за всю свою воинскую жизнь выше полковника никого не выдавший, долго и ошалело маршировал с открытым ртом и прилипшей к виску рукой.

Черная «Волга» с мигалкой и дополнительными фарами остановилась около дома с мемориальной доской, сообщавшей, что когда-то здесь собирались декабристы. Ни меня, ни сидевшего на заднем сиденье Пискунова, помощника моего непосредственного начальника, декабристы не интересовали.

– Ты – как колобок, Колосов тебя по всей Москве ищет.

– Что случилось? Рязанская губерния отделяется от России?

– Шутить будешь у него в кабинете. Из ЦК звонят. Ты, конечно, к ним не удосужился...

– Да вроде бы...

Обязательное в былые годы правило перед заграничной командировкой беседовать в Международном отделе ЦК к общей радости с приходом Горбачева было отменено.

– Надо зайти. Кузякин тебя ждет. У них там для тебя поручение.

– Какое?

– Не знаю. Но сразу после него – к начальству.

Хоть и времена теперь другие, но в ЦК партии без парт-

билета не пустят. Придется ехать домой, а если ночью улетаешь на край света, то час в пробках воспринимаешь как личное оскорбление.

17. Линкоры в пять клеточек

Войдя в вестибюль Международного отдела, я протянул партбилет упитанному охраннику с капитанскими погонами. Тот партбилет взял, посмотрел, уплачены ли взносы, потом передал другому охраннику, такому же упитанному, но с погонами майорскими. У обоих были открытые и волевые лица людей, готовых прямо сейчас здесь же отдать жизнь за родину.

– Вы к товарищу Кузякину? – спросил первый охранник.

– К нему.

Второй охранник тщательно сличил фотографию на партбилете с моей физиономией, вернул документ первому, тот тоже тщательно сличил фотографию с физиономией – у нас в отделе эта процедура называлась «проверка морды лица на идентичность с фотографией» – потом вложил в партбилет розовый разовый пропуск и протянул мне:

– Проходите, Евгений Николаевич.

За те полгода, что я не был в Международном отделе, внешне там ничего не изменилось: те же старинные лифты с массивными деревянными дверями, которые по старинке надо открывать самому, и металлическими решетками, от-

полированными до корабельного блеска, те же блекло-кирпичные с цветочками ковровые дорожки в бесконечных петлявых коридорах, те же молодые люди с прическами, будто слепленными у провинциального скульптора, те же неопределенного возраста, на одно лицо секретарши.

Дверь кабинета Кузякина оказалась открытой настежь: внутри двое рабочих в синих комбинезонах красили потолок. Пришлось идти в секретариат.

– У Кузякина ремонт, – виновато развела руками дама в очках, одетая не то под Крупскую, не то под Фанни Каплан. – Он временно в кабинете заведующего. Найдете?

Найду.

Кузякина знал я целую вечность. Познакомились давно, в Алжире, когда только начинали: я – в посольстве по своему ведомству, Кузякин – в Союзе обществ дружбы. И всегда отношения были, как принято говорить, на уровне «надо бы выпить». Что и делали.

Увидав меня, Кузякин радостно вскочил из-за стола.

В последний год он отпустил густую дремучую бороду под Мамина-Сибиряка – дерзость, некогда немыслимая для функционера ЦК – и теперь на фоне коллег выглядел как бы в форме другого полка. Впрочем и раньше он любил побравировать чем-нибудь, не вписывающимся в порядки Международного отдела, хотя всегда оставался самым типичным аппаратчиком, но из категории веселых, «своих в доску»: неизменно в отличном настроении, готовый сообщить самую

последнюю новость, не делающий пакостей, если начальство не очень заставляет, обязательно помогающий, если это для него не слишком обременительно, и при всех обстоятельствах советующий: «Главное, старик, не бери в голову».

Сегодня Кузякин был настроен на философский лад:

– Не могу понять, почему ты пошел в пинкертон!

– Когда в большом кабинете настойчиво говорят хорошие слова, отказаться можно только с переходом в эндшпиль при потере качества. А вообще-то, раз уж приходится жить в аду, то лучше быть чертом с хвостом, чем грешником на сковороде.

– Это ты прав. В историческом смысле. Только теперь за наши с тобой ведомства не очень-то держатся.

– Не очень. Но уходят пока единицы.

Кузякин не стал возражать:

– Верно. Хотя... Читал, у кошек есть особое чутье? Чувствуют приближение землетрясения и прячутся.

– Чепуха! – У меня в отделе про бегущих от землетрясения кошек устали говорить еще в прошлом году. – Просто их кто-то вовремя информирует, этих кошек.

– Верно, – снова согласился Кузякин. – Дело не в чутье. Чутье хорошо, когда нужно сориентироваться в текучке. Ты играл в школе в морской бой? Так вот. Сейчас задача – так спрятать линкоры в пять клеточек, чтобы никто их не накрыл. Понял? А есть линкоры, которые норовят уплыть, пользуются мутной водичкой. Их надо, старик, направить по

хорошему адресу.

– У нас свои линкоры, у вас свои.

– Это верно.

– Я как-то далек от этих линкоров. Большие деньги не мой профиль.

– Не скажи. Сегодня так, завтра по-иному. Времена, сам знаешь, какие!

Утверждая, что большие деньги – не мой профиль, я лукавил. С крупными суммами мне приходилось иметь дело часто. И Кузякин это прекрасно знал.

– У меня к тебе просьба. Не задание, а просьба. По старой дружбе. Хотя, конечно, согласованная... В Браззавиле надо взять одну штучку и отвезти в Женеву. Понимаешь, когда я услышал, что ты летишь по этому маршруту, сразу к началству. Такое совпадение... Ты полетишь с дипкурьерским листом?

– Да.

– Вот видишь. Отвезешь одну мелочь. Коробочку. Тебе ее передаст в нашем посольстве в Браззе секретарь парткома. А в Женеве надо найти банк «Люмме и Корпкс». Знаешь такой?

Такого банка я не знал.

– Найдешь. Понимаешь, посылать еще кого-то, когда ты летишь по такому маршруту с диппаспортом и дипкурьерским листом! У тебя в банковских кругах есть люди? Только не темни. Сейчас уже никто не темнит.

Я предпочел уклончивый ответ:

– Нет. Но могут быть.

– Вот это уже разговор. Надо положить коробочку на номерной счет... Да не волнуйся, с твоим начальством согласовано.

– Что за банк?

– Обыкновенный. Запомни адресок: 64, улица дю Рон. Если спросят документ, предъявишь диппаспорт. Но документ не спросят. Откроешь счет, номерной. Попросишь бокс, положишь коробку в бокс – и всё. Считай, задание партии выполнено. Была бы страна родная и нету других забот.

– Кто мне в Браззе даст эту коробку?

– Пичугин. Андрей Иванович Пичугин. Секретарь парткома. Знаешь такого?

– Нет.

– Хороший парень. Твердый. Илья Муромец.

Спрашивать, что в коробке, было бесполезно, все равно не скажет или совет. Но все-таки?

– Это задание что-то вроде отвода линкоров?

– Знаешь, чем партия отличается от твоей конторы? У вас дали задание, ты выполнил и никогда не узнаешь, что это было. А у нас: дали задание, выполнил, и потом полная о нем информация.

Он посмотрел на часы:

– Ах, жалко, поздно узнал, что ты туда летишь. Вернешься, позвони. Поговорим по кадровому вопросу. А про кошек

ты верно...

18. Знания умножают скорбь

Через полчаса я входил в кабинет своего непосредственного.

– Ну что, убедил тебя Кузякин перевезти его коробку? Я вообще был против, но раз ты согласился...

Я хорошо знал этот прием Колосова – в отделе его называли «облечь приказ начальства в личное желание подчиненного» – знал и каждый раз попадался.

Где-то совсем рядом с окном протарахтел вертолет.

– Черт знает что! – взорвался Колосов. – Разлетались! И низко.

– Если низко, то к плохой погоде, – спокойно прокомментировал я.

Колосову сегодня было не до шуток:

– А сейчас хорошей не жди. Ты знаешь что... коробку эту надо перевезти. В конце концов, тебе ее не на себе таскать. Да и она легкая.

Я уже смирился с необходимостью перевезти коробку. Но побрюзжать стоило:

– А меня и так уже в отделе зовут «валютным извозчиком». Скоро подарки к Новому году развозить начну.

– Не ворчи.

– Что там в этой коробке? Секрет?

– А ты как думал?!

– И все-таки?

– Сам сообрази. Что везут из Конго в Женеву?

Загадка для непосвященных.

– Алмазы. Нешлифованные. Из Катанги.

– Видишь, догадался.

– А ты точно знаешь, что алмазы? Может, там какие-нибудь урановые штучки? С них станется.

– А тебе-то что?! От жены сбежал, живешь один, тебе надо плоть усмирять... Да нет, откуда у них уранье! Алмазы. Вот только... Какой банк он тебе назвал?

– «Люмме и Корпкс».

– Знаешь такой?

– Знаю, где находится, и больше ничего.

– Дело в том, что этот банк, если мне память не изменяет, у нас засветился. И прочно.

– Давно? На чем?

– Давно. Но когда и на чем, точно не помню. Тебе надо перед отъездом повидать Вербина. Он когда-то занимался этим банком.

Тратить драгоценные минуты последнего дня на пустопорожние беседы я не собирался. Надо было отбиваться:

– Времени у меня в обрез. Да и Вербин, почитай, уже три года как на пенсии.

– Кое-что он должен помнить. Дополнительная информация тебе не повредит.

- Знания умножают скорбь.
 - Подследственных, – продолжил Колосов. – Знания умножают скорбь подследственных. А для нас с тобой любые знания – вещь полезная. Хочешь коньяку?
 - Я за рулем.
 - Машину в Шереметьево заказал?
 - Заказал.
 - А Вербина ты все-таки навести.
 - Да как я его найду?!
 - На то оно и начальство, чтобы печься о подчиненных. Я о тебе позаботился. Вербин тебя ждет в Сандунах. Сегодня, после шести. – И, не дав опомниться, продолжил: – Ты поговори с ним. Может, он что вспомнит. Заодно попаришься. – Он расплылся в улыбке. – Везет же!
 - Будут дополнительные инструкции?
 - Пока нет. Будь внимательнее. Работай спокойно, не надрываясь и не высываясь.
 - Ну, эта техника у меня хорошо отработана.
- Колосов скривился в улыбке:
- Не только у тебя.

19. Мир персональных кабинетов

Теперь раздражало все: и светофоры, и нерасторопные водители, и медленно переходившие дорогу пешеходы, особенно с собаками. Хорошо, хоть динозавры вымерли.

Я повернул с Неглинки в переулочек и на горке втиснулся между двумя «Жигулями». Посмотрел на часы: половина восьмого. А самолет в час ночи. Далась мне эта баня!

Спустившись в узкий дворик и пройдя через арочные ворота, я оказался перед высокими дверями с лепными амурами и табличкой «Высший дамский разряд». Открыл дверь и, к восторгу изумлению двух раскрасневшихся молодок, проник в вестибюль дамского разряда. Шел я так уверенно и по-хозяйски, что обе девицы оглянулись, а одна оценивающе протянула: «Не слабо!»

Повернув в маленький коридорчик, я остановился перед известной только посвященным узкой, как будто служебной дверкой, толкнул ее и попал в другой мир – мир персональных кабинетов.

В светлом предбаннике, отделанном под карельскую березу, никого не было. На креслах вдоль стены валялось нижнее белье, на плечиках в углу висели цивильные костюмы и генеральский китель. Длинный, в размер пингпонгового, стол ломился от снеди: разломанная на части вяленая рыба, бутылки коньяка и «Смирновской», три упаковки пива – одна наполовину пустая, разбросанные на газете пирожки, малосольные огурцы на пергаментной бумаге. Я открыл банку пива, с удовольствием выпил, закусил пирожком, потом разделся и на цыпочках пошаркал в душевую.

Но ни там, ни возле овального бассейна никого не было. Я, фыркая, залез под душ, потом заскользил в парную. Весь

народ восседал на полках, семь человек. Среди них Вербин.

– На западном фронте по-прежнему без перемен? – приветствовал меня генерал, плотный шестидесятилетний крепыш без единого седого волоска. – Все сдаем. Скоро уже и сдавать нечего будет. Министру нашему не говорят, что он министр обороны, боятся, по старости лет от страха конфуз с ним получится.

Общество захохотало, а потом потянулось к выходу. Я положил руку на плечо Вербина:

– Задержись, Пал Саныч.

Вербин спустился с верхней полки и начал медленно снимать прилепившиеся к волосатой руке березовые листья.

– Хочу с тобой посоветоваться.

– Знаю. Мне Колосов звонил. Что тебя интересует?

– Мы тут решили один банк подключить к нашим операциям. Ты, говорят, имел с ним дело. Не просветишь? «Люмме и Корпкс».

Вербин помолчал, потом проворчал: «Надо подумать», взял с верхней полки веник и, не спеша, направился к выходу:

– Дай сначала в бассейн мокнуть, мозги совсем расплавились.

Старика я знал. Спросишь: «Сколько будет дважды два?», ответит: «Надо подумать». Старая школа!

– Тороплюсь, Пал Саныч. Завтра лететь.

– Ладно. Полезли вверх. – Вербин взгромоздился на сред-

нюю полку. – Здесь не подслушаешь. Такая влажность и жарница, ни один микрофон не выдержит... Колосов просил, чтобы я тебя проинформировал в отношении этого банка. Так вот. Дел мы с ним не имели. Хотели было. Но нам отсоветовали.

– Кто?

– Младший Кастро.

Ничего себе!

– Ты не торопись. – Вербин замолчал и начал ожесточенно хлестать себя веником по спине. – Для твоего сведения, Евгений. Только для твоего. Хотя... – он махнул рукой. – Скоро уж и не поймешь, что можно, что нельзя. – Пал Саныч снова помолчал. – Кастро сказал, что из банка идет утечка.

– Как использовали банк?

– Хотели использовать. Для отмывания наркоты.

– Ну и когда Кастро сказал вам про утечку, вы замахали руками: «Спасибо, дорогой!» и ничего не стали проверять. Так?

– Да не так. Конечно, стали проверять. Сам банк напрямую нас не интересовал. Нас интересовали два книжных магазина, которые принадлежали банку. Один в Базеле, другой в Лугано. Мы знали, что через эти магазины проходят потоки. Небольшие, но кое-что.

– Места выбраны удобно, – согласился я. – Базель – в Германию и Францию. Лугано – в Италию и Австрию. И книжный магазин, это тоже удобно.

– Верно. Они вкладывали пакеты в обложки, сувениры. Я тебе сказал, речь не шла о больших партиях. Так, мелочевка. Но стабильно.

– И что сказал Кастро?

– Ничего особенного. Якобы у них есть данные, что менеджер магазина в Лугано работает на американцев.

– Кубинцы везде видят американцев. Вы проверяли?

– Зачем, Женя? Зачем нам все это? Проверять не стали. Просто решили не иметь с ним дело.

Вербин энергично замахал веником, и горячий воздух ударил мне в лицо.

– Горячо.

– Горячо, – согласился Вербин.

– Послушай, Пал Саныч, а кто-нибудь все-таки имел дело с этим банком?

– Что ты имеешь в виду?

– Военные, Внешторг, ЦК.

– Внешторг – нет. Военные тоже нет. Мы тогда их спрашивали, они сказали, что нет. А ЦК... Поинтересуйся у Кузюкина.

– Не скажет.

– Ни за что, – кивнул Вербин.

– А ты скажешь?

– А я скажу. Этот менеджер – бывший итальянский коммунист. С ним работали люди Пономарева.

– И вы их, конечно, предупредили? – спросил я, хотя ответ

знал.

Вербин энергично замотал головой:

– Нет. Мы в их дела не вмешивались. И Кастро их, скорее всего, тоже не предупредил. Он эту публику из Международного отдела терпеть не может.

– Когда Колосов попросил тебя дать мне информацию, ты, конечно, не позвонил своим ребятам и не поинтересовался насчет фамилии этого менеджера из Лугано.

– А мне и звонить не надо. Я и так помню. Фамилия у него запоминающаяся: Моска. У тебя итальянский первый, и ты понимаешь, Моска – это не Москва, а по-итальянски муха. Так вот фамилия его Моска, Руджеро Моска.

Парилка превратилась в настоящее пекло, и теперь не только взмах веником, но и каждый жест Вербина обдавал жаром.

– Есть еще вопросы?

В конце концов, с этим Моска иметь дела я не собирался. А в то, что мне всучат для перевоза наркоту, не очень верил: это можно сделать проще и не из Конго. Да и мне все равно что перевозить: у меня не только диппаспорт, но и курьерский лист.

– Вопросов больше нет.

Вернулись в предбанник. Я начал одеваться.

Я был уже у двери, когда Вербин снова подошел ко мне. Подошел, торопясь, волоча ногу, кутаясь в простыню:

– И еще. Раньше были одни дела, теперь другие. Не только

банки, люди меняются. — Он мялся. — Не совался бы ты туда. Конечно, ребята из Международного отдела теперь не те... Но все равно лучше от них подальше, уж больно они...

Он не мог найти слова. Я подсказал:

— Шустрые.

— Скорее, скользкие.

— Спасибо за напутствие.

— А это не напутствие. Это предостережение.

20. Габонский рудник

Я и сам себя звал «валютным извозчиком». Хотя, точнее, меня следовало бы звать «валютным перевозчиком». Вот и сейчас я должен перевезти большую сумму из Браззавиля в Женеву.

Несколько лет назад французы начали разработку уранового рудника в Габоне на границе с Конго. Тогда у них возникли проблемы с обеспечением техники безопасности. Опыт работы на подобного рода рудниках был у чехов, в начале пятидесятых годов активно разрабатывались их урановые рудники в Татрах. Тогда все находилось под контролем наших, и все документы и оборудование оказались потом в СССР. Продать французам нужную им документацию официально не представлялось возможным и не только потому, что она принадлежала чехам, но и с политической точки зрения: не вооружать же потенциального противника! Однако

искушение было велико.

Тогда в Габоне объявился человек, который заявил французам, что действует по поручению своих друзей, которые, якобы тайком от советского правительства, готовы продать не только разработки и чертежи, но и оборудование. Неизвестно, поверили ему французы или нет, но согласились. И началась операция, которой было присвоено название «Габонский рудник». Как и было договорено, большую часть оплаты за «Габонский рудник» французы производили наличными. Теперь эта операция закончилась, и в советском посольстве скопилась огромная сумма денег. Я должен буду доставить эти деньги в Женеву и положить на номерной счет в банке, с которым имею дело уже лет пять. Потом я должен буду проконтролировать получение этих денег моим агентом в Онфлёре. Этот агент должен будет положить деньги на счет компании, владельцем которой он является, и через шесть – семь месяцев переправить в банк West Atlantic Bank в Лондоне. Дальнейшее передвижение денег – не моя забота. Иногда, в особых случаях, которых при Горбачеве стало много, деньги, попавшие на счета моих агентов, в Лондон не переводились, а тратились по приказу из Москвы, как правило, на покупку лекарств или медицинского оборудования для Четвертого главного управления Минздрава. Конечно, теперь, в эпоху электронных переводов, можно придумать что-нибудь посовременнее, но этой системой пользовались уже лет двадцать, сбоев она не давала, и отказываться от нее

не собирались.

В самолете рядом со мной оказалась женщина лет сорока в строгом темно-сером костюме. Уверенные жесты человека, привыкшего летать первым классом, выдавали в ней жену советника посольства или выше. Выпив лимонаду, она сразу перешла к вопросам:

– Вы в Браззу?

Да, в Браззу.

– В торгпредство? В посольство?

В посольство.

– И я в посольство. Я посольская.

И доложила, что она жена советника, летала в Москву на две недели на свадьбу дочери.

– Вы бывали ранее в Браззе?

Да, бывал. Но давно, последний раз три года назад.

Я тогда впервые оказался в Африке. Первую ночь после прилета переночевал в гостинице, а на следующий день тогдашний резидент повез меня «на водопады»: посмотреть Африку. Я ожидал по дороге лицезреть обезьян, слонов, зебр. А лицезрел кур и коров, правда, коров не европейских, а каких-то особенных, с большими рогами. Зато на водопаде увидел настоящего туземца, в набедренной повязке и с копьем. Его за деньги фотографировали. Потом туземец заявил, что у него обеденный перерыв, оделся в европейский костюм, сел в «Мерседес» и уехал. «Отличный бизнес!» – сказал мне тогда оказавшийся рядом торгпред.

– У нас посол старый, а посланник новый, – продолжала моя спутница.

– И секретарь парткома новый? – подсказал я.

– Да. Пичугин, Андрей Иванович. Знаете его?

Нет, не знаю.

– Очень скрытный человек. Для секретаря парткома это не плюс. Но часто бывает в коллективах. И очень идейный. А вот жена у него... я вам скажу... Да вы сами узнаете.

Так обычно говорят о женщинах, не ведущих монашеский образ жизни. Впрочем, мне было все равно. И о Пичугине я спросил для проформы. Скрытный, не скрытный, бывает в коллективах или нет – какая разница? Илья Муромец, как назвал его Кузякин. Получу коробку, отдам в резидентуру, ее упакуют вместе с деньгами.

– Надолго к нам?

– На неделю.

– Температура воздуха в Браззавиле двадцать четыре градуса, – объявила стюардесса.

Самолет пошел на снижение.

«Сейчас расскажет, – подумал я, – что во время войны резиденция де Голля находилась в Браззе, и по личному указанию Гитлера два пилота Люфтваффе были направлены ее разбомбить, но найти Браззавиль не смогли».

Она начала:

– Посмотрите, внизу высокие здания – это Киншаса. А Браззавиль не виден, он весь в зелени.

– Мне рассказывали, что Гитлер... – я опередил ее.

Самолет пошел на снижение.

«Валерка уже ждет», – думал я.

С Валеркой Болтовским, резидентом в Конго, я учился вместе. В центральном ведомстве я быстро дошел до полковника, а Валерка мотался по африкам и только подполковник.

– До полной остановки самолета просьба не отстегивать ремней.

Все будет, как обычно. Валерка предложит остановиться у него дома. Я откажусь. Меня отвезут в гостиницу. Помоюсь, отдохну. Потом в резидентуру, и вечером обед дома у Валерки. Завтра упаковка груза, беседа с коллективом, и потом в гости или к послу или к посланнику. А, может, к этому Пичугину. Интересно, кого выделит Валерка лететь со мной в Женеву. На такое выделяют любимчиков. В Москве я просмотрел список сотрудников резидентуры, прочел характеристики. В особых любимчиках у резидента, скорее всего, Папонин. Стало быть, со мной полетит он.

Сначала пригласили выходить пассажиров первого класса. Я спулся по трапу и искал глазами серый тропический костюм Валерки.

Но у трапа никто меня не встречал. Такое бывает редко.

Полицейский контроль, никакой таможни. Какие-то люди встречают мою попутчицу.

Ко мне никто не подходит. Странно.

У журнального киоска я начал рассматривать газеты. Аф-

рика она, конечно, Африка, но газеты парижские, свежие. На меня обратила внимание моя спутница по самолету. Сейчас она подойдет и спросит, встречает ли меня кто-нибудь.

В этот момент рядом со мной оказался запыхавшийся парень.

– Евгений Николаевич?

– Я.

– Извините. Валерий Анатольевич не смог вас встретить.

Поручил мне. Моя фамилия Папонин.

Конечно, Папонин.

– У вас есть багаж?

Багажа у меня не было.

– Тогда в машину?

У Папонины был взволнованный вид, он суетился.

– У вас что-нибудь случилось?

– Валерий Анатольевич расскажет.

– Говори.

– У нас такое!

– Выкладывай!

– Такое случилось!

– Что?!

– Вчера один... Сбежал.

– Как сбежал?

– А просто. Сел с женой в самолет – и в Париж.

– Кто такой?

– Секретарь парткома. Пичугин.

Глава шестая

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА

21. Ошибка резидента

Болтовский, естественно, был мрачнее тучи.

– Понимаешь, просто сел в самолет и улетел.

– С багажом?

– С багажом.

– В Москве у него семья?

– Вроде бы. Сын, что ли. Где остановишься?

– В гостинице.

– Она у нас старая.

– Знаю. Зато близко к посольству.

Сейчас скажет, чтобы ходил в посольство осторожней. В каком-то справочнике написано, что в парке, на территории которого располагается посольство, водится сорок четыре породы змей, из них тридцать три ядовитых.

Но сейчас резиденту было не до змей.

– Он мне не понравился с первого взгляда.

– С кем-нибудь здесь контактил?

– Да нет.

– А жена? – я вспомнил разговор в самолете.

– Та еще бабенка!

– С кем-нибудь...

– Кто ее знает! Вообще-то у меня были сигналы...

Он замялся:

– Кое-что было...

Я понял:

– С кем-нибудь из наших?

Он вздохнул:

– Верно. Филин, знаешь такого?

Как не знать! Борис Филин. Окончил МГИМО, отучился два года в известном заведении имени Андропова и потом стажировался у меня с полгода.

– Он еще здесь?!

– Не дождусь, когда заменят. А в отношении Пичугиной... Конечно, только слухи.

Понятно, тень на Филина – это и тень на него самого. Но теперь – момент истины.

– Уже потрошил?

– Да нет еще. Он, знаешь, какой... Будет молчать, как Зоя Космодемьянская. Слушай, Женя, может, тебе с ним потолковать? Мне он точно ничего не скажет.

Понятно, хочет меня подключить. Потом напишет: «В расследовании принимал участие сотрудник Центрального аппарата тов. Лонов Е.Н.»

– А мне скажет?

– А ты добрый следователь. Тебе может и сказать.

– Вряд ли. Я написал ему такую характеристику... Кроме

Африки ему ничего не светило. Как он работает?

– Плохо. А условия отличные. Он здесь под крышей «Известий». До него тут был просто журналист. Тип, я скажу тебе, в высшей степени странный. Нечесанный, невымытый, везде совал свой нос, связей куча, а писал плохо и редко. Лучшего предшественника не придумаешь. А Филин – ни контактов, ни связей. Правда, пишет хорошо. В «Известиях» им довольны. Они – да, а я – нет. Только и слышу: «не успел», «опоздал», «не сообразил».

– А по женской части?

– Вот-вот. Жена пишет диссертацию в Москве, он здесь один. При его внешности и манерах найти утешительниц – не проблема.

– Находит?

– Конечно! Я уже несколько раз имел с ним беседы. Ну так как? Поможешь?

Валерке надо помочь. Неприятностей у него будет с вагон. Нужно поучаствовать самую малость, чтобы потом в Москве слово замолвить.

– Когда удобней?

– Прямо сейчас. Он у себя в бюро.

– Мне бы сначала в гостиницу.

– Мои орлы твои вещички доставят туда по первому классу.

– У меня только портфель.

– Тем более.

– Машину дашь?

– Обижаешь. Чацкий с корабля на бал на карете, а ты на моем новом «Пежо».

22. Филин и Галина

Корпункт «Известий» размещался в трехкомнатной квартире на четвертом этаже высокого жилого дома в центре города.

Когда я появился в дверях, радость встречи с начальством Борис продемонстрировал вяло.

Оглядевшись и наскоро похвалив мебель в гостиной, я, не ожидая приглашения, направился в кабинет. Борис сделал какое-то неуклюжее движение, чтобы помешать, но было поздно: я открыл дверь кабинета.

В кресле у окна восседала, или, точнее, возлежала женщина в длинном африканском платье.

Увидев меня, она радостно вскочила:

– Евгений!

Галина. Галина Скакунова. Вот уж кто не подпадал под категорию ведущих «монашеский образ жизни», так это Галля Скакунова.

Она подскочила ко мне, приняла в свои мощные объятия, чмокнула в щеку.

– Ты не знал, что я в Браззе?

– Не знал. И Леша с тобой? Как всегда командует Аэро-

флотом?

Леша – это ее муж, Леша Скакунов.

– А куда я без него?! Я как птичка перелетная: кто закольцевал, за тем и лечу.

Птичка перелетная снова плюхнулась в кресло.

Борис подтянулся, посерьезнел:

– Вам нужно о чем-то поговорить со мной? Галя, ты не могла бы...

Галина начала неохотно подниматься с кресла. Я ее остановил:

– Сиди, сиди. Я сюда просто так. Сегодня прилетел.

– Ну да, просто так! Я не дура. Хочешь поспрашивать по поводу этой шлюхи. Ему есть о чем рассказать.

Вмешательство Галины было не только удивительным, но и полезным.

Я строго посмотрел на Бориса:

– О какой шлюхе она говорит?

– Не знаю, – в его глазах промелькнул страх.

Галина не отступала:

– Колись, колись! Все равно Евгений тебя расколлет.

– Не понимаю, о чем речь! – Теперь он изображал негодование.

Я не колебался:

– Вообще-то, я хотел поговорить с тобой в отношении жены Пичугина наедине, но думаю, Галина нам не помешает.

Галина обрадовалась:

– Это у вас называется перекрестный допрос?

– Это называется допрос в присутствии важного свидетеля.

– Но я ничего не знаю, – мямлил Борис.

Я решил применить другую тактику:

– Или ты все рассказываешь здесь, или мы едем в посольство и ты будешь говорить в присутствии резидента и под стенографистку.

И не дав ему опомниться, спросил:

– Что ты знаешь про Пичугина?

– Мы с ним никак. Он вообще с нашими никак. Он только со своими из парткома, а я...

– А ты только с его Аленой! – взорвалась Галина. – Я тебя предупреждала!

– Да ничего... Мы только...

– Сначала ты расскажешь Евгению все, что его интересует. Потом я его попрошу сделать так, чтобы тебя за это не выгнали с работы и чтобы от тебя не ушла жена. А потом, когда он уйдет, у нас будет серьезный разговор.

Я решил немного успокоить Бориса:

– Все, что ты скажешь, останется между нами. Если, конечно, ты не знал об их планах и не ходил покупать им билеты.

Тут уже испугалась Галина:

– Да нет. Не знал он ничего. Не такая она дура.

– Думаю, – осторожно начал Борис, – и она ничего не зна-

ла. Мы с ней договаривались на сегодня. А вчера утром она мне позвонила и сказала, мол, так получилось, что все откладывается. А сама злющая.

– Тебе не показалось, что она с тобой прощается?

Борис не торопился с ответом.

– Ее муж был ревнив?

– Не знаю.

– Вы встречались с ней здесь.

– Да. Но только несколько раз. Муж ее в это время был в отъезде.

– Куда он уезжал?

– Он уезжал два раза и оба раза в Намибию.

– В Намибию! Ишь куда! А что, Намибия входит в его епархию?

– Там наших немного. Он их курировал по партийной части.

– Ездил только два раза?

– Да.

– За какой период?

– За два месяца.

– А раньше не ездил?

– Нет.

– Почему вдруг такое внимание к Намибии?

– Алена рассказывала, когда он туда ездил в первый раз, то договорился, что ему там смастерят какую-то безделушку. А потом ездил за ней.

– Эта безделушка, случаем, не алмазы?

Снова вмешалась Галина:

– За алмазами далеко ехать не надо, их тут на каждом углу продают.

– Не скажи! – огрызнулся Борис. – Алмаз алмазу рознь. Может быть, какой особый. Хотя... Большой алмаз заказать нельзя, а он сначала что-то заказал, а потом за этим приезжал. Хотя...

– Что «хотя»?

Борис мялся:

– Да так, ничего.

– Еще? Что еще? – не отставал я.

– Ничего.

– Правда ничего, – подтвердила Галина. – Я его уже допрашивала.

И принялась кокетничать:

– Видишь, Евгений, и от меня польза есть. А Борис никак не хочет этого понять. У меня чутье прирожденного агента.

Я понял, что ничего больше не узнаю, и направился к двери.

– В посольство? – спросила Галина.

– Только на минуту. А потом в гостиницу. Надо выспаться.

В дверях Борис смущенно улыбнулся:

– Я – не очень?

Я не стал его утешать:

– Очень. Но я – по другим делам. А ты все равно крепись. Не ровен час!

Борис только вздохнул:

– Мне недавно цыганка предсказала счастливую карьеру.
– Одной даме предсказали, что она выйдет замуж и у нее будут три близнеца. И что ты думаешь?! Близнецы родились, а замуж она так и не вышла. Но ты все равно крепись.

* * *

Я поднялся в кабинет Болтовского.

– Что-нибудь интересное узнал?

– Практически ничего. Кроме того, что он два раза летал в Намибию. Первый раз что-то заказывал, второй раз получил заказ.

– Не ахти. Будем писать или подождем?

По этому неуверенному «будем писать», я понял, что писать об этом в Москву ему не с руки, ибо надо будет упоминать источник, от которого получены сведения, а сведения получены от его сотрудника, находившегося в интимных отношениях с женой бежавшего.

– Понимаешь, – он замялся. – Москва и без того лютует.

Вошел шифровальщик, протянул розовый листок входящей телеграммы. Болтовский прочел, потом протянул мне.

– Тут для тебя.

«Резиденту в Браззавиле.

Для тов. Лонова Е.Н.

Поставьте в известность резидента о данном вам поручении перевезти груз для инстанции».

– Это то, о чем я тебе рассказывал.

– Читай дальше.

«Окажите резидентуре помощь в деле Пичугина. Резидент проинформирован».

Ф.Бобков.

– Поедем ко мне, пообедаем, – предложил Болтовский.

– Хочу с дороги помыться, отдохнуть. Вчера замотался.

– Ладно, отоспишься, приходи.

* * *

Гостиница находилась рядом с посольством около паромной переправы в соседний Заир. Мой номер выходил на реку. Небольшая кровать, стол и два стула. На одном лежал мой портфель. Я разделся, принял душ и сразу в кровать.

«Надо поставить будильник на четыре, а то проспийшь до ночи», – думал я, засыпая.

Но ставить будильник оказалось излишним.

– Просыпайся, просыпайся!

Я открыл глаза. Передо мной стояла Галина.

23. Любезная Солоха

– Как ты сюда проникла?

– Для белой женщины в Африке закрытых дверей не существует.

«И закрытых платьев», – отметил я про себя. На Галине было нечто, что кофтой назвать было бы преувеличением.

Это черно-кружевное «нечто» без рукавов на двух расхлябанных пуговицах заканчивалось джинсами до колен, стянутыми широким кожаным ремнем с массивной металлической пряжкой. Выглядела она подтянутой и посвежевшей. Я одобрително покачал головой:

– Хорошо выглядишь, птичка перелетная.

Я взял ее за руку, хотел подтянуть к себе, но она отстранила:

– Я не за этим. У меня дело.

– Слушаю. Садись.

Галина продолжала стоять.

«Считает, что стоя выглядит лучше, – решил я. – Впрочем, может быть, и права. Действительно лучше».

– Я тебе кое-что хочу рассказать. Но, разумеется, Борис об этом знать не должен. У кубинцев есть один такой Рауль. Не буду тебе морочить голову, но мы с ним... Он хороший парень, красивый... Ты, Евгений, должен меня понять.

– Надеюсь, ты пришла не исповедоваться. Но, если хо-

чешь, грехи могу отпустить.

– Не смейся. Это касается дела, за которым ты пришел к Филину.

Становилось интересным. Я скинул простыню, сел на кровать.

– Тебя не смущает?

Моя одежда, а точнее, ее отсутствие Галину не смутила:

– Не в первый раз. Но я пришла не за этим.

– Ты пришла покаяться, что была в интимных связях с Пичугиным.

– С этим козлом?! Ты с ума сошел! Я тебе начала рассказывать про Рауля.

– Этот грех я тебе уже отпустил.

– А вот тут не торопись. Мы с Раулем иногда встречались в каморке Аэрофлота в аэропорту. Знаешь, в аэропорту много народу...

– Понятно, муж дома, а ты на его рабочем месте. Но причем здесь Пичугин?

– Однажды мы выходили из каморки, и я увидела Пичугина.

– Когда это было?

– Дня три назад.

– С этого момента поподробнее.

– Я увидела Пичугина и, конечно, испугалась. Он такой идейный, обязательно заложит.

– Ты заметила, что он там делал?

– Он просто стоял с двумя мужчинами и одной женщиной.

– Что за люди? Ты их знаешь? Наши?

– Нет, не русские. Скорее всего, французы. Рауль сказал, что они какие-то революционеры.

– И что еще?

– Все.

– Как они выглядели?

– Не успела рассмотреть.

– И все-таки.

– Мужчины среднего роста в светлых рубашках. Оба стояли ко мне спиной. У одного взлохмаченная грива. Другой прилизанный. Дива выше обоих, совершенно плоская, лицо длинное. И вообще, зачем я тебе все должна докладывать?! У Бориса ты даже не намекнул, что хочешь меня увидеть.

Она обиженно повертела головой.

– Дел много.

– Ясно. Много дел, много новых знакомых. Ну да ладно.

Она направилась к двери. Шла медленно. Я понял: она знает еще что-то, и начал выправлять положение:

– Старые знакомые всегда лучше новых.

– В это трудно поверить.

– Лучше. С новыми два часа говоришь о любви, и не остается времени заняться любовью. Зато со старыми два часа занимаешься любовью, и нет времени поговорить о любви.

– Понятно, – Галина вернулась и стала у окна. – Выходит, я сама напросилась, и меня можно сразу в кровать. И вообще

мне пора.

Я знал, что Галина принадлежит к той часто встречающейся категории женщин, с которыми надо делать одно, а говорить совершенно о другом. В последние наши встречи мы как-то обходились без этого ритуала. Теперь она на меня обиделась, и надо было возвращаться к старой технике. Я взял ее за руки, отвел от двери в центр комнаты.

– Я тебе все рассказала. Почти.

– Почти?

– Понимаешь, какая странная штука... Почему-то Борис не пересказал тебе всё, что ему говорила жена Пичугина.

– И что она ему говорила?

– Оказывается, ее муж ездил в Намибию заказывать статуэтку из серого дерева.

– Дерево, наверное, очень дорогое.

– Дорогое, но его можно купить и здесь.

– А Борис видел эту статуэтку?

– В том-то и дело, что видел.

– Ну и что?

– Наверное, не хотел тебе про нее рассказывать. Боялся, что ты будешь держать его за идиота.

– Галя, не томи!

– Дело в том, что это... это... бюст Гоголя.

Я замер.

– Ну разве ты поверил бы, что он ездил в Намибию за бюстом Гоголя?

А Валера не удивился:

– Гоголь, говоришь? Я видел эту статуэтку. Он ее держал в сейфе. Но то, что это Гоголь, не говорил. Хотя, теперь вспоминаю, вроде похож. Нос длинный, волосы до плеч.

– И где сейчас эта статуэтка?

– Нет ее. Мы все осмотрели. В сейфе ничего, кроме партийных бумаг. Дома – только казенная мебель. Стало быть, статуэтку прихватил с собой. Сдался ему Гоголь!

Он взял трубку, набрал три цифры.

– Светочка, проверь, какие книги брал в библиотеке Пичугин. Посмотри, не брал он, случаем, Гоголя. «Мертвые души». «Тарас Бульба».

– «Вий», – подсказал я.

Валерка хмыкнул, но повторил:

– «Вий».

Гоголя в библиотеке Пичугин не брал. Зато брал книги по философии.

– Философ! – резидент разозлился. – Надо писать в Москву.

Я согласился. Валерка немного помялся:

– А что, если не будем их путать? Напишем, будто все данные ты получил от Галины.

Ясно. Не хочет подставлять Филина. Я не возражал:

– Только вот в отношении этих революционеров... Разве поспрошать кубинцев...

Раньше можно было в случае чего просто позвонить в кубинское посольство. Нынче время другое, отношения другие.

– Как у вас отношения с кубинцами?

– Как у Кастро с Горбачевым. Хреновые.

– Кто-нибудь из старых у них в посольстве остался?

– Мой тезка. Валеро. Ты его знаешь?

– Еще бы.

С Валеро я знаком уже лет пятнадцать, и теперь стоит попытаться получить от него информацию по старой дружбе.

– И как вы с ним?

– А никак.

– Может, я попробую.

– Обязешь.

24. Компаньеро Валеро

– Мне компаньеро Валеро.

– Кто спрашивает синьора Валеро?

– Синьора Валеро спрашивает компаньеро Лонов.

Через минуту в трубке послышался хриплый голос Валеро:

– Лонов? Живой! Надолго?

– На неделю. Прилетел сегодня.

– Что-нибудь надо?

– Да. Нужно тебя увидеть.

– Сегодня ночью, подойдет?

– Что значит ночью?

– Сейчас еду на прием. Вернусь к десяти. Пару часов буду писать. В двенадцать, годится?

Я молчал.

– Что молчишь? Полночь – это еще рано, Лонов. Рано. Девочек не обещаю. Ром будет.

– А если мы разделим нашу встречу на две части? Сейчас я к тебе подскочу и задам пару вопросов. И договоримся о второй встрече, с ромом и воспоминаниями.

– Где ты находишься?

– У себя в посольстве.

– Не успеешь. Я через пять минут выезжаю.

– Почему прием так рано?

– Я тебе дам телефон посла Индонезии, позвони и спроси, почему он, старый осел, назначил прием в такое время. Может быть, у него молодая жена. Если бы у тебя была молодая жена, Лонов, ты вообще бы не проводил приемов. – Он помолчал. – Слушай, Лонов. Стой на площади у телеграфа. И жди меня. Я по дороге заскочу. А теперь не отвлекай.

Он повесил трубку.

К удивлению, он не заставил себя ждать. Через пять минут черный «Мерседес» с кубинским флагом остановился около телеграфа.

– Садись.

Он не изменился. Невысокий, ладно сбитый, юркий, с темно-синими мешками под хитрыми глазками, он удобно развалился на заднем сиденье и размахивал большущей сигарой.

Я сел рядом. Машина плавно отрулила.

– На «Мерседесах» разъезжаешь.

– Возраст пришел. Это тебе не васильковый «Фольксваген».

Когда лет десять назад в Риме я разбил свою машину, а у резидента не нашлось для меня запасной, Валеро, который тогда оказался поверенным в делах, щедро отдал мне на пару месяцев «Фольксваген» с номерами кубинского посольства. Резидент морщился, но резервной машины не было, и он терпел.

– Ты в отношении Пичугина?

– Не ошибся. Он показывался вместе с какими-то леваками. Меня интересует, кто они такие и как на них выйти.

– Как зовут любовницу руководителя группы, не интересуешься?

– Нет.

– Стареешь, Лонов. Надо всегда начинать с любовниц.

– Стало быть, не знаешь.

– Не знаю.

– Ты стал дипломатом.

– А ты не разглядел флаг на машине? Я – поверенный в делах.

– Тем хуже для дел. А вот твой Рауль их знает.

– Это тебе Галина донесла?

Машина остановилась.

– Пошли! – скомандовал Валеро.

– Куда?

– Здесь есть бар, очень недорогой ром. Большого предложить не могу. Только быстрее, Лонов. Ты у меня отнимаешь драгоценное время.

Заведение, куда мы зашли, оказалось препаршивым. Три обшарпанных столика и бар, за которым восседал черный громила. Пахло черт знает чем.

Валеро здесь знали. Он кивнул громиле:

– Два.

Мы сели за стойку бара.

– Из «Мерседеса» да сюда! Не вяжется.

– Ты обуржуазился, Лонов.

– А ты нет? Вон какой костюм! – Костюм на Валеро был из дорогой ткани и хорошо пошит.

– С нашим, – Валеро показал бороду, имитируя Кастро, –

хрен обуржуазишься. – Значит, Галина донесла.

– У нее были дружеские встречи с твоим Раулем.

– А у нас это не запрещено. А вот у вас... – Валеро захи- хикал. – И у тебя с ней были дружеские встречи. И не так давно. Ладно, узнаю. Позвони в посольство завтра утром.

– А раньше?

– Абсолютно исключено.

Бармен налил в пластиковые стаканы отвратительную на вид жидкость. Потом в такие же стаканы – лимонад.

– За твой приезд, Лонов.

Последний раз подобное я пивал лет пять назад на ка- кой-то свадьбе в подмосковной деревне, где случайно ока- зался после рыбалки.

– Пей, Лонов, пей.

Я с трудом допил стакан и взялся за лимонад.

– А ваш Пичугин – неплохой парень. Марксист.

– Что это значит?

– Не любит богатых, симпатизирует бедным. У вас таких уже не осталось.

Бармен подставил под нос тарелку с чеком. Я вынул бу- мажник.

– Хочешь заплатить, – прокомментировал Валеро.

– Я знаю, как у вас с финансами!

– Сейчас еще хуже, чем раньше, – вздохнул Валеро. – Во всём мире инфляция, цены растут у-у как! А у нас те же ресурсы, зарплата не меняется. Наш посол получает мень-

ше, чем секретарша в местном банке. А он – не на общем котле. Он как-то в Гаване сказал одному нашему начальнику: «Я получаю в месяц меньше, чем местная проститутка за один сеанс». И что ты думаешь, Лонов? Подействовало! Через полгода нам прислали десять практиканток в местную клинику под личное руководство посла.

– Ого-го!

– Не радуйся, Лонов. То, о чем ты подумал, действительно – «ого-го!» Но мы-то должны у этого «ого-го!» лечить зубы! Денег на местных врачей нам не дают! Так она мне такое с зубом вытворила!

– Но зато... «ого-го!»?

– Не болтай, Лонов. Лучше приезжай завтра в посольство. С зубом расстанешься без сожаления.

Подошли к машине. Я начал прощаться. Валеро обиделся:

– Я довезу тебя до вашего посольства.

– Ты и так опаздываешь.

– То, что я должен был выпить за первые полчаса приема, я уже выпил. Садись, Лонов. Не играй в приличного человека. Я тебя знаю.

Подъехали к посольству. Я открыл дверцу. Валеро, размахивая сигарой, с деланной серьезностью напутствовал:

– К местным женщинам не ходи. А то расскажу генералу.

Это тоже имело историю. Как-то через месяца два после нашего знакомства Валеро меня удивил. «Я, Лонов, знаю, ты – из ГРУ». И хотя моя «ведомственная принадлежность» не

была для кубинцев секретом, Валеро, сам, кстати, военный разведчик, по-прежнему звал меня «товарищем полковником» и грозился «пожаловаться военному атташе». А однажды после приема с обильным количеством спиртного Валеро признался мне: есть у них в посольстве специальный человек, он снимает на киноплёнку дипломатов из всех посольств и потом по походке определяет, не военные ли они. У меня действительно походка военного; я начинал с военной академии.

На мое удивление Валеро тоже вышел из машины. Мы подошли к ограде посольства. Валеро обнял меня:

– Знаешь, Лонов... По-моему, мы с тобой видимся в последний раз.

– Что за ребята, с которыми имел дело Пичугин? Ты их знаешь?

– Марксисты-нонконформисты.

– Что за группа? Откуда?

– Французы. Очень хорошие ребята.

– Как они себя называют?

– Я тебе сказал: марксисты-нонконформисты. Понимаешь, Лонов, марксисты-нонконформисты. У вас таких не осталось. Только Маркс на площади да Ленин в мавзолее.

– Они купили ему билеты?

– Да.

– Где они сейчас?

– Улетели вместе с ним.

– Он им платил?

– Ну ты, Лонов, совсем обуржуазился. Есть еще такие вещи, которые не покупаются. И люди есть, которые не покупаются. Они ему помогли по идейным соображениям. Очень уж им ваш Горбачев не нравится. И не только им.

25. Чуден Днепр при тихой погоде

Мы сочиняли телеграмму в Москву.

«По сведениям, полученным от жены представителя Аэрофлота Г. Скакуновой, она видела Пичугина за день до его отлета в компании двоих мужчин и одной женщины, предположительно французов. По сведениям, полученным Лоновым на основе личных контактов от советника посольства Кубы В.Родригеса, эти люди принадлежат к левацкой французской группировке марксистов-нонконформистов, и якобы именно они организовали, а также оплатили полет Пичугина и его жены во Францию.

О каких-либо других контактах Пичугина с членами этой группировки неизвестно. По словам того же В.Родригеса, члены группировки вылетели во Францию вместе с Пичугиными. Информация, полученная от кубинца, нуждается в проверке».

– Будем писать о Гоголе? – спросил резидент. – Не сочтут за идиотов?

– Могут. Но не писать нельзя. У меня какое-то чувство,

будто именно этого Гоголя я и должен был везти в Женеву.

– Я тоже об этом подумал.

– Абсурд.

– Абсурд.

– Может, порода дерева какая-то особо ценная?

– Вряд ли. Обыкновенное серое дерево. Оно, конечно, дорогое, но не настолько.

– Наверное, оно трудно поддается обработке. И важно искусство мастера.

– Но не до такой степени, чтобы прятать статуэтку в жевневском банке.

– Ты держал ее в руках?

– Держал. Маленькая, но тяжелая.

– Спасибо, Пичугин взял ее с собой, а то бы мне пришлось таскать. Постой... А не было там чего-то внутри? Какого-нибудь алмаза, например.

– Конечно, тайник мог быть. Иначе зачем он прятал статуэтку в сейфе? Но мы этого не знаем.

– Верно, не знаем, – согласился я. – Но про статуэтку писать надо.

– Про статуэтку надо. А вот про Гоголя... Давай напишем про статуэтку, но не упомянем Гоголя. А то подумают, что от африканской жары у меня мозг начал плавиться.

– А ты не сам придумал. Источник сообщил: «Гоголь», ты и написал «Гоголь». Сообщил бы: «Тургенев», написал бы «Тургенев». Хоть Миклухо-Маклай. Главное, правдивость

передачи информации. Вот если бы сообщил «Карл Маркс», тут не до правдивости. Тут политическая близорукость. Про Гоголя написать надо.

– Думаешь, Гоголь неспроста? А может, просто Чичиков его любимый герой.

– Или кузнец Вакула. Пусть в Москве разбираются.

И резидент начал писать:

«За последние два месяца Пичугин дважды летал в Виндхук (Намибия). По словам Г. Скакуновой, жена Пичугина рассказывала ей, что во время первой поездки он заказал у местного мастера, специалиста по обработке особо ценных пород древесины, статуэтку из серого дерева, якобы писателя Гоголя. Из второй поездки он привез статуэтку и показывал ее сотрудникам посольства. После отъезда Пичугина статуэтка исчезла».

– Послу будешь показывать телеграмму?

– Нет. Мы упомянули источники.

– Ты когда к нему?

Резидент посмотрел на часы:

– Через двадцать минут. Будем сочинять общую посольскую депешу.

– Нашу пошлешь после беседы с послом?

– Пошлю сейчас. Если что новое узнаю, пошлю еще одну. Кашу маслом не испортишь. В моем положении чем больше телеграмм, тем лучше.

– Узнай у посла, кто дал разрешение на поездку Пичугина

в Виндхук, это все-таки другая страна, и без разрешения лететь он не мог. Спроси, знает ли он что-нибудь про статуэтку. Но про Гоголя не говори. И про этих неконформистов тоже.

Валерка подписал телеграмму, протянул мне. Я тоже расписался. Он вызвал шифровальщика:

– Вне очереди.

Шифровальщик взял телеграмму, вышел.

– Теперь так, – Валерка встал. – Я сейчас к послу. Сколько пробуду, не знаю. Потом домой и сразу за тобой машину. Обедаете у меня.

– Договорились.

– Если посол про тебя спросит, пригласит принять участие в составлении депеши...

– Скажи, что я на выполнении оперативного поручения.

– Не в первый раз.

* * *

По дороге в гостиницу ко мне привязался здоровенный тип:

– Только для вас, месье.

Он раскрыл ладонь, и я увидел десяток камешков величиной с булавочную головку.

– Настоящие. Вы можете проверить, месье.

Я знал, как здесь проверяют алмазы. Царапают о стекло

машины, настоящие оставляют узкую полоску.

– Настоящие бриллианты, месье.

Нешлифованные алмазы никого не интересуют. Хотя, говорили специалисты, попадались алмазы чистой воды, такие легко проверить: бросить в стакан с водой, и их не будет видно.

– Очень дешево, месье. Только для вас, месье.

Верзила плелся за мной до самой гостиницы и отстал только у входа. Я не торопясь поднялся на свой этаж. Принял душ.

Машина от резидента приехала около восьми.

26. Благие пожелания и благие намерения

Валерка встречал у двери.

– Наконец-то! – он весело потирал руки.

– Спросил у посла, кто давал разрешение Пичугину летать в Намибию?

– Спросил. Все очень просто. Там есть члены партии и нет парторганизации. Ездил собирать взносы.

– То есть у него есть разрешение на выезд в Намибию.

– А вот как раз и нет. Он сказал послу, что имеется личное указание заведующего загранвыездами ЦК. В иное время посол, конечно, отправил бы уточнилровку, но теперь...

– А про статуэтку?

– И про статуэтку говорили. Пичугин рассказал послу, что в Виндхукe купил красивую статуэтку из серого дерева.

– И все?

– Все.

– А кузнец Вакула?

– Глухо.

– Телеграмму сочинили?

– А как же! Страниц на десять. Восемь страниц про то, какой плохой Пичугин. И две – какие мы нехорошие: проморгали. Без этого нельзя.

Появилась супруга резидента и с места в карьер:

– Как там в Москве? Когда вы от Горбачева избавитесь?

Просто уже не вмоготу.

Валерка попытался смягчить категоричное заявление супруги:

– Ну, что ты так...

Та не сдавалась:

– Неужели нет на него управы?!

Я счел за благо отделаться шуткой:

– Раньше, когда приезжал за границу, все спрашивали про погоду, а теперь про генсека. А ответ один и тот же: что будет, не знаю, не от меня зависит. Это только в голливудских фильмах мы с Валеркой все можем, а на самом деле, кто мы такие? Подневольные клерки.

– Верно, совершенно верно, – закивала супруга. – У моей подруги муж в ЦК работает, их дочка второй раз замуж вы-

шла, так они ей вторую дачу построили. В Жуковке. А мы третий год разрешение на земельный участок получить не можем. А работает Валера... Забыла, когда в воскресенье за город ездили.

Она махнула рукой и отправилась на кухню, а Валера повел меня в гостиную, усадил в кресло, налил виски, посмотрел на часы:

– Надо позвонить в посольство, нет ли чего.

Он набрал номер посольства. Потом вздохнул:

– Идет.

Это означало, идет прием телеграммы.

– Циркулярка? – спросил я.

Циркулярные телеграммы, направляемые для всех резидентов во все страны, особых хлопот не доставляют. Их много, и касаются они в основном общих вопросов или содержат благие пожелания. Отвечать можно, не ударяя пальцем о палец: на общие вопросы общими ответами, на благие пожелания благими намерениями.

– Указилровка. Надо ехать. Посиди, я быстро сгоняю.

Супруга принесла клубнику со сливками и села в кресло.

– Вы, случаем, не рыбак?

– Нет.

– На прошлой неделе к нам приезжал один, из Союза обществ дружбы. На рыбалку попросился. Наши референты отвели его на реку. И выудил он такое чудовище, такое чудовище! С усами, дикого цвета, глазищи как граммофон-

ные пластинки, и колючее, страх просто! Таких в этой Конго тьма-тьмушая. Он плевался весь день. И потом сказал, что никогда теперь вообще ни к какой реке не подойдет, ужас берет. Кофе хотите?

В это время зазвонил телефон. Она взяла трубку, послушала и протянула ее мне.

– Это Валера. Просит вас.

– Приезжай в посольство. Машину я выслал. Тут есть кое-что для тебя.

* * *

В посольстве меня ждали. Я поднялся на третий этаж в референтуру. Дежурный посмотрел в глазок и открыл дверь:

– Проходите. Вы ведь здесь не в первый раз?

– Не в первый.

Я прошел в общую комнату, узкую, с окном, закрытым изнутри решеткой и извне – ставнями, со столами для посольских – направо, с двумя кабинками для ГРУ и КГБ – налево. Безошибочно отодвинув занавеску кэгэбэвской кабинки, сел на скрипучий стул. Через несколько минут появился шифровальщик.

– Вам телеграмма.

Я ждал этой телеграммы. Неординарные события в Бразавиле требовали указаний начальства. По дороге в посольство я прикидывал, какие мудрые указания получу. Но то,

что я прочел, предположить было невозможно.

27. Неожиданная телеграмма

«Резиденту в Браззавиле. Для Лонова.

Возложенная на вас миссия по перевозке денег из Браззавиля в Женеву откладывается. Вам надлежит первым самолетом вылететь во Францию и в городе Онфлере встретиться с известным вам Типографом. Узнайте от него, как выйти на группу марксистов-нонконформистов. Ваша задача – получить увезенную Пичугиным статуэтку Гоголя. Для приобретения статуэтки можете пользоваться счетом «Банк Локаль де Женев». Связь по обычным каналам. Документы для пребывания во Франции у вас есть. Резидент получил указание оказать вам содействие».

Ф.Бобков.

Валерка ждал меня у себя в кабинете.

– Не ожидал?

– Не ожидал. Как обухом по голове. Когда самолет в Париж? Велено лететь первым.

– Через четыре часа.

– Обеспечишь?

– Сделаем. Чем еще помочь?

Сразу и не сообразишь. Перво-наперво надо решить, какой паспорт предъявлять на полицейском контроле: дипломатический или служебный, общегражданский. Как всегда

я взял с собой оба паспорта. Сюда я прилетел как советник МИДа и, естественно, предъявлял дипломатический. В нем теперь значатся отметки об отлете из Москвы и прилете в Браззу. Но для поездки в Онфлер лучше воспользоваться общегражданским паспортом, на него меньше обращают внимания.

– Мне нужно в служебный паспорт проставить московскую отметку о вылете три дня назад и браззавильскую о прилете два дня назад.

– Нет ничего проще.

Валерка достал набор соответствующих печаток.

– Давай паспорт. Хочешь, я тебе поставлю прилет в Буэнос-Айрес?

Шутка.

– Что еще?

Сразу не соображу. Чековая книжка «Банк Локаль де Женев» при мне, французское водительское удостоверение тоже.

– Наличные не нужны?

– Выпиши тысячи две франков.

Валерка улыбнулся:

– Уже заготовил, пока тебя ждал. Три тысячи. Сойдет?

– Сойдет.

– Распишись.

Я расписался.

– Телеграмму о том, что я вылетел, пошлешь, когда вер-

нешься из аэропорта.

– Сам писать не будешь? – удивился Валерка.

Вроде бы надо.

– Ладно. Давай тетрадку.

«Вылетаю в Париж для выполнения указаний. Связь по обычным каналам.

Лонов».

– Но ты все-таки пошли, когда я улечу.

– Теперь по маленькой?

– Можно и по большой. Мне бы только собрать портфель.

– А он уже едет в аэропорт. Я сразу, как тебе позвонил, послал своих молодцов к тебе в гостиницу. Велено оказывать содействие, вот мы и оказываем.

– Тогда наливай.

– Виски? Коньяк?

– Водки. Когда еще увидимся!

– Да прилетишь ты за своей валютой.

– Не знаю. Я теперь ничего не знаю.

28. Встреча в аэропорту

Аэропорт в Браззавиле в минутах двадцати от посольства.

– Ничего от нас больше не надо? – спросил в машине ре-
зидент.

– Какая погода в Париже?

– Хорошая. В Париже всегда хорошая.

Валерка показал на молодых конголезцев, расположившихся около фонарей с книгами в руках:

– Видишь, какой в Браззе ученый народ. Дома электричество дорого, вот и сидят здесь всю ночь, благо климат позволяет.

«Сейчас скажет, что по отношению ко всему населению число студентов в Конго больше, чем в Германии», – подумал я. Но он перешел на другую тему.

– Что будешь делать, если найдешь Гоголя?

– Не знаю. Сначала надо найти.

Резидентский «Пежо» подрулил к зданию Аэропорта. Галинин муж, аэрофлотовец Леша Скакунов, ходил кругами у входа:

– Регистрация уже кончается.

Он протянул мне билет:

– Уж не обессудь, только туристского класса.

Это лучше. Первый класс привлекает внимание.

Пройдя паспортный контроль, я сел на стул и стал ждать посадки.

Все ли я взял в резидентуре? Вроде бы все. О предстоящей поездке я не думал, будет время в полете. Просто закрыл глаза.

Около меня пара пожилых французов, муж и жена, кормили сэндвичем смешную рыжую собачонку. Ел пес с таким остервенением, что я не удержался:

– Какой он у вас прожорливый!

– Мы Сократа не кормили три дня, ведь его взвешивают как ручную кладь, – объяснила дама. – За каждый килограмм пришлось бы платить. Ну и теперь он кинулся на еду.

– Он уже привык к этому, – добавил супруг. – Теперь как видит самолет, от радости прыгает.

– Говорят, скоро людей будут взвешивать, – продолжила беседу супруга. – Вы ничего не слышали?

Я пожал плечами.

Мимо нас важно проплыла очень полная дама. Моя собеседница и ее муж, оба очень худые, про таких французы говорят: «Могут пролезть между приклеенной к стене афишей и стеной», посмотрели сначала на нее, потом на меня. Мы, скорее всего, подумали об одном и том же и дружно засмеялись.

– Пойдем купим Сократу еще что-нибудь.

Они пошли к буфетной стойке. Радостный пес мчался впереди.

– Евгений...

Передо мной стояла Галина.

– Как ты сюда попала?

– Я жена представителя Аэрофлота.

– Спасибо, что приехала.

– Знаешь, зачем?

– Пожелать мне счастливого пути.

– И это тоже. А еще я сегодня вечером видела Рауля. Ничего нового он мне не сказал. Только то, что эту блонду, ко-

торая с Пичугиным разговаривала, зовут Лида.

– Русская? – удивился я.

– Нет, он говорит, не русская. Но зовут Лида. Ты теперь когда к нам?

– Не знаю.

– Не забывай. Я тебе еще пригожусь.

Я почему-то подумал, что в нашем ведомстве Галина продвинулась бы по службе быстрее, чем Боря Филин.

Глава седьмая

ОТ ПАРИЖА ДО ЛИВАНА

29. Агент 007

Самолет приземлился в новом парижском аэропорту в Руасси.

Добрых полсотни метров от самолета до аэровокзала пришлось преодолевать пешком. Рядом со мной бежал пополневший, но по-прежнему резвый Сократ. Потом несколько залов по дощатым настилам и узкая лесенка вверх.

Зал полицейского контроля. Всего одна кабинка. И большая очередь. Как нельзя лучше. Меньше внимания. И отлучиться полицейский не сможет.

Подхожу к кабинке, показываю общегражданский паспорт. Никаких вопросов. Штамп – и паспорт у меня в руках.

Но я знаю, моя фамилия есть в большом списке, и компьютер моментально сообщит о моем прибытии. Но у меня нет багажа, и я успею выйти из аэропорта до того, как они среагируют. К такси идти не надо. Таксиста потом найдут. Брать машину напрокат не буду. Если брать ее, нужно предъявлять водительские права.

Поэтому я воспользуюсь метро. Новый аэропорт связан с Парижем пригородной линией, здесь это называется RER.

Станция метро оказалась совсем близко, всего лишь пройти по строящемуся залу до терминала. Две минуты ожидания – и я в вагоне. Народу много, люди едут на работу в Париж.

– Северный вокзал.

Вместе с толпой выхожу из вагона. Длинный переход на пятую ветку, три остановки и у Маркаде-Пуассонье переход на двенадцатую ветку. Еле втиснулся в вагон.

Рабочий, плохо одетый утренний Париж. Очень много иностранцев. Через восемь остановок выхожу у вокзала Сан Лазар.

Поезд в Довиль отходит через сорок минут. В автоматической кассе покупаю билет до Довиля. В зале ожидания сажусь в кресло. Рядом пожилой человек читает «Фигаро». Он перелистывает газету, потом обращается ко мне:

– Баба – премьер и еще шлюха. Как вы на это смотрите?

Он тычет мне в лицо портрет Эдит Крессон, на той неделе Миттеран назначил ее премьером.

– Я привык рассматривать женщин под другим углом.

– Углом? – переспрашивает сосед. – Это хорошо. Под углом. Это даже очень хорошо. Я расскажу своей жене. Под углом.

Потом показывает на поезд.

– Вы читали? Американцы покупают у нас вагоны! Наши поезда будут ходить в Техасе. Вот тут, в «Фигаро»...

Он протягивает мне газету.

– А я думал, они еще ездят на мустангах.

Мы оба засмеялись.

Потом я вскочил:

– Чуть было не опоздал.

И кинулся к поезду.

Пустой вагон, в это время из Парижа мало кто едет. Я устроился в кресле и задремал. Минут через десять появился контролер. Я хотел показать ему билет, но он махнул рукой: «Не надо».

В десять минут одиннадцатого я уже в Довиле. У вокзала ни одного такси. Я дошел до центральной площади. Около углового кафе одиноко маячил старенький «Ситроен» с эмблемой «Т».

– В Онфлер отвезете?

– Садитесь.

Серпантинная дорожка вдоль моря. Таксист, португалец, к счастью, плохо говорил по-французски, и мы молчали всю дорогу. Через сорок минут я в Онфлере. Десяток прилепленных друг к другу пяти-шестиэтажных домов, выходящих на туристский порт.

– Остановите около Променад ан мер.

Я расплатился. Таксист, лихо развернувшись, уехал. Я остался один на площади.

Одно из двух: или они меня упустили еще в аэропорту, или я им нужен, как тот Неуловимый Джо, который был неуловим, потому что его никто не ловил.

30. Город художественных салонов в

Типографа надо искать в одном из художественных салонов на центральных улицах. Чаще всего он обретается там. Даже если сейчас его там нет, личность он известная, где найти, подскажут.

Салон «Эстюэр», галерея Пьера Бюше, галерея «Дофин». Захожу в первый попавшийся. Салон Дюме. У входа висит картина в желтых тонах с синим квадратом в центре, однако внутри, на удивление, картины, близкие к реалистическому стилю: люди на улицах, мальчик с кувшином. И хотя подобная манера живописи не соответствует вкусам того, кого я ищу, я, тем не менее, решил поинтересоваться у сидевшей в углу не по-французски ярко накрашенной дамы, то ли менеджера, то ли хозяйки:

– Базиль не появлялся?

Дама рассматривала небольшой натюрморт с желтыми цветами. Ответила, не поднимая глаз:

– Сегодня не видела.

– Где его найти?

– Дома.

– И где его дом?

– В Сан Блуа.

– Это далеко?

– Близко, но найти трудно. У вас есть машина?

– Нет.

Дама вышла из темного угла, и теперь я смог ее лучше разглядеть. Большие неподвижные глаза, строгий темный костюм.

– Я вам попытаюсь помочь. У моей, скажем так, племянницы, машина. И если малышка сейчас ничего не делает – а это ее естественное состояние – она вас туда довезет. Это действительно рядом.

– Я ей заплачу.

– Это ее обрадует.

Племянница оказалась шустрой девицей невысокого роста. Короткое полупрозрачное сиреневое платье плотно облегало удивительно ладную фигуру, огромные глаза странного бутылочного цвета занимали большую часть лица и делали его привлекательным, несмотря на то, что все остальное под стандарты конкурса красоты не подходило: особенно мясистые губы и курносый нос. Она сидела на веранде за мольбертом и, не торопясь, протирала лаком картину.

– Это наша Кики. Будущая художница. Но это будущее – не завтра.

Предложение прокатить меня в Сан Блуа привело будущую художницу в восторг:

– Машина тут, рядом.

Автомобиль непонятной марки очень давнего года изготовления стоял во дворе.

– Не новая, но никогда не подводила, – прокомментиро-

вала Кики.

– Бензина хватит?

– Заправимся.

Заправлялись при выезде из города. Кики пошла платить и вернулась с двумя порциями мороженого в конических вафельных стаканчиках.

– Теперь вперед.

Выскочив на загородное шоссе, французская «Антилопа-Гну» не сразу, но уверенно набрала приличную скорость. На одном из ухабов ее подбросило вверх, и я ударился головой о крышу.

– Когда конструировали твой агрегат, рессор, скорее всего, еще не изобрели.

Кики все было нипочем:

– Ничего страшного. Машина не новая.

– Спасибо, хоть часы нормальные, не солнечные.

Кики хотела обогнать кургузый грузовичок, потом передумала.

– Правильно сделала, что не обогнала. Это грузовик похоронной компании.

– Верите в приметы?

– Бережного бог бережет.

Мы петляли по извилистым пригородным дорогам, минут пять ждали у светофора и наконец оказались перед комплексом из пяти зданий.

Офис Типографа размещался в современном трехэтаж-

ном здании, специально построенном под конторы. По широкой лестнице поднялись на второй этаж. Кики шла впереди как человек, хорошо знающий дорогу:

– Здесь.

И уверенно открыла обитую искусственной кожей дверь.

31. Задание центра

Мужчина лет сорока пяти, в просторной цветной рубашке и джинсах, сидел за письменным столом и перебирал бумаги. Это и был Типограф, по паспорту Василий Георгиевич Топалов или, как он представлялся здесь, Базиль Топалофф. Увидав нас, он встал, поднял обе руки:

– Милости прошу. Милости прошу.

За три года, которые я его не видел, Топалов не изменился: то же загорелое лицо, та же привычка поднимать сразу обе руки, тот же легкий акцент, выдающий русского, не жившего в России, и тот же пробор в центре, как у лакеев из фильмов про прошлый век.

Родился он в Лондоне. Отец, бывший царский офицер, начал работать на советскую разведку еще в тридцатые годы. После войны ушел связник и отца перебросили сначала в другой город, потом решили вообще убрать подальше. Выбрали Францию.

Помогать отцу Базиль начал с детства, и, когда в середине пятидесятых отец умер, ему предложили продолжить де-

ло, он согласился. Советской разведке Топалов пришлось ко двору. После десяти с лишним лет «поезжай туда, привези это» Москва перевела его на более спокойное место: снабдили документами, помогли купить на паях небольшую типографию. С детства он увлекался рисованием, в Онфлере стал завсегдатаем художественных салонов и, кроме всего прочего, посредником по продаже картин.

– Вас подождать? – спросила Кики.

– Погуляй на улице. Я скоро. Ты не торопишься?

Кики не торопилась и исчезла за дверью.

– Не желаете кофе? – Типограф был любезен и всем видом показывал, что спокоен и рад гостю.

– Пожалуй.

– Взгляните пока на мои произведения, – он показал на овальный стол в центре комнаты, где лежали пачки с визитными карточками.

Нет, он, пожалуй, изменился: похудел, черты лица стали грубее, взгляд какой-то нервный, глаза красные. Пьет, что ли?

Хозяин тем временем колдовал над кофеваркой. Начать деловую часть надо с пустяка, лучше всего со стандартного «есть ли к Центру вопросы».

– У вас есть к Центру вопросы?

– Есть.

Я насторожился.

– Я хочу свернуть дело. И уехать.

Ничего себе начало! Представляю, как обрадуются мои начальники!

– Куда?

– Куда-нибудь подальше. У меня есть южноафриканский паспорт.

Такой оборот был неожиданным и, хотя сам факт меня особо не волновал – пусть болит голова у начальства, я прокручивал, как это отразится на моем задании.

Я подошел к окну, посмотрел во двор.

– Тихо у вас здесь.

– Да, спокойно. Ну так как?

– Я проинформирую центр. Однако вы понимаете, что это ваше желание не освобождает вас от обязанности выполнять распоряжения центра.

– Да, да, конечно, – засуетился он. – У вас ко мне дело? Или так, проездом? Я всегда готов.

Трясутся руки, нервничает.

– Есть дело.

Он замер с кофейником в руках, всем видом показывая, что весь – внимание.

– Здесь можно говорить?

– Да, да, – заюлил он. – Но, если хотите, выйдем на улицу.

– Не надо. Дело не ахти какое секретное. Мне нужно срочно встретиться с кем-нибудь из марксистов-нонконформистов.

Он среагировал сразу:

– Увы, помочь не могу.

– Я не прошу украсть «Джоконду». Я прошу найти людей, которых вы знаете.

– Украсть «Джоконду» было бы проще. И безопаснее.

– Как раньше вы с ними связывались?

– Я никогда с ними не имел дела.

– Но вы знаете об их существовании?

– Я о них слышал.

– О ком конкретно?

– Только о Вальтере.

– Он такой умный?

– Он бандит.

– У вас хорошая компания. О ком еще?

– Он не входит в мою компанию.

– О ком еще?

– Всё. Больше никого не знаю.

– А если я вам не поверил?

– Вы как-то мне сказали, что, если я попытаюсь вас обмануть, мне не будет смысла ходить к гадалке по поводу даты моей смерти.

«А он еще комедию ломает!» – разозлился я.

– Послушайте. Вы знакомы с Вальтером, а я нет. Но хочу с ним познакомиться. И хочу не по собственной воле. Я догадываюсь, что это не тот человек, с которым приятно проводить время. Но у меня задание. Которое мы с вами... мы с вами должны выполнить.

– Да уж, проводить с ним время... Это мало приятно, – Топалов вертел в руках чашку, потом принялся расставлять чашки на подносе.

«Ну ладно, – решил я. – Посмотрим, как ты держишь удари ниже пояса».

– Хорошо. Вернемся к вашей просьбе. Вам придется перед поездкой «куда-нибудь подальше» заглянуть в Москву.

Удар пришелся в самую цель: меньше всего на свете агенты любят поездки в Москву.

Испугался он не на шутку:

– Но я...

– Погода в Москве сейчас отличная. Отдохнете. – Я постарался, чтобы это «отдохнете» выглядело как можно более зловещим.

– Я привык выполнять задания, но это...

– Это вы объясните в Москве.

– Но с точки зрения безопасности...

– Ничего страшного. Это раньше не любили приглашать, боялись засветить. А теперь нас так все любят, что, если ни разу у нас не был, уже подозрительно, не шпион ли. Значит, в Южную Африку собираетесь?

– Нет. Туда с южноафриканским паспортом не сунешься. Куда-нибудь в Латинскую Америку.

– Южная Америка – это хорошо! – я мечтательно вздохнул. – На всякий случай лет десять в Европу не стоит показываться.

– Что я здесь потерял!

– Соскучитесь. Ностальгия.

– Ностальгия – болезнь людей, у которых много свободного времени.

Он разлил в узкие прозрачные чашки крепкий на вид кофе, положил на край стола салфетки, поставил чашки на стол.

– Так когда я встречу с Вальтером?

– Я не могу вам помочь.

– Хорошо, если не Вальтером, то с Лидой.

– Я такую не знаю.

Знает. И Вальтера знает, и Лиду. Если наши послали к нему, значит, он имеет к ним ходы. Или имел.

– Ну если вы не знаете Вальтера, то вам придется узнать. Иначе вам придется задержаться в Онфлере. Надеюсь, вы это понимаете.

– Понимаю. Но действительно нет возможностей... Хотя... Может быть, есть один путь... Маленький такой, просто тропочка.

– И что это за тропочка?

– В Довиле есть ливанский ресторан. Он так и называется «Ливан». Хозяин этого ресторана некто Рикошет. Он сможет вывести вас на людей, связанных с Вальтером.

– Понял. Я к нему завтра приду и скажу: «Рикошет, Рикошет, познакомь меня с Вальтером». Он обрадуется и кинется искать Вальтера.

– Нет, нет, – Типограф замахал руками. – Я постараюсь все устроить. Конечно, не гарантирую, но...

Я не очень верил, что этот Рикошет выведет меня на Вальтера, но предложение Типографа меня устраивало: я доложу начальству, что Типограф взялся за поиски Вальтера, а получится – не получится, это уже другая история.

– Думаю, план подходящий. Приступайте. Только не вздумайте смыться до разрешения центра.

– Нет, нет. Типографию надо продать. Предположим, покупатель у меня есть. Но нужно время на оформление. Можно доверить процесс адвокатам. Но это будет связано с потерями.

– Вы профессионал. Вы должны уметь быстро уезжать.

– Семейными фотографиями я не обзавелся.

– Берегитесь совершать необдуманные поступки. Иначе ваша фотография останется только у нас в вашем личном деле.

Пугливых людей надо пугать. Иначе они осмелеют. А у меня было такое чувство, что этот Базиль слиняет и без нашего разрешения. И ничего мы тут не поделаем. Время сейчас такое. Только вот откуда у него деньги... Сколько стоит типография, я знаю. Знаю, что прожить без нас он не сможет.

– Я свяжусь кое с кем. Потом вам позвоню. По какому номеру?

– Все будет наоборот. Вы мне напишете номер, по которому я вас найду.

Он снова засуетился:

– Хорошо, хорошо.

Написал цифры на листке, протянул мне:

– Когда вы позвоните?

– Когда сочту нужным. Но поторапливайтесь.

* * *

В машине я спросил Кики:

– Ты часто здесь бывала?

– Нет. Второй раз. На той неделе возила сюда Вальтера.

32. День за днем и навсегда, Анжелика

– Вальтера? – я обалдел. Вот тебе и поворот! – Ты знаешь Вальтера?

– А кто его не знает!

– Я, например.

– Ну, тогда вам спокойнее.

– А кто он?

– Вы травкой интересуетесь?

– Нет.

– Ни для себя, ни для продажи? – в голосе Кики явственно прозвучали нотки недоверия.

– Ни для себя, ни для продажи.

– А зачем тогда вы к этой Екатерине ездили?

– К какой Екатерине? – удивился я.

– А к этому Базилу. Мы его Екатериной зовем. – И, не ожидая вопроса, начала рассказывать. – Он всем уши прожужжал, что он каких-то знатных кровей. Царских. Как-то сказал, что в родстве с Екатериной, русской царицей. Ну, мы его после этого и стали звать Екатериной. Вы ведь тоже русский? Да? – И снова не дождалась ответа. – Скажите, для вас важно, каких он кровей?

– Нет.

– И для меня тоже. – Она захохотала. – А вот моя тетя его почему-то называет гордым козликом.

– По-моему, он осел. Упрямый и напыщенный.

– Мне тоже так кажется, – согласилась Кики.

– А что, он тоже по травке? – заинтересовался я.

– Вы правда не знали?

– Ну да. Он обещал пристроить несколько картин.

– Это он может, – согласилась Кики. – Здесь на него стоит положиться.

– А если я захочу найти Вальтера, ты мне поможешь? – И не дав ей времени спросить, зачем мне нужен Вальтер, стал объяснять: – Он недавно был в Африке и привез оттуда статуэтку из очень ценного дерева. Она представляет художественный интерес. Словом, мне нужна эта статуэтка.

Кики недоверчиво покачала головой:

– Вот уж не думала, что Вальтер интересуется статуэтками. Не похоже на него.

– Тем не менее это так. Он приехал из Африки несколько дней назад и...

– А вот и не так, – оборвала Кики. – Несколько дней назад в Африке он не был. Я его видела три дня назад.

– Ну, значит не он, но статуэтка у него. Ты сможешь с ним встретиться?

– Нет. Он появляется и исчезает. А если узнает, что я им интересуюсь, мне нужно запастись местом на кладбище.

– Ладно, убедила. Тогда другой вопрос. Ты знаешь Лиду?

– А кто ее не знает! Эй-эй! Вот она действительно куда-то уезжала на пару недель. И говорили, что в Африку.

Я обрадовался:

– Значит, мне нужна именно она.

– Нужна?! – удивилась Кики. – Интересно, для чего она вам нужна?! Хотя...

– Как ее найти?

– Очень просто. Она с утра вертелась около нашего салона и спрашивала Амалию. Значит, в три часа будет у нее.

– Кто такая Амалия?

– Фармацевт. Работает в госпитале.

– И зачем она Лиде?

– Догадайтесь.

– А ты подскажи.

– Амалия любит девочек.

– Понял: и Лиде любит девочек.

– Какой вы недогадливый! Лиде не любит девочек. Лиде

любит мальчиков, и часто любит. А еще она любит травку.

– И за травку не отказывает Амалии в любви неземной, – предположил я.

– А вот и нет! У них коммерческие отношения. А теперь попробуйте догадаться, где найти Лиду, если я вам подскажу, что Амалия начинает работать с трех часов, а Лида ее ищет с утра.

– В госпитале в три часа.

– Догадались.

– Едем?

– Едем. Только я вас довезу до госпиталя – и все. Дальше сами. Мадам Высокая табуретка будет недовольна, если меня не будет во время беседы с толстым покупателем. Я помогаю продавать картины. Особенно, когда у меня случайно поднимается юбка.

– Мадам Высокая табуретка – это твоя тетя.

– Да. Впрочем, она такая же моя тетя, как и ваша.

– А почему Высокая табуретка?

– Расскажу при следующей встрече.

– Как я узнаю Лиду?

– Да ее нельзя не узнать. Если вы увидите девушку и не поймете, где у нее перед, где зад, так это она. Поэтому ориентируйтесь на туфли. Где носки – там должно быть лицо. Лицо... Ничего значительного. Если бы я ее рисовала, я бы просто сделала кружок и заштриховала его полосками. Собственно говоря, у нее нет лица. Но то, что должно им быть

– далеко от ног, очень далеко.

– Она высокая?

– Как столб. И не пытайтесь найти, где у нее груди. Грудей у нее нет.

– Да мне-то вообще... – начал я объяснять.

Кики меня прервала:

– Но осторожно! Она умная. И опасная. Не удивлюсь, если узнаю, что она в туалет ходит с гранатой.

– Кики. Как твое полное имя? Клодина?

– Нет. Анжелика.

– О! *Mon amour c'est toi. Jour après jour et pour toujours, Angélique*, – пропел я куплет песенки Видаля. (Ты – моя любовь. День за днем и навсегда, Анжелика).

– Bravo! – похвалила меня Кики. – Теперь вы понимаете, почему меня зовут Кики.

Я не понял, почему это так, но решил не спрашивать. Девчонка мне нравилась. Кроме того, очень удобно по крайней мере несколько первых дней пользоваться ее машиной. На такси быстро примелькаешься.

– Я с тобой хочу расплатиться.

– Давайте так. Сначала я буду говорить, что никаких денег мне не надо, что мне и так было приятно в вашем обществе и вообще деньги меня обижают. Вы будете меня уговаривать. Потом вы меня убедите, и я возьму сто франков.

– А если мы поступим иначе? Отбросим всю первую часть. И я тебе дам пятьсот франков.

– Когда девушка берет такие деньги – а девушки в моем положении чаще всего берут такие деньги – они хотят знать, за что им платят.

– За работу таксистом. И сегодня, и завтра.

– Ясно. Куда сегодня подать машину? Вот телефоны, по которым меня можно найти.

Она вытащила из бардачка бумагу, написала два номера и протянула мне.

– Мы приехали. Поднимитесь на второй этаж, а там у кого-нибудь спросите.

Я поцеловал ее в щеку и вышел из машины.

– Пойдите, – окликнула она. – Если около нее будет Вальтер, то вспомните олимпийскую чемпионку Бруно Марри-Роз. С места стометровку с препятствиями и в любом направлении.

– Как я его узнаю?

– Рожа как у Нерона на картине Веласкеса. И ходит как баба, у которой того гляди оторвется последний крючок на бюстгальтере.

33. Террористка Лида

Широкая мраморная лестница привела меня на третий этаж. Спросить, где аптека, было не у кого. Наконец появилась старуха в короткой серой юбке. Она сначала удивилась: никакой аптеки в госпитале нет. Потом, подумав, спросила,

не нужно ли мне то отделение, где выдают лекарства. Я подтвердил. Она указала на дверь в конце коридора. Я прошел коридор, открыл дверь и попал в зал, где за стеклянной стеной увидел женщину в белом, разговаривающую с другой дамой в длинном, почти до полу, лиловом платье.

Потом женщина в белом ушла, дама в лиловом платье села на стул и стала ждать. Через пару минут первая вернулась и дала ожидающей пакет. Через стеклянную дверь я наблюдал за обеими. Ну, конечно, дива в лиловом и есть Лида. Я дождался, пока она, угловато кивнув головой, повернулась и быстро засеменила вдоль коридора. Я ринулся следом. Когда я выскочил в коридор, длинное платье мелькало уже метрах в десяти.

Лида почти бежала, безошибочно ориентируясь в больничном лабиринте. Вдруг она толкнула незаметную с первого взгляда дверь и нырнула внутрь. Я убыстрил шаг, проскочил через ту же дверь и оказался в темном узком проходе. Впереди открылась еще одна дверь, стало светло, я понял – дальше улица. Через минуту я уже шел за Лидой по безлюдному, усаженному высокими деревьями переулку где-то позади госпиталя. Догнав ее, резко схватил ее за плечо. Она остановилась не вздрогнув.

– Как тебя зовут?

– Меня? А вам зачем?

Теперь я увидел, что она еще совсем молодая. Бесформенное платье мешком болталось на тощем теле. Лицо было на-

столько блеклым и невзрачным, что я сразу вспомнил Кики: круг, заштрихованный полосками.

– Либо ты скажешь свое имя, либо мне придется отвести тебя в полицию...

– Меня зовут Лида.

– Не пытайся бежать, а то мне придется сбить тебя с ног.

– А я и не бегу.

– Быстро отдавай порошки!

– Какие?

– Не притворяйся. Ты только что получила порошки.

– Я ничего не получила, – ее длинные руки тряслись, она ничего не могла с ними поделаться: то прятала за спину, то подносила к щекам.

Я поднял руку. Девушка сжалась, запищала:

– Не надо.

– Послушай, девочка, или ты сейчас отдашь порошки, или...

Лида вытащила из кармана пакет и жалобно запищала:

– Но это для больного мужа.

– Врешь.

– Я боюсь, когда меня бьют, но вы можете меня бить, все равно не скажу, кто мне их дал, – причитала она, растирая лоб ладонками. Я удивился: при таких длинных руках у нее оказались совсем маленькие ладошки.

– Не хочешь, не говори. Я знаю, кто тебе дал порошки. Мне интересно, почему ты привезла наркоту из Африки, а

сама через день начала искать порошки.

Девушка по-прежнему тряслась.

– Хочешь кофе?

– Хочу, – по-детски серьезно ответила она.

– Идем в кафе.

Она удивилась:

– Вы мне оплатите кофе?

Я в первый раз обратил внимание на ее широко расставленные, голубые глаза. Она удивленно посмотрела на меня и быстро отвела взгляд. «А глаза у нее красивые», – подумал я.

Я взял ее за руку, потянул за собой, ладонка была мягкой и влажной от пота. Она шла, не сопротивляясь, семена тонкими ногами. Через несколько минут мы уже сидели в крошечном, на три столика, перекусочном заведении.

– Обоим кофе и девушке сэндвич.

Хозяйка, краснощекая толстуха в синем фартуке, кивнула.

– Так зачем тебе порошки? Вы что, из Африки ничего не привезли?

– Привезли. Да вот таможня... Мы сразу поняли. И не стали брать багаж.

Хозяйка принесла кофе и сэндвич. Лида чинно взяла сэндвич с тарелки и принялась перемалывать его со скоростью кофемолки.

– И ты теперь без зелья?

Лида продолжала заниматься сэндвичем. Потом, когда с

ним было покончено, усталилась на меня:

– Я хотела попросить вас купить мне еще сэндвич, а теперь не буду.

– Почему?

– А потому, что вы меня отведете в полицию, а там сначала избьют, а потом накормят.

– В полицию я тебя не отведу.

– Не отведете?

– Не отведу.

– Знаю. Догадалась. Не дурочка, – неожиданно кокетничая, заверещала Лида. И вообще вы не местный.

– Верно, не местный. Я из Южной Африки, из отдела по борьбе с наркотиками. Знаешь, как у нас допрашивают? пытки третьей категории.

– Во-первых, если вы не местный, я имею право не отвечать на ваши вопросы. А во-вторых, от кого я получила порошки, я все равно не скажу. Вы и ваши гориллы можете затащить меня в какой-нибудь дом, там пытаться и убить.

«Обычно женщины добавляют в таких случаях «и изнасиловать», но эта, очевидно, невысокого мнения о своих женских достоинствах», – отметил я про себя.

– Несмотря на то, что ты смотришь на мир несколько пессимистически, направление мыслей у тебя верное.

– А почему не пессимистически? Вот вы, такой красивый, вроде бы добрый, сэндвичем угостили, вежливо разговариваете, а потом: «пытки третьей категории». Эх вы! – Она

уткнулась в кофе и, судя по всему, приготовилась плакать.

«Неврастеничка, с ней надо осторожно», – решил я.

– Послушай. Я не хочу ничего плохого ни тебе, ни твоим друзьям. Мне только нужна информация. Небольшая информация.

– Ну. так вежливо и спросите.

– Про тебя говорят, что ты в туалет с гранатой ходишь.

– Чтобы туда ходить, надо есть, а у меня это не каждый день получается.

– Не стыдно такое говорить мужчине?!

– Стыдно. И стыдно, что начала обращаться к вам на «ты». Было бы лучше называть вас по имени. Но вы ведь не скажете мне своего имени?

– Догадалась.

– Тогда я вас буду называть просто «русский, который отобрал у меня порошки».

– Русский? – обомлел я.

– У вас характерные ошибки. Я изучала в университете русскую литературу. И люблю Достоевского. У меня и имя русское. Я сначала хотела быть Соней. Как Соня Мармеладова. Потом встретила одну плохую Соню. А имя Лида тоже русское и красивое. Правда?

– Правда, – я счел за благо обмануть. Сестру моей бывшей жены звали Лида, и ничего красивого в этом имени я не находил.

– Когда ты догадалась, что я русский?

– С первых минут. Я не такая уж дурочка. Южная Африка, Южная Африка... Я все понимаю. Все-все понимаю. Вас интересует Пичугин. Вы из КГБ.

– Ладно. Пичугин меня... лично меня не интересует. Меня не интересует, как и почему вы ему помогали. Меня интересует только одна вещь.

Я замолчал. Молчала и Лида.

Я подозвал хозяйку:

– Что у вас на обед?

– На основное – рагу или тефтели с картофельным пюре. А сначала салат.

Я повернулся к Лиде:

– Ты что любишь? Рагу или тефтели?

– Тефтели.

– Тогда, пожалуйста, тефтели, два бокала красного и мне кофе.

– Меня вообще-то зовут не Лида, а Алеида. Но Лида как-то удобнее.

– Алеида? Ты что, арабка?

Лида фыркнула:

– Странно такое от вас слышать! Хотя вы все там уже не такие. Алеида – дочь Че Гевары. И кто вас интересует?

– Не кто, а что. Пичугин увез с собой статуэтку. Я хочу узнать, у кого она.

– Чтобы отнять.

– Чтобы купить.

– Это дорого.

– А ты знаешь, что за статуэтка? – обрадовался я.

– Знаю.

– А я нет.

Лида не удивилась:

– Значит, вы только пешка. Странно. А такой солидный...

Хотя, если бы вы были пешка, вы бы не признались. Пешки не признаются, что они пешки. Значит, вы или начальник или... честный человек. Почему вы начали с меня?

– Я боюсь твоих напарников. Твой главный может меня живо без разговоров... – я провел рукой по шее.

– О ком вы?

– О том, кто ходит как баба, у которой расстегнулся бюстгальтер.

– Вы его знаете? Верно. Точно так он и ходит! – Лида вдруг расхохоталась по-детски звонко. Голова у нее затряслась, и нечесанные кудряшки поднялись чертиками. Потом, не моргая, уставилась на меня. – Он сутулый. У него больные легкие. А что касается... – она повторила мой жест рукой по шее. – Он не убьет. Раньше, верно, мы могли на всякое пойти. А теперь нет. Время не то.

– Так что это за статуэтка?

– Ну что вы пристали: статуэтка, статуэтка... Дело не в ней, а в том, что внутри нее.

– И что там?

– Догадайтесь.

– Алмаз?

– Верно.

– Необработанный?

– Ну да.

– Кому он принадлежит? И где он?

– Почему я должна вам все рассказывать?

– Ты меня полюбила.

– Пока нет.

– Авансом.

– Ладно. Пичугин где-то достал алмаз. Огромный. И отдал его нам. Мы ему организовали отъезд. Он нам помог провезти алмаз, у него дипломатический паспорт.

– Но алмаз надо еще обработать.

– Точно.

– И где он сейчас?

– У одного человека.

– Почему вы его отдали? Вам нужны деньги?

– Чего спрашивать, если знаешь ответ.

– Как найти этого человека?

– Просто. В Довиле. Это рядом. Но вы его не найдете.

– Помоги.

– Порошки отдадите?

– Отдам.

Лида подумала:

– А я вам и вправду помогу. Мы заинтересованы, чтобы кто-то купил этот алмаз. Его трудно продать. Он не отшли-

фованный.

– Знаю.

– И у тебя есть деньги?

– Есть.

– Твои?

– Нет.

– И ты заплатишь?

– Заплачу.

– Не удивил.

– А ты меня удивила. Я думал, что ты другая.

– Какая?

– Будешь кричать «Че Гевара!» и убеждать меня в необходимости мировой революции.

– Я и была такой. Но теперь другое время. Время прошло, а вы в Москве ничего не заметили. И вообще вы очень старей.

– Старый? Ишь ты! – я даже обиделся.

– Конечно, старый, – вызывающе подтвердила Лида. Ей явно нравилось, что теперь она ведет разговор.

– Значит, я тебе не нравлюсь.

– Я этого не говорила.

– Про тебя говорят, что ты лесбиянка.

– А если про вас скажут, что вы любите мальчиков, как вы докажете обратное?

– Мыслишь ты логично.

– Я изучала логику. Три года в университете... Я только

потом...

– Стала колотиться, – подсказал я.

– Ничего вы не понимаете. И не поймете. – Голос у нее упал, она снова стала бесцветной.

Хозяйка принесла салат и два бокала вина. Лида взяла большую вилку и принялась за салат. Ела она только помидоры.

– Ты остальное не ешь? – удивился я.

– Ем. Все по очереди. Сначала то, что не очень люблю. А что больше нравится, оставляю на потом.

– А где статуэтка?

– Вместе с алмазом. Она вроде шкатулки для алмаза. Вообще-то статуэтка интереснее алмаза. Только ее не купят. А нам нужны деньги. Вы видели статуэтку?

– Нет. Но знаю, что это статуэтка мужчины с длинным носом.

– Так вы ничего не знаете! – обрадовалась Лида. – Это не просто мужчина. Это Гоголь.

– Ты знаешь, кто такой Гоголь?

– Представьте себе. И читала «Мертвые души».

– Так ты мне поможешь найти человека, у которого статуэтка?

– Я ему скажу, что вы хотите его увидеть. А дальше он решит сам.

Она замолчала, уставилась в тарелку, потом подняла глаза:

– Я вас больше не увижу?

– Как тебя найти?

Она взяла бумажную салфетку и написала номер.

– Тут живет одна моя знакомая. Если я вам понадобится, она меня найдет.

Я улыбнулся. Такой же связью пользовался один из персонажей фильма «Место встречи изменить нельзя». Поистине опыт нелегалыщины не знает границ.

– А теперь порошки.

Пришлось отдать.

* * *

Я вышел из кафе. Что дальше? План на сегодня перевыполнен. Пора в гостиницу – и спать.

Я прошел несколько кварталов.

– Эй, месье!

За столиком у кафе со скромным названием «Вся Европа» сидела дама, которую Кики именovala Высокой табуреткой.

– В какой гостинице вы остановились?

– Пока нигде. Именно сейчас решаю данный вопрос.

– Поскольку у вас нет машины, я могла бы снова вам дать Кики на час, если вы остановились в Онфлере или, на худой конец, в Трувиле.

– Увы, я заказал «Барьер» в Довиле.

– Ого! Вы серьезный человек. Ну как такому отказать!

Ступайте ко мне в магазин и скажите Кики, что я ее отпускаю. Но лишь довести вас до «Барьера» – и сразу назад. И только на час.

– Кики на час – этого мало.

– Смотрите, не скажите это ей. Малышка слишком впечатлительна.

Узнав, что вместо того, чтобы сидеть и ждать клиента, можно скататься в Довиль, Кики подскочила от радости.

– Где ваш багаж?

– Один портфель.

– Прекрасно. Мужчина с одним портфелем и останавливается в «Барьере», такому трудно отказать.

Опять «трудно отказать». Как приятно находиться в городе, где женщинам трудно мне отказать!

– Я на это надеюсь.

– На что?

– На то, что «трудно отказать».

– А вот это напрасно. Вам надо отдохнуть. Вы сюда не на один день?

– Это правда.

– Так зачем торопиться? Знаете, что сказал Монтень? Любить лучше всего тогда, когда больше нечем заняться.

– Обязательно перечитаю Монтеня.

– Напрасно, это я придумала.

Кики лихо завернула к отелю.

– Когда заехать за вами завтра?

– Я позвоню.

34. Восточное гостеприимство

На следующий день, проснувшись, я долго соображал, где нахожусь. Впору спуститься вниз и спросить на ресепшне, в каком я городе. Вот посмеются!

Я посмотрел на часы. Половина десятого. Завтраки во французских гостиницах до девяти. Обидно. Я принял душ. Спустился вниз. Подошел к портье:

– До которого часа у вас завтрак?

– Вы можете позавтракать, когда сочтете нужным, – он улыбнулся и добавил: – После завтрака рекомендую прогулку вдоль моря. Сегодня удивительная погода.

После более чем плотного, по настоящему французского завтрака, я вышел из отеля. Погода действительно была прекрасной. С моря дул ветер. «У нас всегда ветер. Но летом это приятно», – просветил меня портье после завтрака. Почти час я прогуливался по пляжу вдоль принадлежащих отелю пляжных кабин с именами звезд Голливуда. Они приезжают сюда каждый год на кинофестиваль.

Вернувшись в отель, набрал номер Типографа. Тот был краток:

– Я вам рекомендую пообедать сегодня вечером в каком-нибудь ливанском ресторане.

Значит, Рикошет должен ждать меня сегодня вечером в

ресторане «Ливан».

И я отправился гулять по городу. Вышел на нарядную улицу с магазинами, как здесь говорят, «лучших фирм»: Шанель, Феррагамо, Диор, прошел по всем этажам магазина «Прентам», пообедал в рыбном ресторане «Фламбе», где, как и повсюду в Нормандии, большую половину блюд составляли дары моря. Выпил чашку кофе в угловом кафе на центральной площади, именуемой площадью Виктора Гюго, потом пошел к мосту, соединяющему Довиль с Трувилем.

На карте и в путеводителях Довиль и Трувиль обозначены как два разных города, но практически это один город, разделенный небольшим мостом. Шумный Трувиль с незамысловатыми кофеюшками, рыбными лотками, и Довиль, город для обеспеченной публики. Я вспомнил, кто-то мне рассказывал, что до революции в России был закон: рядом с дорогим рестораном нужно открыть трактир для простолюдинов, чтобы те не забрели, паче чаяния, в заведение, для них не предназначенное. Чем не Довиль и Трувиль!

* * *

Ресторан «Ливан» оказался типичным восточным рестораном класса выше среднего: на стенах кривые сабли, столики, покрытые малахитового цвета скатертями, полинялыми и застиранными, красные подсвечники с зелеными заплывшими свечами, бодрящая песня на арабском языке из

невидимого динамика и тяжелый запах восточных пряностей. Две пары и субъект в кожаном пиджаке, все на первый взгляд местные, заканчивали обед. Я сосчитал столики: семь – мало. Между ними оставалось достаточно свободного места, ресторан, вероятно, не ломился от посетителей, и хозяина не волновала проблема, как всех рассадить.

Из глубины зала появился здоровенный тип с огромными усами, в изумрудной ливрее с малиновыми галунами и блестящим, золотого цвета, кушаком. По замыслу хозяина, он должен был олицетворять нечто из «Тысячи и одной ночи».

На хорошем французском тип поприветствовал меня и спросил, заказывал ли господин столик. Столик господин не заказывал, но он хотел бы видеть господина Рикошета.

– Вы подождете его здесь или вас провести в комнату для друзей хозяина?

Я решил, что лучше представиться гостем хозяина.

– Я предпочел бы пройти в комнату для друзей.

Через коридор, увешанный картинами, никак к Ливану не относящимися, восточный чичероне провел меня в комнату, которая оказалась точной копией главного зала, только поменьше и с одним столом, накрытым такой же малахитовой скатертью, но поновее. Исключительность комнате придавал огромный компас на стене и кейруанский ковер на полу. Ковер был, скорее всего, действительно кейруанским: в центре на кремовом фоне – кряжистый минарет, бордовый орнамент и замысловатые фигуры цвета сливочного масла

вокруг.

Не успел я расположиться за столом, как в комнату впорхнул невысокий человечек с широкой улыбкой на круглом лице. Он был подвижен и сдобрен той упругой полнотой сорокалетних мужчин, которую скорее угадываешь, чем определяешь на глаз, и которая еще совсем недавно могла показаться хорошо развитой мускулатурой. Блестящий фиолетовый смокинг сидел на нем как влитой, и, несмотря на тщательную выбритость, отливающие синевой щеки блестели как после бархотки. Вместе с ним в комнату ворвался густой аромат французской парфюмерии, смешанный с пряным букетом средиземноморских приправ: кориандра, шабера и фенугрика.

Подскочив ко мне, человечек засиял и замер.

– Господин Рикошет? – осведомился я, не поднимая головы.

– К вашим услугам, – человечек продолжал сиять.

– Вам обо мне говорили?

Он улыбался. Его улыбка могла с одинаковой степенью точности расшифровываться как «конечно, говорили, о, какое счастье!» и «о, какое несчастье, не успели сказать!»

– Я от Базиля, – подсказал я.

– От Базиля! – всплеснул руками Рикошет. – Па-па-па! Я очень уважаю господина Базиля. Он давно у меня не был. Но я надеюсь скоро его увидеть. Он всегда хвалил нашу кухню. Вы любите ливанскую кухню? Вы русский, как и Базиль? У

меня много русских клиентов.

«Или он ничего не знает, и поэтому говорит обязательную в таких случаях ерунду, или это восточная проверка на терпение», – решил я.

А Рикошет не останавливался. Он говорил о том, как любит Советский Союз, как уважает русских, какая красивая Москва...

Начиная обалдевать от горячей лавы нескончаемых фраз, я улучил момент вставить слово:

– Вас никто не предупреждал? Вас должны были предупредить обо мне.

Рикошет снова засиял:

– О, как я был бы счастлив, если бы узнал, что вы еще не обедали!

Я неопределенно улыбнулся, теперь мою улыбку можно было истолковать и как «о да, еще не обедал» или как «увы, уже пообедал». К счастью, Рикошет тоже не утруждал себя расшифровкой улыбок. Вытащив из кармана атласный блокнотик и золотой карандаш, он по-метрботельски наклонился к мне:

– Вы доверитесь моему вкусу? Или предпочтете выбрать сами?

– Я рад быть у вас в гостях. Но... К сожалению, через час я должен быть в другом месте.

– О, господин, господин...

– Моя фамилия Достоевский. Теодор Достоевский, – под-

сказал я.

– О, понял! Господин Достоевский – очень занятый человек! Сейчас я распоряжусь.

И исчез.

«Пошел связываться», – решил я.

Рикошета не было долго, но блюда приходили быстро. И, что приятно, всего помалу. Шурпа с бараниной, кускус с турецким горохом, мешуйя в рисе с карри и типичные алжирские мергезы, маленькие, острые. Вино тоже алжирское: белое «Ля Трапп» и красное «Кюве дю Президан». «Вот тебе и Ливан, – подумал я. – Не Ливан, а алжирский Баб эль Уэд».

Улыбающийся Рикошет появился, когда я допивал турецкий кофе.

– Господин Достоевский! Вас очень хочет видеть господин Плеко.

Вполне возможно, это и есть ниточка к Вальтеру. Иначе зачем бы Типографу отправлять меня сюда.

– Приятное совпадение. Я тоже хочу видеть господина Плеко.

Рикошет продолжал улыбаться.

– Это очень хорошо, господин Достоевский. Очень хорошо. – Он набрал воздух, потом покачал головой, карикатурно выдохнул и изрек: – Вы очень занятой человек, господин Достоевский. И господин Плеко знает, что вы очень заняты.

– Я чувствую, что мы найдем общий язык с господином Плеко.

– Но господина Плеко сейчас нет в городе.

– И что вы рекомендуете?

– Немного подождать.

– Что еще просил передать господин Плеко?

– Ничего. Ничего.

Рикошет продолжал улыбаться.

Я вернул его в суровую действительность:

– Однако я хотел бы встретиться с господином Плеко как можно быстрее.

Рикошет насторожился:

– Я прикажу принести еще кофе. – И двинулся к двери.

– Стойте, стойте, – испугался я. – Я хочу встретиться с господином Плеко завтра. На худой конец, послезавтра.

С легкостью Майи Плесецкой Рикошет развернулся и снова начал сиять.

– Сегодня четверг, – вслух размышлял я. – В пятницу ваш ресторан не работает.

– Работает, работает. Я – христианин, господин Достоевский. И не соблюдаю мусульманских обычаев. У нас в Ливане много христиан. Был ли когда-нибудь в Ливане господин Достоевский?

Федор Михайлович в Ливане не был.

– Ах, что за страна, господин Достоевский! Это такая страна...

– Я буду у вас завтра, – оборвал его я.

Рикошет перестал сиять и деловито уточнил:

– В это же время?

– Да.

– Для меня будет ни с чем не сравнимым счастьем снова увидеть вас.

Я встал.

– Где я могу расплатиться?

– О, я с вас возьму очень много, господин Достоевский, – возразил Рикшет. – Дайте мне слово, господин Достоевский, что перед отъездом из Довиля вы снова придете ко мне в ресторан. Для меня это наивысшая оплата.

Я согласился. Они решили оплатить мне обед, значит, Типограф меня не обманул и начал выполнять задание.

Далее следовал обмен любезностями.

Я вышел из ресторана и отправился к себе в отель. Было уже темно. Ветер усилился и я встречал прохожих в плащах.

«Теперь спать», – подумал я, подходя к своему номеру.

Повернув ключ, я открыл дверь. И разом отпрянул.

В комнате горел свет.

Глава восьмая

ФРАНЦИЯ ПРЕКРАСНАЯ И НЕ ОЧЕНЬ

35. Ночной визит червонной двойки

Я немного постоял, соображая, входить или нет, потом осторожно, озираясь, вошел, осмотрелся. Никого. На столе – пустая бутылка воды, кровать смята, на полу фантик от конфеты... Человек, включивший свет, не счел нужным скрывать свое пребывание.

Я прислушался. Мне показалось, что в душе льется вода. Я на цыпочках подошел к ванной, приложил ухо к двери. Там действительно лилась вода.

Я поразмыслял с минуту, открывать дверь или нет. Но тут вода перестала литься. Стало тихо. Я ждал.

Наконец дверь начала медленно открываться. Я замер. Дверь открылась. Передо мной стояла совершенно голая Лида.

– Здравствуй, мой дорогой.

Она жеманно чмокнула меня в щеку и, шлепая мокрыми ступнями по ковру, чинно прошествовала к холодильнику.

– Зд... здравствуй, дорогая, – от удивления я начал заи-

каться.

Лида открыла холодильник, вынула маленькую бутылку шампанского, такую же бутылку виски, банку минеральной воды. Вылила шампанское в бокал, поставила бокал на прикроватную тумбочку. В другой бокал налила виски, минеральную воду, протянула мне. Потом вытащила из холодильника две большие конфеты в красной фольге в виде сердечка, приложила одну между грудей, другую ниже.

– Я похожа на двойку червей?

– Ты похожа на голую червонную даму.

Особой привлекательности отсутствие исподнего Лиде не придавало, хотя, оценив ее взглядом, я не мог не признать, что, переквалифицируйся она из террористки в жрицу горизонтальной профессии, с голоду не померла бы.

Двойка червей тем временем провихляла к ночному столу, небрежно отхлебнула шампанского, вытащила из тумбочки блокнот с вензелем отеля, карандаш, написала что-то, вырвала лист и передала мне. Я прочел:

«Зачем ты ходил в «Ливан»?»

«Ага, мы играем в конспирацию, – сообразил я. – Хотя, может быть, это не так уж глупо».

Лида кокетливо потрясла плечами:

– Ты явно не торопишься обнять свою крошку.

Я огрызнулся:

– Получаю удовольствие от созерцания.

И написал:

«Люблю восточную кухню».

Она тут же ответила: «О чем ты договорился с Рикомештом?»

Я ответил:

«Он обещал мне встречу с Плеко».

На этот раз, прочитав записку, Лида ответила вслух:

– Зачем?

– Мне нужна статуэтка.

И снова записка:

«Если ищешь статуэтку, то тебе нужен Вальтер».

Я ответил;

«Выведи меня на него».

Снова записка:

«Зачем тебе статуэтка?»

Я взял назад свою предыдущую записку и к словам «Выведи меня на Вальтера» дописал: «Это я расскажу ему».

Она захохотала:

– Вот ты и проболтался! Значит, ты знаешь, что это за статуэтка. Поэтому и волнуешься. И ведешь себя со мной, как бойскаут с учительницей пения. В твоём-то возрасте!

Она собрала все записки, положила в стеклянную пепельницу. Подожгла. Записки вспыхнули, а она, взяв бокал, усеялась в кресло и принялась болтать ногами:

– Люблю смотреть на огонь.

– Когда я увижу Вальтера?

– Ты читал про французскую царицу Фридегунду?

– Я – сторонник республиканского строя.

– Когда Фридегонда принимала парады, она раздевалась и приказывала раздеть солдат. Если какой-нибудь солдат не реагировал на ее тело, она тут же собственноручно лишала его мужского признака. Тебе понравилась эта история?

– Ты мне не ответила.

Она оторвала новый листок и написала:

«Вальтер сам решит, встречаться с тобой или нет. Все, что я могу сделать, это передать твою просьбу. И учти, если Вальтер узнает, что ты пытаешься связаться с Плеко, то твои начальники останутся и без статуэтки, и без тебя».

Она протянула мне бокал с моим виски:

– А теперь пора перейти к параду. Я, как видишь, готова.

– Всему свое время. Как он меня найдет?

– А как я тебя нашла?

Она снова взяла гостиничный блокнот и написала:

«Если тебя найдет Плеко, то советую не упоминать имени Вальтера. В целях личной безопасности».

Она встала и подошла к мне так близко, что ее маленькие груди уткнулись в мою рубашку:

– Правда, я похожа на Барби?

Она действительно была похожа на Барби: худая, с длинными белыми волосами.

– Больно уж ты худа! – я вспомнил, как она в прошлый раз с аппетитом ела сэндвич. – Есть хочешь?

Лида испугалась:

– Что ты! Я никогда не ем в это время. Это вредно. Можно потолстеть.

– Тебе это вряд ли угрожает.

– Могу потерять гибкость.

Лида снова собрала все записки, снова сожгла, потом вырвала новый листок и написала большими буквами:

«Всё».

Я понял, что деловая часть встречи подходит к концу. Она расстегнула мне рубашку и изогнулась, откинув голову и плечи.

– Ты похожа на вопросительный знак.

– Жалко, ты не похож на восклицательный. Ты в прошлый раз сказал, что я в сортир с револьвером хожу. Не боишься меня?

– А ты злопамятная!

Дальнейшее произошло очень быстро. Прямо перед моим лицом оказался огромный пистолет.

Лида взвела курок. А я замер: голый, с распростертыми руками.

– Постарайся не двигаться, – она ткнула пистолет дулом мне под нос. – Теперь ты будешь делать то, что я тебе прикажу.

– И что ты прикажешь?

«Возьмет и в таком виде поведет по коридору, – думал я. – И сама такая же сзади с пистолетом. Вот будет дело! Хотя... только бы палить не начала».

– Сейчас я буду учить тебя правилам хорошего поведения.
Ложись.

Я лег на бок.

– На спину.

Я лег на спину.

Не садистка ли она, случаем? Зачем она мне про эту царьцу рассказывала?

– А теперь назови имя человека, о котором ты спрашивал.
И назови громко.

Ну, это – шутка для маленьких.

– Лида. Меня интересуешь только ты.

– Верно. Ты не глупый. Не скажешь. Пока не скажешь.

Она левой рукой взяла с тумбочки спички, повертела ими около моего носа.

– Не боишься?

– Нет.

– Почему?

– Потому что знаю, что ты умная и глупостей делать не будешь.

– Точно.

Она положила спички на тумбочку и принялась рассматривать меня с головы до ног.

– Сколько тебе лет?

– Много.

– А ты не толстый.

Она провела дулом по груди, животу, ниже...

– Тебе не надо есть по вечерам.

– Не надо.

– Ты занимаешься гимнастикой?

– Иногда.

– Надо чаще.

– Нет времени.

– А Достоевского ты любишь?

– Люблю.

– А я тебе нравлюсь?

– Да.

– Тогда скажи: «Дорогая и любимая Барби»...

Ну, это уже легче.

– Дорогая и любимая Барби...

– «Я не сразу тебя оценил, в чем и раскаиваюсь».

«Что правда, то правда», – подумал я и повторил:

– Я не сразу тебя оценил, в чем и раскаиваюсь...

Лишь бы убрала пушку.

Лида села рядом:

– Подними правую руку.

Я поднял.

– Теперь левую.

Я поднял левую.

Она снова провела дулом по груди, животу и ниже.

– На, – она протянула мне пистолет. – Если что случится, ты с ним лучше справишься, чем я. И опусти руки.

Я опустил руки, осторожно взял пистолет.

– Если появится Плеко, стреляй не раздумывая, чтоб не опередил.

– А он может появиться?

– Я удивлюсь, если не появится. Ты хорошо стреляешь?

– Да.

В последний раз я стрелял из пистолета лет десять назад на курсах переподготовки.

Тем временем Лида снова принялась кокетничать:

– Ты не хочешь обнять свою Барби.

– Хороша Барби! Со спичками для пыток.

– Какая есть.

– А гранаты у тебя, случаем, нет?

– Не взяла.

Нешуточное это дело, любовь с террористками.

36. Погоня

Когда я проснулся, Лиды уже не было. Часы показывали без десяти десять. Я поспешил вниз.

После завтрака я поднялся в номер и позвонил Типографу. Никто не ответил.

Я снова спустился и зашагал вдоль пляжа. Гулял долго, почти полтора часа. Пообедал в ресторанчике на набережной, потом вернулся в номер и снова позвонил Типографу. Снова никто не снял трубку. Это мне не понравилось.

Через час позвонил снова. Никого. Тогда я набрал номер

Кики. Юная художница ответила сразу:

– Салон Дюме.

– Здравствуй, Кики. Это отель «Баррьер». Базиль сегодня у вас не появлялся?

– Нет. Но я знаю, где его можно найти.

Что бы я без нее делал!

– Сегодня в семь презентация картин Лешама, и он будет в галерее Боню.

– Ты сможешь за мной заехать?

– Увы, нет. Доберитесь сами. Но назад отвезу.

И на том спасибо.

Через час я еще раз позвонил Типографу и снова безрезультатно.

В шесть я спустился в холл, вышел из гостиницы и направился в сторону центральной площади. На углу около рынка я разбудил мирно спавшего в серой «Мегане» таксиста и попросил отвезти меня в Онфлер. Упоминание о поездке длинной, а, следовательно, хорошо оплачиваемой, мигом привело его в абсолютно бодрое состояние.

Машин на улицах было мало, типичное неторопливое движение провинциального города. Привычным взглядом я посматривал, кто едет сзади, сбоку. В какой-то момент мне показалось, будто маленький серый «Остин» все время едет за нами. Мы въехали в Трувиль, и на узких улицах центра города таксист сбросил скорость. «Остин» тоже замедлил и теперь ехал за нами бампер в бампер. Потом мы вырулили на

шоссе, «Остин» по-прежнему тянулся за нами почти вплотную, явно показывая, что не хочет нас упускать. Таксист это заметил и взглянул на меня, как бы спрашивая, что делать. Я изобразил человека, который ничего не понимает.

Вдруг «Остин» обогнал нас и резко затормозил перед самым бампером. Таксист ударил по тормозам, такси остановилось.

Человек, сидевший за рулем «Остина», резко, почти прыжком выскочил из машины, осмотрелся, открыл дверь рядом с мною:

- Вы хотели со мной говорить?
- Кто вы такой?
- Меня зовут Вальтер.
- Да, я действительно хотел с вами встретиться.
- Садитесь ко мне в машину.

Расплатившись с таксистом, не выразившим ни малейшего сожаления при расставании со столь опасным пассажиром, я сел в «Остин».

Вальтеру было на вид лет тридцать-тридцать пять. Невзрачная темная куртка, такой же темный картуз. «Удивительно неприметная личность, – подумал я. – Закроешь глаза и не вспомнишь».

- Вы хотели со мной встретиться? Зачем?
- Мне нужна статуэтка, которую привезли из Африки.
- Лида сказала, что вы из КГБ.
- Какая разница...

– Вы хотите купить статуэтку?

– Да.

– И сколько денег вам выделило начальство для покупки?

– Велено торговаться.

– Начинайте.

Он замолчал. Потом в центре пустынной улицы как профессиональный гонщик раскрутил машину на 180 градусов и поехал обратно.

– Начинайте, начинайте.

– Сначала я хочу узнать вашу политическую ориентацию.

– Зачем? – удивился он.

– Если вы правый, один разговор. Вы будете требовать много. Если левый...

– То по-божески, – весело подсказал Вальтер. – А если я ультра левый? Тогда бесплатно?

Он неожиданно закашлялся. Кашлял долго. Я ждал. Лицо его стало красным.

– Откуда вы узнали, что статуэтка у нас?

– Рассказала Лида.

– Она рассказала только про нее?

– Да.

– Не верю. Впрочем, это не важно. Вы хотите только статуэтку?

– Пока Лида мне не сказала, что внутри статуэтки алмаз, я про него не знал. И, естественно, хотел статуэтку со всем содержимым. Но теперь, когда я в курсе, что внутри алмаз,

я понял, что его вы мне не вернете.

– Она вам сказала, что внутри алмаз?

Он снова закашлялся. Я пытался понять, куда мы заехали: на какую-то минуту я отвлекся и сейчас не мог сориентироваться. Мелькали улицы и уже освещенные витрины магазинов, Довиль или Трувиль, не разобрать... Скорее всего, еще Трувиль, вроде бы на мост мы не въезжали. Вальтер прокомментировал мои взгляды вперед и назад:

– Да нет, хвоста вроде бы нет.

– Вроде бы нет, – согласился я.

– Значит, она сказала, что внутри алмаз?

– Да.

– Знаете, почему я с вами встретился?

– Нет.

– Лида попросила. Она сказала, что вы странный и вас надо расколоть.

– А вы по этому делу специалист?

– Обычно у меня получается.

Ну, Червонная двойка, уважила! Отправила прямехонько в лапы к заплечных дел мастеру.

– Ну, а статуэтка, зачем она вам?

Если бы я знал!

И в это время раздались выстрелы.

Собственно говоря, их я не услышал. Только звон разбитых задних стекол.

– Нагнитесь! – заорал Вальтер.

Я пригнулся. Машина рванула вперед. Следующая очередь прошла по правому боку. Стреляли из автомата. «Остин» отбросило в сторону. Вальтер выправил машину, потом, не тормозя, повернул направо и нырнул в переулок. Через пару минут снова вырулил на широкую улицу. Повернулся к мне:

– Не царапнуло?

– Нет.

– Можете подниматься. Они проехали.

– Кто это?

– Либо за мной, либо за вами. А я хвоста не привел. Не так?

– И я тоже.

– И вы тоже, – согласился Вальтер.

– Из какой машины стреляли?

– Из «Мерседеса». Синего «Мерседеса».

– Что это за люди? Знаете?

– Догадываюсь. Люди Плеко. Слышали про такого?

– Нет, не слышал.

– А странно. Фамилия русская.

– Русская? – я даже удивился. – Нет, не русская.

– Ну, похожа на какую-то русскую. Он когда-то у вас учился. У него кличка от вашего философа. Плеко. Не так?

Не иначе как Плеханов.

– Вниз! – снова закричал Вальтер.

Теперь я увидел человека с коротким автоматом. Тот сто-

ял на углу. На нем был длинный плащ. Он шел навстречу. Вальтер рванул машину налево, потом резко направо прямо на человека с автоматом. Тот отскочил в сторону. «Остин» влетел на тротуар, стукнулся о фонарь, срикошетил на мостовую. Автоматная очередь прошла багажник. Вальтер нажал на акселератор, машину рвануло вперед. Ушли.

«Скаты вроде бы целы», – подумал я.

– У вас есть оружие? – Вальтер толкнул меня в бок.

– Нет.

– Возьмите в бардачке.

Я открыл бардачок. Там лежал «Макаров». Я немного засомневался, потом взял и положил на колени. Если еще будет отмашка, сгодится.

– Так это Плеко?

– Да.

– И что он хочет?

– Отправить мою машину на металлолом. А заодно шлепнуть кого-то из нас. Скорее всего, меня. А вы уж так, за компанию. Хотите выйти из машины? Но учтите: статуэтка у меня на заднем сиденье. Если вы уйдете, то никогда ее не увидите.

Статуэтка в этот момент меня интересовала значительно меньше, чем час назад. Но я понимал: если выйду из машины, меня моментально отловят люди Плеко. А это похуже, чем пуля.

– Что хочет этот Плеко?

– То же, что и вы. Статуэтку.

– Она ему так нравится?

– Перестаньте говорить глупости. Вы отлично знаете, что там внутри. Только не говорите, что алмаз.

Не алмаз... А что?!

На «Остин» надвигался синий «Мерседес». Вальтер резко свернул налево и оказался на маленькой узкой улочке. «Мерседес» проскочил мимо. Снова ушли.

Вальтер гнал машину по переулкам делового квартала, теперь уже наверняка Трувиля, ловко поворачивая с одного переулка на другой, при поворотах заскакивая на тротуар. Народу на улицах почти не было.

– Черт!

Впереди большая дорожная машина преграждала путь.

Вальтер резко повернул налево и врезался в витрину магазина. Посыпалось стекло, загудела сирена.

Вальтер выскочил из машины, прихватив с заднего сиденья сверток, и через разбитую витрину нырнул в магазин. Я за ним. Я понял его маневр. Нападавшие должны испугаться sireны: через пять-десять минут приедут полицейские.

– Как услышим полицейскую машину, надо быстро уходить! – крикнул он.

Я пробежал в глубь магазина и залег за прилавком.

Магазинная сирена продолжала гудеть. Я огляделся. Магазин, куда мы влетели, оказался лавкой ювелира. Вокруг отблескивали кольца, браслеты, ожерелья. Светящаяся рекла-

ма магазина напротив отражалась от зеркал, развешанных по стенам, и разноцветные огоньки освещали полки. В разбитой витрине торчал бампер «Остина».

«Завтра у хозяина выдастся нескучный день», – подумал я.

– Вы здесь? – окликнул меня Вальтер.

– Да.

– Пока пронесло.

– Пронесло.

– Знаете, что я подумал... Мы с вами больше не увидимся. Статуэтку я захватил с собой. Я ее вам отдам. Но потом, не сейчас.

– А когда?

– Возьмете ее завтра у Базиля. Но только статуэтку. То, что внутри – наше.

В этот момент в проеме окна появилась фигура в плаще с автоматом. Я пригнулся. Длинная очередь прошла по полкам слева направо. Потом другая, сверху вниз. Битое стекло фонтаном рассыпалось по сторонам. Я прижался к прилавку.

«Если я не вижу автомата, значит, я не в поле поражения», – подумал я.

Где-то вдаль послышался гул полицейской сирены. Еще одна очередь. И снова фонтан битого стекла.

Главное теперь – успеть выскочить до полиции.

Сирена полицейской машины завывала совсем близко, справа, откуда мы приехали.

Пора уходить.

Я приподнялся. В проеме окна никого не было видно.

– Эй! – окликнул я Вальтера.

Тот не отвечал.

Я поднялся и увидел его. Он лежал на животе, упершись в прилавок головой, широко расставив руки.

– Пошли.

Он не двигался. Я нагнулся. Вокруг валялись кольца, часы, стекляшки. Я повернул его на спину и увидел лицо, безжизненное, в крови. Рядом валялся сверток, который он вытащил из машины.

Нужно уходить, Вальтеру я уже не помогу. Прямое попадание в голову.

Где-то совсем рядом заскрипели тормоза. Я схватил сверток и, проскользнув через отверстие в витрине, выскочил на улицу. В какую сторону бежать? Слева дорожная машина загородила путь, оттуда полицейские приехать не могут, бежать надо туда. И я побежал, прижимаясь к домам.

На мое счастье, сразу же налево начинался переулок, я прочел название: «Улица дождя». Улица – хорошо, главное, чтобы не тупик. Налево. Потом сразу направо. Узкие безлюдные улочки, тротуар в выбоинах, окурки, оберточная бумага, на одном пакете я чуть не споткнулся.

Я больше не слышал сирены полицейской машины – либо ювелирный магазин остался уже далеко, либо они ее выключили. Я продолжал бежать, хотя уже не так быстро. По-

том остановился и осмотрелся. Косматый мужчина спал на тротуаре, растянув ноги до проезжей части. Из бара вышла неопределенных лет женщина и засемила в противоположную сторону. Меня так и подмывало посмотреть, что в свертке. Но я понимал, останавливаться и открывать — не время.

Свернув еще раз налево, я оказался на каком-то бульваре и сразу попал в толпу, выходящую из кинотеатра. Люди обменивались впечатлениями, галдели, торопились к машинам. Я перешел на шаг торопящегося домой пешехода. Теперь самое время сообразить, в каком я городе.

В голове все еще гудела сирена, слышались выстрелы. Я старался идти медленнее, но без конца обгонял обнимающиеся парочки. Наконец я вышел на площадь и тотчас узнал памятник у набережной. Флобер. Это Трувиль.

Я сел на скамейку. Теперь можно отдышаться и посмотреть, что в свертке.

Там действительно оказалась статуэтка.

37. Гоголь на родине Флобера

Я вертел статуэтку в руках и размышлял, что делать дальше. Как бы мне ни хотелось ее рассмотреть, как бы ни хотелось узнать, что там внутри, я понимал: сидеть на скамейке под фонарем не так далеко от ювелирного магазина небезопасно. Да и надежд на то, что внутри остался злополучный

алмаз, было мало. Возвращаться в гостиницу в Довиле нельзя. Лида говорила вчера, что Плеко может появиться в моем номере в любое время. Да и идти туда далеко. Надо уезжать. Я посмотрел на часы. Половина десятого. Сегодня уже не удастся. Придется искать гостиницу в Трувиле. Переночую – и утром на поезд в Париж. Оттуда в Женеву.

В Трувиле тоже есть гостиница «Баррьер». Это рядом. На этой же площади, напротив памятника автору «Мадам Бовари». Конечно, это не роскошный «Баррьер» в Довиле, но все-таки «Баррьер». Я спрятал статуэтку в сверток и направился в гостиницу.

– Номер на одну ночь.

– Тысяча триста франков.

Я начал заполнять регистрационный талон.

Зоркий глаз клерка определил отсутствие у меня багажа, но служащий продолжал невозмутимо стучать на клавиатуре компьютера. Я решил его упредить.

– Мой багаж в «Баррьере» в Довиле. Могу я попросить завтра доставить его сюда?

– Конечно, месье. Ваш номер четыреста десять.

Через пару минут я входил в номер.

Такой же, как в Довиле, только поменьше, но тоже с видом на море.

Я сразу сел на диван. Теперь можно заняться Гоголем.

Статуэтка из светло-серого дерева, наверное, ценного, высотой в пятнадцать-двадцать сантиметров. Фигура по пояс.

Тоголь – не один к одному, но похоже: нос, прическа под ранних Битлов.

Найти тайник оказалось нетрудно, надо просто отвинтить голову.

Я поднял голову и увидел...

Нет, никакой не алмаз! Никакой не алмаз, а три пакета с белым порошком. Вот тебе и «Вечера на хуторе близ Диканьки»! Героин.

Конечно, героин. Нужен им необработанный алмаз! Червонная двойка водила меня за нос. Теперь все понятно: Пичугин провез им героин, а они оплатили ему дорогу.

Три пакета, общим весом с полкило. Если это чистый героин, то цена пакетам триста-четыре тысячи франков.

Ну, а мне что с ними делать? Первое интуитивное желание – выкинуть. Нет, нельзя. Если вдруг меня найдут люди Плеко – а этого нельзя исключать – они не поверят, что я уничтожил груз ценой с полмиллиона франков, и начнут меня с пристрастием допрашивать. Но и оставлять при себе тоже нельзя. Не хватало еще попасться с наркотой! Надо немедленно кому-то сплавить. Немедленно! Кандидатура одна – Типограф. Надо срочно ехать к нему. Отдать порошки, конфисковать у него машину и на ней в Женеву. Как добраться в Онфлер? Конечно, Кики. К счастью, записка с номером ее телефона оказалась в кармане.

К аппарату подошла Высокая табуретка.

– Мне нужна Кики. Извините, что звоню так поздно. Она

еще не спит?

– Для нее это как раз время решать, где спать.

– Мне она нужна на несколько часов.

– Узнав это, она будет о вас хорошего мнения. Где вы?

– В Трувиле.

– Это лучше, чем в Катманду. Вы остановились, конечно, в «Баррьере»?

– Я не меняю привычек.

– Если вы можете поддерживать привычку останавливаться в таких гостиницах, у вас есть право на подобные привычки. Ждите ее в холле. Она будет через час. И не убивайтесь, если не вернете ее к утру.

Я спустился на ресепшн.

– Я собираюсь уехать завтра очень рано. Могу я сейчас заплатить за номер?

– Конечно, месье.

– А одновременно расплатиться за гостиницу в Довиле?

– Если это гостиница нашей группы.

– Это «Баррьер».

– Конечно, месье.

– У меня еще просьба. Не могли бы вы переслать мои личные вещи, оставшиеся в гостинице в Довиле, по адресу, который я укажу?

– Это во Франции?

– Да. И всего один портфель.

– Все будет сделано, месье.

– Я должен за это уплатить?

– Нет, месье. Ваш адрес?

Когда-то в Ницце на почте я случайно подсмотрел адрес у стоящей передо мной в очереди дамы и потом, когда мне нужно было избавляться от личных вещей, отправлял их по этому адресу.

– Сто двадцать три, улица Маршала Фоша, Ним.

Представляю реакцию хозяина, когда он в очередной раз получит зубную щетку, лосьон и пару грязных рубашек.

– Все будет сделано. Спокойной ночи, месье.

Я еще раз внимательно осмотрел статуэтку. На тыльной части заметил вырезанные цифры. Всего двенадцать. 261000 240491. Между шестой и седьмой цифрой небольшой промежуток. Я переписал цифры в записную книжку.

Теперь можно спуститься в бар. По дороге я заскочил в туалет, где сделал полезное открытие. Вторая дверь из туалета оказалась незапертой. Я отворил ее и вошел в маленький коридор, кончающийся открытым окном во двор. При случае можно смыться через окно, и портье не заметит.

В баре я сел в кожаное кресло в самом углу и принялся ждать Кики. Подошел бармен.

– Дубль Риккар.

– С Перрье или Бодуа?

– С Эвианом.

– Хорошо, месье.

Бармен улыбнулся. На севере всегда улыбаются, когда за-

казываешь Риккар. Для севера Франции Риккар настолько связан с Марселем и героями анекдотов из Марселя, что всякого, кто заказывает Риккар, принимают за марсельца и улыбаются, как улыбаются в Перми, встретив одессита.

Я привык к Риккару во время командировки в Алжир. Мы заказывали минеральную воду со льдом и добавляли туда Риккар. В африканскую жару этот напиток казался нектаром. Посольский доктор объяснил мне, что это – сочетание приятного с полезным: в жару пьешь ледяную воду, а чтобы не застудить горло, заодно анисовую настойку, которая, как известно, лекарство от всяких ларингитов. Как нашатырно-анисовые капли или как в моем далеком детстве «капли датского короля».

Однажды в Ницце у меня заболело горло. Я попросил принести теплого молока, а потом забыл про молоко и по привычке заказал двойной Риккар. Мне принесли Риккар, но вместо положенной воды со льдом – теплое молоко. Я решил все выпить. Гадость была ужасная, но горло болеть перестало.

Через пару лет я с друзьями снова оказался в том же баре. – Вам как обычно? – спросил бармен.

– Да, – ответил я.

И он, обладавший замечательной профессиональной памятью, принес мне Риккар с теплым молоком.

– Ты будешь пить это? – изумились друзья.

– Да, – ответил я и выпил.

Сейчас я сидел и улыбался, вспоминая эту историю.

Бармен принес Риккар.

– Не притворяйся, что меня не замечаешь, – произнес кто-то рядом.

Я повернул голову. В соседнем кресле сидела Лида.

38. Обмен

С минуту мы молча смотрели друг на друга. Мне показалось, что за несколько часов она изменилась. Передо мной была усталая немолодая женщина в строгом сером костюме с маленьким кожаным бантиком.

– Здравствуй, Червонная двойка.

– Я пришла предложить тебе обмен. Ты мне отдаешь три пакета, а я тебе взамен... За первый пакет – статуэтку.

– Она и так у меня.

– Но теперь она будет твоей.

– Договорились. Что за второй пакет?

– За второй? Это.

Она вынула из сумочки пистолет, осторожно держа за дуло салфеткой.

– Ты забыл его в машине Вальтера. На нем твои пальцы. Как ты думаешь, полиция знает твои пальцы?

Это был бы большой подарок местной секьюрити!

– А я думала, ты профессионал. Ладно, бери, если он тебе нужен.

Я взял пистолет салфеткой и, держа на коленях, аккуратно вытер. Пока я вытирал, Лида молчала. Я вернул пистолет.

– Мне он ни к чему.

– Ладно, – Лида спрятала пистолет в сумку.

– Ну, а что за третий пакет?

– За третий? Жизнь. Они решили тебя убрать, а я их переубедила. Сказала: он глупый, неопытный, размазня. Ведь это верно, разве не так?

Что возразишь! Лида продолжала:

– А единственная положительная черта, которую я у тебя заметила... Этим я не стала делиться. Так что давай пакеты.

Я открыл сумку, развинтил голову Гоголя, вынул три пакета. Лида положила их к себе в сумку.

– Как вас нашел Пичугин? – спросил я.

Я чувствовал, что она сейчас уйдет, и я уже никогда не узнаю, зачем Пичугину нужна была статуэтка.

– Как нас нашел Пичугин? – повторила мой вопрос Лида. – Он ведь из вашего Центрального Комитета. А у нас есть Плеко, когда-то он был в компартии. Впрочем, как и мы все. Этот Плеко раньше был знаком с Пичугиным. Они случайно встретились в Виндхук. Мы там добывали лекарство. Пичугин приезжал туда, чтобы встретиться с каким-то немцем.

– Немцем?

– Да, немцем. Тот живет в Виндхук.

– Зачем?

– Тот передал Пичугину какие-то записки.

– Какие?

– Я не знаю. Там же Пичугин заказал статуэтку Гоголя. С тайником, куда он спрятал записки.

– Статуэтка нужна была только как тайник?

– Нет. Он сказал, что статуэтка предназначалась вашему дипломату в Женеве, тот должен был подарить ее какому-то американскому журналисту, любителю Гоголя.

– Записки тоже для американца?

– Я не в курсе.

– Они представляют ценность?

– Не знаю.

– Давай все по порядку. Пичугин достал какие-то записки и заказал статуэтку Гоголя с тайником. Эту статуэтку должен был получить наш дипломат и подарить американскому журналисту. Так?

– Похоже, что так.

– Значит, или Гоголь, или записки представляют какую-то ценность. Поэтому он не оставил статуэтку в посольстве, а взял во Францию.

– Нет. Он не хотел с ней связываться и собирался оставить ее в Конго, – прервала меня Лида. – Но мы его отговорили. Мы хотели воспользоваться ею для перевозки порошков.

– Но у него была дипломатическая неприкосновенность.

– Его в Париже встречали. Он не хотел, чтобы они узнали про наркотики...

– Кто встречал?

– Извини. Это уже политика, здесь я молчу.

– Ладно. Когда вы получили порошки?

– После таможенного контроля.

– Вместе с Гоголем?

– Да.

– И записки он вам тоже вернул?

– Они лежали в той же сумке, что и статуэтка. Он сказал, что это записки старого маразматика, которые никому не нужны.

– Где они сейчас?

– У Базиля. Я пыталась их прочесть, но по-немецки... Поэтому отдала Базилю.

Опять Типограф!

– А он читает по-немецки?

– Да. Он начал читать и сказал, что ерунда. Все-таки жалко, что мы с тобой в разных лагерях. Завтра ты уедешь?

– Да.

– Тебе нужна помощь?

– Нет.

– Подумай.

Я покачал головой.

– Тогда пойди рассчитайся с барменом.

Я все понял. Поднялся, подошел к бару, расплатился. Когда вернулся, Лиды уже не было.

39. Машина подана

Чертовщина какая-то. Пичугин знал, что перевозом статуэтки и записок в Женеву из Бразавиля занимается аппарат ЦК, то есть они представляют какой-то интерес. Но он их спокойно отдает, не пытаясь как-либо использовать. Что должно было произойти, если бы я привез статуэтку в Женеву? Я был обязан положить ее в банк. И не просто в банк, а в банк с сомнительной репутацией. Лиде Пичугин сказал, что весь груз предназначен для какого-то нашего дипломата в Женеве. Странно, но допустим. Когда Москва узнала, что статуэтка исчезла, мне приказали не жалеть денег и найти ее. Про записки ни слова. Значит ли это, что статуэтка – главное, а записки – просто наполнитель? Или они уверены, что бумаги по-прежнему внутри? Уж больно всё не складывается. Если статуэтка предназначается нашему дипломату, почему я должен был положить ее в банк? Скорее всего, из банка ее взял бы кто-то другой. Американский журналист? Маловероятно. Из русских писателей американцы знают только Достоевского, наиболее образованные еще Толстого. Но не Гоголя! Что-то не так. И записки... Что там в них? Типограф сказал, что ерунда. Когда я у него был, он мне ничего о них не говорил. Это понятно. Но теперь расскажет. И отдаст записки.

– Машина подана, месье «как вас там».

Передо мной стояла улыбающаяся Кики.

– Ты быстро.

– Куда прикажете доставить?

– Сначала к Базилю, потом к тебе домой.

– А может быть, по-другому? Сначала ко мне домой и никогда к Базилю?

Откровенно говоря, я тоже предпочел бы этот вариант. После сегодняшнего дня хотелось мирной и спокойной ночи. Но надо было закончить дело.

– И все-таки начнем с Базиля. Где твой «Мерседес»?

– У бара на площади.

– Пошли.

Я повел ее в сторону мужского туалета и галантно предложил зайти внутрь.

– Неожиданно и любопытно, – прокомментировала юная художница.

Я подвел ее к открытому окну.

– Сюда.

– Теперь поняла.

Мы выскочили на улицу, пересекли площадь и забрались в кикину антилопу.

Отъехав пару километров, Кики завернула на узкую улицу и подрулила к магазину со светящейся рекламой «Кондитерская».

– Надо купить что-нибудь к кофе.

Она выключила зажигание. Вокруг никого не было. Она

придвинулась о мне:

– Здесь тихо.

И поцеловала меня в щеку:

– Ты похож на Кэри Гранта. Молодого.

– А ты похожа на себя саму, и это совсем неплохо.

Я обнял ее и правой рукой осторожно расстегнул две верхних пуговицы платья. Она не сопротивлялась. Убедившись, что бюстгальтером молодое дарование себя не обременяет, я нырнул ладонью внутрь, но на этот раз она среагировала, выудила мою руку и уложила на приборную доску.

– Потом.

«До чего у нее сильные руки», – подумал я и с удовлетворением заметил, что застегивать пуговицы она не стала.

– Ты сильная, с тобой не справишься!

– Я была чемпионкой по плаванию, в трех видах. Еще есть вопросы?

– Почему твою тетю зовут Высокой табуреткой?

– У нас в городе живет Франсуаза Саган. И к ней ездит в гости наш президент, Миттеран. А он большой специалист по дамской части. Ну, и мою тетю не обошел. Так она всем теперь рассказывает, что он ее... на высокой табуретке.

В это время дверь магазина открылась, оттуда вышли две дамы. Кики отодвинулась:

– Посиди здесь. Я быстро.

Вернулась она действительно быстро. В руках у нее была коробка.

- В этой кондитерской очень хорошие пирожные. Ты по-прежнему хочешь к Базилю?
- Сначала к Базилю.

40. Полковник на крыше

В доме, где располагался офис Типографа, на втором этаже слева горел свет. Я прикинул: в доме два подъезда, позавчера я входил в дальний. Свет горит именно у Типографа.

– Заезжай во двор. Останови здесь.

– Ты надолго?

– Пять минут, не больше.

Я вышел из машины, обогнул дом. Свет действительно горел в том окне, где должен быть офис Типографа.

Я вошел в подъезд, поднялся на второй этаж, хотел постучать, но по обитой искусственной кожей двери стучать бесполезно. Я толкнул ее. Она открылась.

Типограф сидел в кресле спиной к двери. Руки его были привязаны к подлокотникам тонкой белой веревкой.

– Эй!

Типограф не двигался. Голова его была опущена.

Я подошел ближе: закрытые глаза, бледное восковое лицо, ноги тоже привязаны к стулу, на обнаженных до локтей руках – запекшаяся кровь, ожоги. Перед смертью его пытали. На всякий случай я попробовал прощупать пульс – мертвое безжизненное запястье.

Ярко светила люстра, визитные карточки были по-прежнему аккуратно разложены на овальном столике, на полках порядок. Я подошел к стенному шкафу, вынул из кармана платок и, касаясь ручек платком, открыл несколько ящиков – бумаги, счета. Потом поискал глазами сейф. Нашел не сразу, за письменным столом, почти на уровне пола. Дверца сейфа оказалась открытой. Заглянул внутрь: пусто.

Я прошелся по комнате. На круглом столе в углу – кипа бумаг. И я сразу заметил рукопись. Десять-двенадцать страниц, исписанных аккуратным мелким почерком. По-немецки. Скорее всего, это то, что я ищу.

И в этот момент я услышал скрип тормозов. Внизу, рядом. Я подбежал к окну. Две полицейские машины остановились около подъезда. Похоже, я в ловушке.

Я сунул рукопись в карман и выскочил из комнаты, прислушался. Внизу закрипела дверь, там уже полицейские.

Стараясь не шуметь, я начал осторожно подниматься на третий этаж. Свет от уличного фонаря проникал через треугольные окошки в пролетах лестницы, и я мог легко ориентироваться. Обе двери на третьем этаже, солидные, с металлическими табличками, как и можно было предположить, оказались запертыми. Я осмотрелся и увидел узкую лесенку типа пожарной, ведущую вверх, не достающую до пола. Я подпрыгнул, подтянулся, поднялся по ступеням и уперся головой в люк.

«Выход на крышу», – решил я.

Действительно это был выход на крышу.

На мое счастье, она оказалась плоской. Я прошел ее с одного конца до другого. Два люка. Один, через который я влез, другой, скорее всего, во второй подъезд.

«Воспользоваться другим подъездом нельзя, – сообразил я. – Выйду прямо на полицейских».

Я пытался найти пожарную лестницу. Опять обошел крышу и обнаружил лестницу на стороне, обращенной к пустырю. Она начиналась метра на два ниже карниза: нужно повиснуть на руках и попытаться попасть на узенькую ступеньку ногой. Я лег на крышу, посмотрел вниз. Был бы моложе – и то не рискнул. Альпинист я никудышный.

Я посмотрел вниз: со стороны двора – одиноко стоящая кикина машина с потушенными огнями, с другой стороны – мигалки полицейских автомашин.

Дальше на крыше оставаться рискованно. Полицейские обязательно начнут обследовать дом – если уже не начали – и могут появиться здесь с минуты на минуту. Если они меня найдут, то объяснить, как находящийся в стране проездом советский дипломат оказался на крыше, будет очень трудно. Выход один: попытаться спрятаться в другом подъезде. Не ахти какой вариант, они пойдут и туда, но все-таки выигрывает время.

Я открыл люк и по такой же лестнице, как в подъезде, откуда я пришел, спустился на площадку третьего этажа. Проверил, можно ли запереть люк так, чтобы его не открыли с

крыши. Нет, невозможно. Я осмотрел двери третьего этажа. Заперты. Спустился на второй. Две двери и обе заперты.

Оставалось спуститься ниже. На первом этаже тоже две двери: одна на улицу – туда нельзя, но другая, к моему удивлению, оказалась открытой. Я проник в темный коридор. Свет зажигать не стал и на ощупь пошел вдоль коридора, пытаясь открывать двери. Первая же распахнулась, и я попал в комнату, освещаемую с улицы светом фонарей и мигалками полицейских машин.

Это было, скорее всего, кафе для работающих в этом здании. Столики, стулья, прилавки, на нем кофеварка, сахарница, поднос с бумажными стаканчиками и пластиковыми ложками. Сзади прилавка дверь, там, наверное, комната, где хранятся продукты. Я подергал дверь: заперто.

Я вернулся в коридор и в этот момент услышал шаги. Кто-то спускался...

Я бегом вернулся в кафе: если забаррикадировать дверь столами, они не смогут ее открыть и подумают, что она закрыта изнутри.

Схватив первый попавшийся стол, я потащил его к двери. В этот момент дверь начала медленно открываться. Я замер.

На пороге стояла Кики:

– Быстрее.

Я застыл со столом в руках.

– Да быстрее же!

Я никак не мог прийти в себя, она схватила меня за руку:

– Поставь стол.

Я поставил его на пол.

– Идем. Только тихо.

Она была босиком и ступала совершенно бесшумно. Я за-
семенял следом.

Мы выскочили в коридор, поднялись на второй этаж. Одна из дверей на этаже теперь была открыта и держалась на туфлях Кики. Она вытащила туфли из дверного проема, дверь, закрывавшаяся изнутри английским замком, захлопнулась.

Теперь можно отдышаться. Сюда полицейские не попадут.

– Быстрее, быстрее, – торопила Кики.

Маленький коридор, несколько дверей и два туалета. Кики потянула в мужской. Я безропотно подчинился. Окна в туалете открыты. Я подошел к подоконнику и увидел внизу, совсем рядом, крышу кикиной машины. Вылезти – никакого труда. Я собирался встать на подоконник, но Кики остановила:

– Подожди.

И одним движением, держа туфли в руках, ловко выпрыгнула из окна. Я даже не услышал стука ног о крышу машины. Теперь моя очередь. Я опустил ноги и осторожно коснулся крыши. Кики уже спрыгнула на асфальт:

– Давай руку.

Наконец я в машине. Первым делом проверил: автор «Ре-

визора» мирно покоем на заднем сиденье. Мотор завелся быстро.

– Тихо работает, – с удовольствием отметил я.

Через пять минут мы были на шоссе.

* * *

– Я видела, как ты разгуливаешь по крыше, – захлебываясь от радости, рассказывала Кики. – Ну, думаю, попал он в переплет!

– А полицейских ты видела?

– Еще бы! Как заметила мигалки, сразу выключила свет в машине.

– Почему?

– На всякий случай. Не люблю я их.

– И дальше?

– Думаю, как помочь. И вижу открытое окно на втором этаже, невысоко. Тихонько подгоняю машину. Подтягиваюсь. Оказываюсь в туалете. Потом – в коридор, сунула туфли в дверь, чтобы не закрылась, и на крышу. Тебя нет. Значит, ты внизу, в какой-нибудь комнате. И я – вниз...

– Ты сильная, – я гладил ее по плечам, ногам. – Как ты смогла подтянуться? Там высоко.

– Я тебе говорила, что была чемпионкой по плаванию. В трех видах.

Теперь наступила моя очередь рассказывать. Я решил не

усложнять:

– Я увидел свет в окне, ну, думаю, Базиль еще в бюро. Поднимаюсь, стучу. Никого. Собирался спускаться, вдруг слышу – внизу полицейские. Зачем, думаю, мне встречаться с ними...

Кики понимающе кивала головой.

– Остальное ты знаешь. Базиля я так и не нашел.

Я обнял ее, пытался поцеловать.

– Не надо. Ты грязный. И я тоже. Приедем ко мне, первым делом – в джакузи. Ты любишь мыть девочек в джакузи?

– Да, – «признался» я. – Это мое самое любимое занятие.

Я еще ни разу не мыл девочек в джакузи, но, посмотрев на Кики, понял, что это мне понравится.

Мы остановились около трехэтажного дома.

– Приехали, – Кики выключила мотор. – Обещай мне, что больше не будешь лазить по крышам!

– У тебя дома есть высокая табуретка?

– Нет. Есть только диваны. Диваны, диваны, диваны... Кстати... Тебе не кажется, что я сегодня зачистила в мужские туалеты? К чему бы это?

Глава девятая

С ГОГОЛЕМ В РУКАХ

41. Жизнь по-французски

Кики разбудила меня в девять часов:

– Когда просыпается американец, американка ему предлагает: «Пойдем, милый, на кухню, вместе приготовим завтрак». Когда просыпается немец, немка ему сообщает: «Вставай, милый, я приготовила завтрак». Итальянка просит: «Пойди приготовь мне завтрак». А у нас француженка говорит: «Давай еще поваляемся часок, а потом спустимся в кафе».

Так и поступили. Кафе оказалось за углом.

– Два кофе и два круассана.

Когда покончили с круассанами, я вынул из кармана чековую книжку:

– Сколько стоит твоя машина?

Кики удивилась:

– Немного, но мне она дорога как память.

– Сколько стоит вместе с памятью?

– Ты хочешь ее купить? – она покосилась на чековую книжку.

– Да. Сначала цену назовешь ты, потом я.

– Машина проверена временем.

– Да, но проверяли слишком долго.

– Скажем, тридцать... пять тысяч.

– Цена ей не больше двадцати пяти.

– Добавь еще двадцать и бери вместе со мной.

– У тебя есть вторые ключи?

– Есть.

– Я тебе позвоню сегодня вечером и скажу, где оставил машину. Завтра ты сможешь ее забрать.

– Далеко отсюда?

– Далеко.

– В нашей доброй старой Франции?

– Немного дальше.

Кики немного подумала:

– Когда преступник проникает в дом к американке, та делает все, чтобы выручить его. Если к немке, та тут же сдает его полиции. Итальянка влюбляется, бросает мужа и пятерых детей, признается во всем падре, и тот в течение пяти лет укрывает обоих в подвале.

– А француженка?

– Француженка идет вместе с преступником на следующее дело. Понял? Я не знаю, какие у тебя документы, но со мной переехать границу легче. А вот двадцать пять тысяч франков я у тебя возьму. Продам эту машину, куплю другую. Эта точно на ладан дышит.

«Хорошая мысль, – подумал я. – Ее машина могла уже

засветиться, и поменять ее было бы кстати уже сейчас».

– Может быть, мы сделаем эту операцию прямо сейчас? – предложил я.

Кики не согласилась:

– Нет. Лучше я представлю к оплате твой чек, когда ты будешь далеко. Гаражист, где я буду покупать новую машину, тут же позвонит Табуретке. И вообще, в такой ситуации не надо новых движений. Все должно быть понятно, люди должны догадываться и быть счастливы, что догадались. Переспал – и поехали кататься. Просто и ясно.

Я про себя улыбнулся:

«Учить французов конспирации – дело пустое, они все как отлучившиеся на минуту с баррикад».

– Куда едем?

– В Женеву.

– Когда мы должны там быть?

– Сегодня вечером.

– Придется ехать через Париж: новая дорога через Реймс не достроена, и там можно попасть в пробку. Поэтому за вечер не ручаюсь, но ночевать будем в Женеве. Это точно.

* * *

Мы вырулили на шоссе номер четырнадцать, и Кики засунула кассету в магнитофон. Почти до самого Парижа мы слушали, как Депардьё читает «Чужого» Камю.

При подъезде к Сержи Кики вынула кассету.

– Ты не устала? Я могу сесть за руль.

– После Парижа. Объезд очень сложный.

Машины в три, а иногда в четыре ряда двигались со скоростью около ста километров, и не проходило двух-трех минут, как дорога или делилась на две, а иногда и на три, или две полосы сворачивали направо или налево. Кики отлично ориентировалась в этой путанице. Она внимательно следила за указателями, и ее машинёнка, то зажатая между огромными траками, то неожиданно одна на полосе, с такой же скоростью, как и все остальные, вертелась то налево, то направо через мосты и акведуки, но все время оставаясь на дороге номер десять.

– Кто живет на севере, тот должен знать дорогу на юг как «Марсельезу». Знать мелодию и подсматривать текст. Я раз десять объезжала Париж и ни разу не запутывалась.

Появился указатель «На Лион».

– И сейчас не запутаюсь. Смотри.

На большом панно было написано: Дорога номер шесть. Ницца. Генуя. Марсель. Монпелье. Барселона и... Женева.

И мы повернули на шестую дорогу.

– Хочешь, я сяду за руль? – снова предложил я.

– После Фонтенбло будет сервисная стоянка. Там перекусим и поменяемся местами.

Сразу после второго поворота на Фонтенбло появился указатель на сервисную стоянку.

Эти стоянки на основных французских дорогах – как маленькие города: рестораны, магазины, заправки. Я посмотрел на часы:

– Уже почти два. Надо в ресторан.

Желудок у французов запрограммирован: они обедают (у них это называется «завтрак») с двенадцати до двух, ужинают (у них это называется «обед») с семи до девяти.

Кики не согласилась:

– Нет, в ресторан не пойдем. Нам надо засветло добраться до границы. Возьмем по паре сэндвичей. Пообедаем перед Лионом.

И здесь все французы одинаковы: два сэндвича, по полбюгетта: один с сыром, другой с ветчиной.

Я купил сэндвичи и карту.

В одном из переходов я заметил факс-аппарат. Интересно, не делает ли он копий. Я собирался сделать копии в Женеве. Но если это можно сделать здесь...

Оказалось, машина копии делает.

Я заплатил сто двадцать франков и аккуратно снял копии со всех двенадцати листов, который взял у Типографа.

– Теперь поведу я.

И снова Депарьдьё и Камю.

Оссьер, Бон.

– Где будем обедать? – спросил я.

– В деревенском ресторане около Бург-ан-Бресс.

Ну, Бресс я знал. Лучшие куры в Европе.

– Попробуем бресских кур?

– Ошибся, но не намного. Не кур, но тоже птицу.

Отгадать было нетрудно.

– Утку.

– Нет.

– Неужели гуся?

– И тут ошибся. Цесарку. Около Поллиа, это махонький городишко перед Брессом, есть ферма. Туда я тебя и отвезу, и накормлю настоящей цесаркой. Это дорого, но мне повезло, мой спутник не только не бедный, но и не скупой.

После Шалона мы повернули налево, и еще через двадцать минут, ровно в семь часов, я подрулил к одноэтажному зданию с вывеской «Веселая цесарка», хотя, на мой взгляд, это место вряд ли должно веселить цесарок.

– Это здесь. Цесарка – это цесарка. Американка вообще не знает, что такое цесарка, немка знает, но экономит и не покупает, итальянка покупает на черном рынке, и ей вместо цесарки продают недокормленную курицу. Только французенка знает, где можно дешево купить настоящую цесарку.

Цесарка действительно оказалась прекрасной.

И опять в путь. Я хотел снова сесть за руль, Кики меня остановила:

– Лучше я, скоро граница.

Минут через сорок подъехали к пограничной будке.

Кики остановила машину в трех метрах от будки, оттуда вышел вежливый швейцарский пограничник:

– Цель поездки?

– Увеличить в Швейцарии число красивых женщин, – ответила Кики.

Пограничник улыбнулся:

– Жалко только, что мадам с супругом. Я вам завидую, месье.

И мы проехали, не предъявив документов.

– Куда дальше? – спросила Кики.

– Прямо. Скоро мы будем на улице Сервьетт. А там рядом отель Бристоль.

Сейчас слева покажется вокзал Корнавен. Я всегда улыбаюсь, когда вижу этот вокзал. Лет десять назад я летал в Женеву, чтобы встретиться с неким господином Анри Корнавеном, однофамильцем знаменитого женевского вокзала. Он так и представлялся: однофамилец вокзала. Этот однофамилец был совершенно спившимся субъектом, которого отловили мои коллеги. Я приехал, чтобы предложить ему баснословную сумму. Он, разумеется, согласился, и мы отправились к нотариусу, где и оформили его согласие на использование его фамилии в качестве торговой марки для «некоторых товаров». Этим «некоторым товаром» были часики Третьего часового завода в Москве, которые мы поставляли в огромных количествах в Африку и Латинскую Америку. На циферблате гордо значилось «Корнавен», а чтобы прочесть «Made in USSR», нужно было изловчиться открыть корпус и вооружиться лупой. Африканцы и латины покупали на-

ши часы, уверенные в том, что они самые что ни на есть швейцарские. Свиссы активно проявляли недовольство, слали нам ноты, но с юридической точки зрения наша позиция была абсолютно безупречной. Часы продаются до сих пор.

Я рассказал эту историю Кики. Реакция ее была неожиданной:

– Ты хочешь проделать со мной то же самое? Я – Дижон, Анжелика Дижон. Вы собираетесь выпускать какую-нибудь гадость и дать ей название «дижонская горчица»? Чтобы я продала национальную гордость! Хотя, если поторговаться...

Я не стал вдаваться в политико-гастрономические споры, тем более, что, по моему мнению, наша горчица не так уж плоха. Улица Сервьетт плавно перешла в улицу Мон Блан.

– Направо наша гостинца.

– Теперь в номер и спать, – заявила Кики и добавила: – Никаких непонятных движений.

Я открыл тяжелую дверь. В холле на креслах сидели две солидные дамы и оживленно беседовали. Я подошел к седовласому портю:

– Мадам и месье Лонов. Нам нужен номер.

– Рады вас приветствовать у нас снова, месье Лонов. Надолго к нам?

– Две ночи. Может быть, больше.

– Ресторан уже закрыт.

– Спасибо. Мы с супругой пообедали в Брессе.

Портье понимающе улыбнулся:

– Бресс! Спокойной ночи.

В этом отеле у старых клиентов паспортов не спрашивают.

Это я хорошо знал.

42. Утро в Женеве

Утром завтрак в кафе.

Я поинтересовался у портье, работают ли банки в субботу.

– О да, месье Лонов. Банки в субботу работают.

– Мы уже прощаемся? – спросила Кики.

Нет. Мы вместе с ней пойдем в банк. Французские спецслужбы могут заинтересоваться, если уже не заинтересовались, моими похождениями со статуэткой. Найдут Кики, начнут расспрашивать. Будет лучше, если она им расскажет, что я положил статуэтку в банк, и скажет, в какой. А дальше уже их дело.

– Сначала найдем банк «Люмме и Корпкс». Адрес: шестьдесят четыре, улица дю Рон.

Это по ту сторону реки. Три остановки на трамвае. Солидное серое трехэтажное здание, каких сотни в Женеве, и скромная табличка: «Люмме и Корпкс».

– Подожди меня в кафе напротив. Я скоро.

Недолгий разговор с любезным клерком – и я в отделении для хранения ценных предметов.

– Вы хотите бокс и номерной счет?

Именно этого я и хотел.

– Какого размера бокс?

Я показал статуэтку.

Через десять минут, уплатив двести франков, я входил в кафе, где меня ждала Кики. В руках я держал бумажку, на которую клерк записал номер из двенадцати цифрах. Теперь любой, назвав этот номер, мог получить Гоголя. Банков, столь просто осуществляющих подобные операции, в Швейцарии осталось немного, теперь понятно, почему они выбрали именно этот. Все разговоры о Лугано и Моска могли оказаться просто туфтой.

Кики сидела за столиком и пила кофе.

– Ты положил туда свой сверток?

– Да, но я заходил туда не только за этим. Ну-ка, скажи, что думают американка, немка, итальянка и француженка, если их друг заходит в банк.

Кики думала недолго:

– Американка не обращает внимания, это у них в порядке вещей. Немка удовлетворена: он откладывает деньги на свадьбу. Итальянка уверена, что он пошел грабить банк, и, убежденная в том, что у нее скоро появятся деньги, идет покупать туфли своему младшему брату.

– А француженка?

– У француженок редко бывают друзья, которые заскакивают в банк.

– Это как раз тот редкий случай. Смотри.

Я вынул из кармана чековую книжку и выписал чек на двадцать пять тысяч франков на имя Анжелики Дижон. Конечно, я мог бы выписать его и раньше, но будет лучше, если Кики решит, что именно из-за этого я не простился с ней утром и довел до банка.

Официант принес кофе.

– Это я заказала для тебя.

– Спасибо, Кики. Спасибо тебе за все.

– Ты к нам еще приедешь?

Я пожал плечами:

– Не знаю.

– Не хочешь сфотографироваться на память?

Я застыл с чашкой в руках. Кики захохотала:

– Ну, конечно! Агент ноль-ноль-семь фотографий не оставляет. А напрасно! Смотри, что я нарисовала, пока ты ходил в банк.

И протянула мне бумажную салфетку. На ней был изображен я, в полный рост и до того похожий на оригинал, что я не удержался:

– Ты молодец!

– Ты забыл, что я художница. Смотри еще.

Она протянула другую салфетку. И снова я, но только бегающий по крыше.

– Тебе понравилось?

– Честно говоря, мне бы не хотелось... – начал я, но Кики меня прервала.

– Ладно, ладно. Я все понимаю. Мои родители голосовали за Марше.

Она аккуратно разорвала оба рисунка. Потом взяла меню и на обратной стороне что-то рисовала с пару минут. Потом протянула мне:

– Это тебе на память.

На рисунке была она, веселая, с горящими глазами и полуоткрытым ртом, распущенные волосы закрывали часть лица.

– Спасибо, Кики.

– Я не подписала рисунок. Знаешь, почему?

– Нет.

– Потому что если ты приглядишься к волосам, заметишь там цифры. И прочтешь номер моего телефона. Если я когда-нибудь выйду замуж на президента Колумбии, в Он-флере все равно будут знать, как меня найти.

Она встала.

– Не забудь расплатиться.

Она чмокнула меня в щеку и весело побежала к выходу:

– До встречи не знаю где!

Потом я встал, расплатился, вышел из кафе, которое, оказывается, называлось «До новых встреч», – уж не намек ли? – и двинулся в направлении советского представительства.

43. Банк «Люмме и Корпкс»

– Да, проблемы на границе могут быть, – согласился Кар-

пов, наш сотрудник в представительстве. – На диппаспорт они ставят отметку о прилете. Поэтому вам лучше улетать по общегражданскому.

Я тоже так думал. Вчера, пересекая границу, я мог предъявить свой дипломатический паспорт, и у меня была бы отметка о въезде в Швейцарию, но обошлись без этого. Может быть, даже к лучшему. Свиссы могли бы сообщить французам, что хорошо известный им субъект покинул Францию в сопровождении дамы на машине с номером, зарегистрированным в Онфлере. И это на следующий день после загадочного убийства там человека, которого они давно подозревают в сотрудничестве с русскими.

– У вас в общегражданском паспорте нет штампа о въезде в Швейцарию, но, если вы въезжаете на машине, штамп в паспорт они ставят не всегда.

Это я знал.

Потом я поднялся на этаж выше и написал короткую телеграмму:

«Задание выполнил. Возвращаюсь в Москву».
Лонов.

Я уже собирался выйти из представительства, как Карпов догнал меня:

– Простите, не вы сегодня были в банке «Люмме и Корпкс»?

А вот это уже непонятно.

– Звонят из банка. Они ищут человека в сером костюме,

который был у них сегодня. Имени они не знают, но им показалось, что это русский.

– Что они хотят?

– Произошла какая-то ошибка, и они просят, чтобы этот человек зашел к ним на десять минут.

– Да, это я.

– Что им сказать? Вы предпочтете...

– Скажите, что я зайду к ним через час.

Скрывать посещение банка не имело смысла, ничего противозаконного я не совершал. Кроме того, если они вычислили меня в представительстве, найдут и в аэропорту.

Через десять минут я снова входил в здание банка. Клерк узнал меня.

– Извините за беспокойство. Не могли бы вы пройти на второй этаж? Вас примет господин Моска.

Моска. Тот самый, о котором говорил мне в сауне Вербин. Недооценил я банк «Люмме и Корпкс». Недооценил и своего начальника, пославшего меня в баню к Вербину.

Моска оказался худым высоким субъектом с широким ртом. Увидев меня, он рассыпался в извинениях.

– Простите нас за беспокойство. Небольшое недоразумение. В ближайшие дни предстоит ремонт помещений банка, и сейфы будут на некоторое время перемещены в наш офис в Базеле. Это ненадолго. Всего на одну-две недели. Поэтому нужно переложить содержимое вашего кейса в другой, специально предназначенный для перевозки. Разумеется, если

вам понадобится ваш кейс во время ремонта, мы вам его доставим сюда, но через пять часов после запроса.

Он продолжал излучать улыбку:

– Очень хорошо, что мы вас нашли. Господин Руссо сказал мне, что вы русский, и я позвонил в представительство. Я правильно сделал?

– Да. Спасибо.

Потом он посерьезнел:

– Конечно, господин Руссо узнал вас... но... Для того, чтобы открыть ваш сейф, мне нужно, чтобы вы сказали номер.

– Нет ничего проще.

Я протянул бумажку с номером.

Худой субъект снова засиял.

– Вот и прекрасно.

Мы с ним спустились в отделение для хранения ценных предметов.

Он достал мой кейс, потом принес другой, по виду не очень отличающийся от моего, только длиннее. Открыл мой кейс. Я вынул оттуда статуэтку.

– Не правда ли, красивая? – спросил я.

– О да, – Моска вежливо улыбнулся.

Теперь надо проверить, не подсунули ли они чего лишнего внутрь. Я отвинтил голову Гоголю: там по-прежнему лежали бумаги. Я их вынул, сделал вид, что просматриваю, потом снова положил внутрь статуэтки.

Тем временем Моска открыл другой сейф, и я положил туда статуэтку. Моска закрыл сейф.

— Я вас провожу.

У выхода Моска поклонился. Поклонился и клерк, с которым я беседовал раньше. Я понял, что это и есть тот самый господин Руссо, о котором упоминал Моска.

Я вышел из банка, пересек площадь, где еще несколько часов назад стояла машина Кики. В руках у меня по-прежнему был листок с номером счета. Мне почему-то захотелось потерять листок и забыть про этот банк. Если бы я не знал, кто такой Моска, то счел бы поведение и его, и клерка Руссо вполне естественным. Но если характеристика, данная Вербиным, верна — а в этом я не сомневался — то теперь надо сообразить, что могло произойти в банке после моего визита. Моска мог открыть кейс и обнаружить внутри статуэтки не то, что ожидал. А что ожидал? Наркоту? Алмаз? Неужели все-таки героин и история, рассказанная мне Лидой, не больше чем сказки матушки Червонной двойки? Похоже на то. Иначе зачем Моска сразу кинулся искать клиента, который положил статуэтку в сейф? Ну, а потом я у него на глазах открыл статуэтку и демонстративно показал, что там только бумаги. Он сделал вид, что содержимое статуэтки его не интересует. И что дальше? А дальше пусть разбираются сами. Я извозчик, валютный извозчик. Что дали, то и привез.

И я отправился в ресторан напротив фонтана. О жареных рыбешках в этом ресторане я всегда вспоминал, когда мне

выписывали командировку в Женеву.

– Есть билет сегодня на Москву, но с пересадкой в Будапеште, – сообщил мне Карпов, когда я вернулся в представительство.

– Идет.

– С банком проблем не возникло?

– Нет. Москва ничего не ответила?

– Нет.

Вечером того же дня я был в Шереметьево.

Глава десятая

В РОДНЫХ ПЕНАТАХ

44. Упрощенный доклад

Начальство волновать я не стал. Доложил максимально упрощенно.

Прибыл в Онфлер. Приехал к Типографу. Объяснил задание. Тот ринулся его выполнять и вывел меня на члена группы марксистов-нонконформистов некую Лиду (краткая характеристика: «сочувствует Советскому Союзу, но в последнее время выступает с крайне левых позиций»). Лида сообщила, что бывший секретарь парткома Пичугин провез в тайнике, спрятанном в статуэтке Гоголя, три пакета героина, за что ее товарищи купили ему и его семье билеты в Париж. У кого находился Гоголь, Лида не знала...

Я прекрасно отдавал себе отчет в том, что, если расскажу о двух трупах и моем случайном спасении, неминуемо будет назначено служебное дознание. Конечно, до «сколько вам заплатили за убийство нашего агента» дело не дошло бы, но до окончания дознания – а длиться оно могло не один месяц – выезд за границу мне был бы закрыт. И я продолжал упрощать.

Я рассказал, что Типограф узнал, у кого Гоголь. Чтобы

его выкупить, требовались наличные, двадцать тысяч франков. По чекам иностранных банков иностранцам наличные во французских банках не дают. Типограф сам не хотел светиться и порекомендовал некую Анжелику Дижон.

– Кто такая эта Дижон? – прервал меня Колосов.

– Художница. Я выписал чек на ее имя. Под гарантии Типографа она выдала мне наличные, и я получил Гоголя. Чек я выписал на двадцать пять тысяч франков, двадцать передал для оплаты статуэтки, а за оставшиеся пять муж Анжелики отвез меня на своей машине в Женеву.

– Кто ее муж?

– Тоже художник. Очень молчаливый субъект. Всю дорогу мы слушали кассеты с записями Депардье.

И рассказал про кассеты с записями Камю. Надо же было не очень удаляться от истины.

– Эту парочку можно использовать потом?

– Да, но на технических работах.

Я представил себе один из видов технической работы с Кики и про себя улыбнулся.

– Напиши о них отдельно. Дай характеристики и предложения. То, что эта Лида сочувствует Советскому Союзу – очень хорошо. Теперь Крючков потребует, чтобы наши во Франции связались с Типографом и тот убедился, что она поддерживает мирные инициативы Горбачева.

Он расхохотался.

– А вот этого как раз и не надо, – встрял я.

Мне меньше всего хотелось, чтобы кто-нибудь из наших начал в ближайшие недели искать покойного Типографа. И я сказал, что, по моему мнению, Типограф плотно связан с уголовными элементами и занимается перепродажей наркотиков.

– С ним надо завязывать, – закончил я свои доводы.

– Но тем не менее, – возразил Колосов, – задание твое он выполнил.

– Это верно. Но уж больно быстро. Не слишком ли он тесно связан с людьми, организовавшими уход Пичугина?

– Похоже на то, – согласился Колосов. – Это серьезно. Но завязывать мы с ним не будем. Напиши о нем отдельную бумагу.

– Твое предложение?

– Перевести в резерв.

В резерв – это хорошо. Долго потом придется его искать! Если решат меня проверить, пошлют кого-нибудь к Лиде. Но тогда пусть возьмут с собой пыточную машину, без нее Лида ничего не скажет. Или совет.

Теперь надо было рассказать о записках.

– Когда я получил статуэтку и открыл ее, то обнаружил внутри рукопись на немецком языке.

– Что за записки? – обалдел Колосов. – Откуда они взялись?

– Лида рассказала мне, что они в Браззавиле попросили Пичугина провести наркотики, благо у него дипломатиче-

ский паспорт и на таможене его не досмотрят. И он засунул пакеты с наркотой в тайник, а эти записки уже были там.

– То есть они принадлежали не неконформистам, а Пичугину?

– Похоже.

– И что дальше?

– Когда они прилетели в Париж, он отдал им статуэтку вместе с наркотиками и записками.

– Значит, вернул наркотики и в придачу отдал статуэтку с записками. Так?

– Так.

– Выходит, ни статуэтка, ни записки ему нужны не были.

– Получается, что так.

– Твое мнение, откуда взялись эти записки?

– Не знаю. Скорее всего из Намибии. Думаю, что Пичугин должен был по заданию ЦК с моей помощью перевезти их в Женеву. А когда прилетел в Париж, просто их скинул.

– Почему?

– Потому что они представляли ценность только для ЦК, и ни для кого больше. Если бы они представляли какой-нибудь интерес, Пичугин не сбросил бы их.

– Это понятно. Но почему по-немецки?

– Скорее всего, потому, что писал их немец.

– Логично. В Намибии много немцев.

– Что в этих записках? Ты сделал копию?

– Я думаю написать в отчете, что записок я не читал. ЦК

затребует отчет, и им вряд ли понравится, что мы читаем их документы.

– Это верно, но о чем там написано?

– Не знаю. В немецком я не силен. Их надо сначала перевести. Это почти двенадцать страниц мелким почерком.

Колосов задумался. Ему, конечно, было невтерпёж узнать, что это за записки, но на скандал с ЦК нарываться он не хотел.

– Ладно. Но переводи сам. Никого не подключай.

Он прекрасно знал, что сам я не переведу, и его слова означали, что я должен найти переводчика на стороне.

– Пиши отчет. Упомяни, что там были записки на немецком языке, которые ты не читал. Так?

– Я вообще не открывал статуэтку и не знаю, что она полая.

– И это верно. В конце концов они попросили нас доставить Гоголя из Браззавиля в Женеву. Так?

– Так.

– Ты Гоголя доставил?

– Доставил.

– Про то, что статуэтка полая, тебе говорили?

– Нет.

– И что интересного может быть в этих записках?! Знаю я их секреты. Вождь племени вуду сказал, что по ночам у костра читает вслух своим воинам «Капитал» и просит передать привет гуру Горбачеву.

Если выбросить все нецензурные слова, которые произносились в кабинете Колосова в течение следующего часа, то весь диалог выглядел бы следующим образом.

Колосов: «Ничего не смог поделывать, пришлось соглашаться на то, чтобы ты поехал за этим Гоголем. Мы делаем важные дела, а новоиспеченные начальники из ЦК занимаются чепухой».

Я: «Труда мне особенного не составило. Но хорошо, что не засветился с криминалом».

Колосов: «От них всего можно ожидать. Что еще?»

– Пожалуй, из основного все.

– Ну, а мелочи потом. Только не тяни с отчетом.

– О банке писать подробно? – спросил я.

– Подробно, но в общих чертах. Был, сдал, снова вернулся. Беседовал с господином Моска. Ничего другого у тебя нет? Нет. Куда сейчас?

– В МИД. Надо сдать документы.

45. Вера переводит с немецкого

Говоря о том, что тороплюсь в МИД, я лукавил. В час дня меня ждала старая знакомая. В час тридцать я позвонил в дверь ее квартиры на Верхней Масловке.

Высокая брюнетка в джинсовом костюме открыла дверь:

– Это не по тебе на Савеловском вокзале часы ставят? Час туда, час сюда – какая разница!

– Сумасшедший день, – начал оправдываться я.

Крохотная квартирка, сплошь увешанная фотографиями, взглянув на которые даже самый начинающий Шерлок Холмс сразу бы определил причастность хозяйки к газетному делу: она – с актерами, она – с космонавтами, она – около огромного станка. На письменном столе рядом со старинной пишущей машинкой на видном месте – стопка тоненьких розовых книжек: «Вера Сумарокова. Поездка», первая книга хозяйки, предмет гордости.

Но сегодня Вера интересовала меня не как молодой, вот уже много лет подающий надежды журналист, а как переводчик немецкого языка. Прежде чем ступить на стезю журналистики, Вера десять лет отработала синхронным переводчиком немецкого языка и чуть было не защитила диссертацию.

– Ты по телефону сказал, что тебе нужна моя помощь.

– Верно. Мне нужно перевести вот это.

Я вынул из кармана двенадцать листочков.

– Ты можешь мне их оставить?

– Увы, нет. Хочу прямо сейчас узнать, что это такое. В общих чертах.

Вера пролистала несколько страниц:

– Сразу не могу. Неразборчивый почерк. Будет готово послезавтра.

– Мне не нужен подробный перевод.

– Все равно послезавтра. И дай мне наводку. Что это за

записки? Откуда они у тебя? Кто автор?

– Их автор, по-видимому, проживает в Намибии.

– Это все?

– Все.

– Ты мне не сказал, как я выгляжу. Растолстела?

Это Вера спрашивала каждый раз.

– Нет.

– Как домашние?

– Все так же. Сын живет с моей бывшей, пишет какую-то чушь про пролетарских поэтов начала века. На меня обиделся. Я неодобрительно высказался про этих поэтов, а он мне: «Не понимаю, как ты, коммунист, можешь так говорить!» Словом, Павлик Морозов. Не звонит уже два месяца.

– А бывшая?

– Третий год пишет докторскую про Шолохова.

– И тоже не понимает тебя как коммуниста?

– Именно так.

Вера захохотала:

– Боюсь, что скоро придется тебя укрывать. При всех обстоятельствах. И при белых и при красных.

* * *

На следующий день я изложил все свои приключения в письменном виде. Написал финансовый отчет. Колосов завизировал, не глядя.

Отдельно сочинил бумагу о Типографе. Настойчиво рекомендовал перевести его в резерв. Получил резолюцию: «Перевести в резерв».

Позвонил Кузякину.

– Он в загранкомандировке, будет через неделю.

* * *

А еще через день, снова опоздав на час, явился к Вере с букетом цветов и, пока она расставляла цветы по двум вазам, уселся на мягкий, то ли антикварный, то ли от тетки доставшийся диван и принялся рассматривать фотографии, валявшиеся на соседнем стуле. Я уже собирался высказаться по поводу внешнего вида хозяйки, весьма привлекательного, на пляже, как та вернула меня к теме моего визита.

– Значит, говоришь, немец из Намибии?

– Да.

– Ты не догадываешься, что это за рукопись?

– Нет.

– Послушай.

Она взяла бумажку, где был написан перевод, и начала читать:

– «То было не какое-нибудь благородное дерево, а самое обыкновенное полено, из тех, которыми в зимнюю пору топят печи и камины, чтобы обогреть комнату».

Она остановилась, посмотрела на мое изумленное лицо,

многозначительно вздохнула и продолжала:

– «Не знаю уж, какими путями, но в один прекрасный день этот кусок дерева оказался в мастерской старого столяра. Старика звали мастер Антонио, но весь свет именовал его «мастер Вишня», так как кончик его носа был подобен спелой вишне – вечно блестящий и сизо-красный».

Я обалдел:

– Что это?

– Карло Коллоди. «Приключения Пиноккио». Перевод на немецкий. Перевод хороший, профессиональный. Ты читал «Приключения Пиноккио»?

«Приключения Пиноккио» я не читал.

– Там больше ничего нет?

– Если только симпатическими чернилами... Читать дальше?

– Нет. Я все понял. Кто-то сделал из меня Буратино.

– Выходит, что так. Кофе хочешь?

Я не отказался, и Вера начала колдовать с туркой и через несколько минут налила две маленьких чашки кофе.

– Статьи мои читаешь?

– Читаю.

– И как?

– Не любят тебя в моей конторе.

– Не боишься знакомства со мной? Дурные связи.

– Ты – знакомство полезное. Власть переменится, буду у тебя скрываться. Пустишь?

- Пущу. И на твоём месте я бы уже вещички потихоньку перекидывала.
- Не торопишься?
- Сколько веревочке ни виться. Гром великий определенно скоро грянет. А дальше по тексту... Кто был ничем, тот станет всем. И наоборот.
- Вот как раз последнее меня и не радует.

* * *

«Ну, Червонная двойка, – думал я по дороге домой. – Придумала про записки на немецком языке, и я украл первые попавшиеся со стола у Типографа. Никакой я не Буратино, я просто необработанная деревяшка».

46. Приключения Буратино

- Весь твой отчет прочел. Вопросов нет. Садись, – приветствовал меня мой начальник. – А теперь расскажи, что написано в записках.
- Я вынул из портфеля рукопись.
- Копия?
- Да. В одном экземпляре.
- Где перевод?
- Он не нужен.
- Почему?

– Его можно найти в любой библиотеке. Это «Золотой ключик».

– В каком плане?

– В прямом. Эти записки – немецкий текст «Приключения Пиноккио» Карло Коллоди.

Давно я не видел у своего начальника столь идиотской физиономии.

– Кто над кем пошутил?

– Не знаю.

Колосов встал, подошел к шкафу, вынул бутылку «Реми Мартен», разлил по рюмкам. А я вспомнил Кики. Что сделал бы американец на моем месте? Наверное, все доложил так, как было. Немец никогда бы не допустил ничего подобного. Итальянец бросил бы службу и женился на Кики. А француз? Француз вернулся бы в Онфлер и оттрахал Высокую табуретку. От этой веселой мысли я улыбнулся.

– Чего смеешься?

– Я чувствую себя Буратино, которого провели. И знаю, кто провел.

– Кто?

– Карабас Барабас. Кузякин.

– Буратино, Карабас Барабас, – проворчал шеф, опрокидывая рюмку.

Он закрыл бутылку, поставил ее в шкаф. Сел за стол.

– Ладно. Начнем с начала. Тебя просили перевезти статуэтку из Браззы в Женеву. Статуэтка оказалась поллой. Что

в ней должно было быть: наркотики, Буратино или ничего? Твое мнение.

– Ничего. Зачем ЦК перевозить наркотики аж из Намибии? И для чего тащить из Намибии никому не нужную рукопись?

– Убедил, но не совсем. Дальше.

– Пичугин решил слинять. Ему нужны были деньги на билет, и он договорился с леваками, которых знал раньше, чтобы они оплатили ему билет, а он взамен провезет их наркотики по дипломатическому паспорту.

– Похоже. Откуда взялась рукопись?

– Возможно, в ней какой-то шифр, который мы не понимаем. Либо это просто балласт, что маловероятно. Или записки засунули в статуэтку леваки. Случайно или нарочно, чтобы нас подурочить. От них всего можно ожидать, при нынешней их любви к нам.

– Похоже на правду. Но зачем им пустая шкатулка?

– Не знаю.

– Ты написал, что на тыльной части статуэтки выцарапаны цифры. – Он покопался в бумагах. – 261000 240491. Что они обозначают?

– Ни малейшего представления.

– А я еще вчера догадался. Двенадцать цифр, это номерной счет. Номер, который ты получил в банке, тоже имел двенадцать цифр. И тоже между шестой и седьмой цифрой промежуток. Ты перевез пустую статуэтку и номер банковского

счета. Кто-то откроет этот счет. Заберет что-то и положит в статуэтку. Что будет дальше, мы не знаем.

Это было похоже на правду.

Колосов прошелся по кабинету. Потом сел за стол, взял «Правду», посмотрел последнюю страницу и расхохотался.

– Знаешь, чего я смеюсь?

– Не утай.

– Не утаю. Завтра по телевизору «Золотой ключик». Посмотри. Может, поймешь, кто мы с тобой. А этому Карабасу, придет время, вы вставим золотой ключик в одно место.

Судя по всему, на золотой ключик он обиделся. Я тоже.

* * *

Прошло два месяца. В августе я решил взять две недели отпуска. Вера устроила мне путевку в дом отдыха Академии наук в Звенигороде.

Однажды, возвращаясь из леса, я увидел прогуливавшегося вдоль аллеи Пискунова.

– Меня отзывают, – сказал я Вере.

И не ошибся.

На следующий день я явился в кабинет к Колосову и ожидал приказа отбыть в Браззавиль.

Однако услышал я нечто нереальное. Я должен был лететь в Европу, где, кроме всего прочего, мне следовало найти господина Дижона (который не существует) и посетить госпо-

дина Топалова (который скончался)!

Книга третья ВАЛЮТНЫЙ ИЗВОЗЧИК

Жизнь все время отвлекает наше внимание; и мы даже не успеваем заметить, от чего именно.
Ф.Кафка

Глава одиннадцатая РИМСКИЕ КАНИКУЛЫ

47. Отпуск закончился

Было теплое московское утро, то летнее утро в центре города, когда предметы одежды на женщинах можно пересчитать при помощи всего лишь трех пальцев, а одетые в пиджаки чиновники утешают себя тем, что, несмотря ни на какие козни начальства, после пятницы непременно наступит суббота.

Все, но не я.

Еще позавчера, прогуливаясь по парку санатория в Звенигороде, я удивлялся, что начальство впервые за пять лет дало мне возможность отгулять весь отпуск. Я знал, что мне

предстоят две командировки, которые совместить трудно. Во-первых, мне надо выполнить то, что я не сделал в мае, а именно перевезти деньги за Габонский рудник из Браззавиля в Женеву. А во-вторых, в конце месяца придется лететь в Монреаль. Причем командировку в Монреаль ни отодвинуть, ни придвинуть нельзя, вот уже четвертый год я направляюсь туда на Международный кинофестиваль, где исправно исполняю роль члена советской делегации.

А потом, возвращаясь из парка, я увидел сотрудника моего отдела, прогуливающегося по аллее, и понял, что отпуск закончился.

* * *

Мой непосредственный начальник Владимир Гаврилович Колосов внимательно осмотрел меня и сказал:

– Если бы у десяти прохожих спросили, кто ты и где работаешь, все десять непременно признали бы в тебе дипломата. И не из-за заграничного костюма непонятно какого цвета и галстука с вензелем «Шанель» а из-за твоей физиономии, на которой написано, что ты привык подолгу жить за границей и знаешь с десятков иностранных языков. А еще потому, что в такую жару в костюмах ходят лишь дипломаты и официанты. А на официанта ты не похож.

– Только не говори, что мне надо лететь завтра. Завтра тринадцатое. – Суеверным я не был, но к тринадцатому чис-

ду относился с предубеждением. — И не говори, что габонские деньги надо так срочно перевезти в Женеву.

— А я и не говорю. Хочешь лететь четырнадцатого, я не против. Но не в Браззавиль, а в Рим.

— Что я должен делать в Риме?

— Понимаешь, Евгений Николаевич, какая проблема, — начал он нараспев. Так он обычно начинал, когда готовился сказать что-нибудь неприятное.

Однако задание, которое я получил, особо неприятным назвать было нельзя. По сути оно оказалось рутинным. Военная помощь «национально-освободительным» движениям шла через Главное инженерное управление Комитета по экономическому сотрудничеству, за которым стояло Министерство обороны. ЦК партии оказывал этим движениям гуманитарную помощь. Фактически безвозмездную, однако какое-то чисто формальное возмещение предусматривалось. Военные получали эту компенсацию через свои каналы. Компенсацией для ЦК партии занимались мы. Наши люди получали ее иногда в самой различной форме, обращали в валюту и переводили в лондонские банки, которые мы контролировали через Министерство внешней торговли.

Так было и в том деле, ради выполнения которого меня отозвали из отпуска.

Движение в Намибии переслало в адрес ЦК партии алмазы. Они должны были пройти по цепи и обратиться в валюту, которой предназначалось лечь в Лондонский «Сити Конти-

нентал» банк. Однако деньги в банк не пришли. Мне предстояло пройти по цепочке и выяснить, где случился обрыв.

Кейс с алмазами должен был получить нелегал с кодовым именем Крокодил. И передать его нашему агенту Топалову (кодовое имя Типограф), тот с помощью парижского дельца Мишеля (это его настоящее имя) должен был в Амстердаме продать алмазы. Получив деньги, Типограф был обязан перевести их в Лондон.

Агент Крокодил жил в Риме. Поэтому моя первая остановка – Рим. Требовалось выяснить, получил ли агент алмазы и передал ли их Типографу. Но начальство не знало того, что знал я. Восемнадцатого мая Типографа убили. Поэтому для меня было особенно важно узнать, когда Крокодил передал алмазы Типографу, если вообще передал.

Потом я должен встретиться с Мишелем. Его я хорошо знал. Часто бывал в его квартирке на улица Лепик в Париже. Но здесь меня ожидала неожиданность.

– Если получишь подтверждение, что Крокодил передал алмазы Типографу, отправишься в Монпелье. Тебе повезло. Это на юге у моря.

Я не понял:

– Зачем в Монпелье?

– Мишель уехал из Парижа и живет в маленьком городке возле Монпелье. Городок называется Сет. Догадайся, кем он работает.

– Кроме сутенера ничего предположить не могу.

– Ошибся. Что-то ты стал в последнее время много ошибаться.

Если бы он все знал!

– Он поет. В портовых ресторанах. Встретишься с ним и, если он подтвердит, что алмазы продал, выйдешь на Типографа. Но к нему на север не поедешь. После твоей поездки в мае тебе туда лучше не соваться.

Если бы он знал, насколько он прав.

– Поэтому свяжешься с господином Дижоном.

Я сначала не сообразил, о ком он говорит. Потом понял. В прошлый раз я не стал докладывать, что шофером машины, на которой я удирал из Онфлера и которому выписал за это вполне достойный чек, была прекрасная дама Анжелика Дижон, а представил ее как несуществующего господина Дижона.

– Попроси господина Дижона привести Типографа к тебе в Монпелье.

Вот это номер! Несуществующий человек должен привести мертвеца. Хичкок!

– Дальше будешь беседовать с Типографом, беседуй жестко. Но на рожон не лезь. В конце концов, без этого кейса ЦК не обеднеет, а нам с тобой еще работать. И времена сейчас, сам понимаешь... Если почувствуешь, что он виляет, предупреди, что мы можем принять самые крутые меры.

Это по отношению к покойнику!

– А в общем-то... Не рискуй. Сам решай на месте. Но нас

информируй. Как поймешь, что дальше – тупик, улетай в Браззу. Понял?

Ясно. В Браззу за деньгами, а потом в Женеву.

Но и здесь меня ожидал сюрприз. В Женеву, оказывается, мне лететь не надо. Я должен отвезти деньги в Тунис и отдать лично Арафату.

Раньше Арафат нам давал деньги, теперь мы Арафату. Времена.

– Наши в Тунисе уже предупреждены. Встречу с Арафатом тебе организуют.

– Что я ему скажу?

– Ничего. Общие слова.

После обеда я снова сидел у него в кабинете, и мы вырабатывали более детальный план.

– Как будешь добираться из Рима в Монпелье? Попробайся договориться с этим Дижоном, чтобы он встретил тебя на полпути и довез в Монпелье на своей машине.

Я согласился. Мы посмотрели расписание поездов из Рима и решили, что лучше всего встретиться в Сан Ремо. Я доеду туда из Рима на поезде.

– Если он по каким-либо причинам не согласится, сними машину в Сан Ремо и добирайся до Монпелье сам.

Я один раз спутал имя Дижона. Сначала я назвал его «Жераром», потом «Жюлем». Немудрено спутать имя несуществующего человека. Колосов меня поправил. Получилось вполне естественно.

– Если с Дижоном ничего не получится, тебе может понадобиться твой швейцарский паспорт.

Паспорт этот был настоящим, мне его выдали в швейцарском консульстве в Монреале. Выдал клерк коммунист. Там я значился господином Жильбером Мало, родившимся в городе Квебеке. Этот паспорт можно было безбоязненно предъявлять в любой стране, кроме Швейцарии.

– Сейчас поездка в Швейцарию отменяется, возьми его с собой на всякий случай.

Я согласился и попросил выслать паспорт диппочтой в Рим.

– Не забудьте выслать прилагаемые документы, особенно чековую книжку.

Прилагаемые документы – это документы, подтверждающие активную деятельность владельца паспорта: водительские права, билет в бассейн в Монреале, фотографии родителей.

– Особо на Дижона не скупись. Платить будешь по чеку на свое имя. На счету у Мало у тебя остались деньги?

– Немного.

Это было неправдой. Мне несколько раз удалось завернуть туда неоприходованные остатки. И сколько там лежит сейчас, я не знаю. Этим счетом я пользуюсь в личных целях.

– Вернешься, дам указание подкинуть пару тысяч долларов на этот счет.

После развода я оставил квартиру жене и сыну, а сам жил в квартире матери, где и был прописан. Когда мать была жива, ее однокомнатная квартира выглядела уютно, а теперь превратилась в неприветливое стойбище холостяка. Ехать туда не хотелось. И я на субботу и воскресенье вернулся в санаторий, в конце концов у меня еще целых пять оплаченных дней.

В понедельник снова на работу. Два дня беседовал с разными людьми. Кроме основного задания Колосов просил посмотреть двух человек, с которыми намерена работать резидентура.

– Просто посмотри. Твое первое мнение очень важно.

И еще небольшое задание. Встретиться с известной актрисой. Когда-то она нам помогала, но после чешских событий связь с нами порвала. Потом мы эту связь восстановили, однако прежней откровенности уже не было.

– Обязательно надо встретиться, – напутствовал Колосов. – Есть сведения, что она на днях может стать министром культуры. Нынешний министр очень болен. Кроме того, до меня доходили слухи, что она к тебе равнодушна.

На эту тему у нас подшучивали давно.

– А что? Человек ты свободный. Про моральный кодекс у нас теперь забыли. А для пользы дела...

Во вторник после обеда я зашел попрощаться.

– Какой последний совет?

– Плавки не забудь. Завидую я тебе. Читал сводку погоды в Италии. Всю неделю солнце.

– Однажды Цезарь спросил у оракула, какая будет погода. «Отличная», – ответил оракул. «Это прекрасно», – обрадовался Цезарь. А радовался он зря. На следующий день Брут...

– Верно, – согласился Колосов, – будь осторожней.

48. Телефонные звонки

Прежде всего я хотел позавтракать. Не то чтобы в самолете плохо накормили, просто я привык начинать заграничную жизнь с ресторана.

По мере того как я ел омлет и отхлебывал кофе из коричневой фаянсовой чашки, я постепенно превращался из обремененного перестройкой гражданина шестой части суши в европейского обывателя. Поболтав с официантом о погоде, я почувствовал себя совсем уверенно: беглость языка – без проблем.

Из ресторана я позвонил в Онфлер.

К телефону подошла мадам Высокая табуретка.

– Как найти Кики?

– А, это вы! Снова собираетесь забрать у меня крошку?

– Собираюсь.

– Я рада за нее. С вами ей весело. Но учтите: на следующей неделе в четверг она должна быть в салоне.

– Договорились. Куда мне позвонить, чтобы ее застать?

– По этому телефону через час. Я надеюсь, что при упоминании вашего имени она станет более пунктуальной.

Следующий звонок – в посольство. Дежурный комендант прочитал записку, оставленную для меня помощником резидента Володей Тростниковым. «Отель Модильяни». Молодец. Помнит: прошлые два раза я останавливался именно там.

Я расплатился и вышел на улицу.

Через каких-нибудь полчаса я уже открывал чемодан в квадратном номере с одной кроватью и в широкое неоткрывающееся окно разглядывал аккуратно втиснутый между старинными домами парк с редкими, словно по линейке подстриженными кустами.

Десять минут второго. Пора. Я спустился в холл и медленно пошел в сторону метро.

Я доехал до Термини и вошел в здание вокзала. В главном станционном зале все двигалось, перемещалось, пассажиры спешили, на ходу перекрикивались друг с другом, озабоченно жестикулировали, наспех покупали что-то у лоточников. Я подошел к блоку телефонов-автоматов.

Трубку подняла Кики.

– В Италию не хочешь съездить?

– Вообще-то нет. Но поеду. Когда и куда? Италия боль-

шая.

- В Сан Ремо и оттуда назад во Францию. В Монпелье.
- Я тебе нужна как художник или как шофер?
- Как Кики. Как Кики, которая прекрасно водит машину.
- Жалко, что не в Верону. Я очень хочу туда.
- В следующий раз.

– Знаешь, что говорит американка, когда ее приглашают в Верону? Она удивляется, зачем летать в Италию, когда у них в каждом штате своя Верона. Немка уверена, что воздыхатель собирается сделать ей предложение у балкона Джульетты и на всякий случай покупает кольца. Итальянка сообщает, что возьмет с собой маму и двоих младших братьев.

– А француженка?

– Француженка смиренно спрашивает, когда надо выезжать.

– Сама рассчитай. Я жду тебя у кинотеатра «Аристон» в воскресенье в полдесятого утра.

– Мне придется где-то ночевать...

– Понял. Все расходы беру на себя.

Расписание поездов на Сан Ремо я изучил еще в Москве и выбрал поезд, отбывающий из Рима в 23.50. Поезд ночной, и поэтому я волновался, будут ли билеты в спальное купе первого класса. Билеты были.

– Синьор знает, что ему придется сделать пересадку в Генуе?

Синьор знал.

В Сан Ремо можно добраться и прямым поездом, он отходит из Рима в 15.46. Но я решил, что лишних восемь часов в Риме могут мне пригодиться.

Следующий звонок.

– Доктора Лоретту Пирелли, пожалуйста.

Через минуту голос Лоретты:

– Доктор Пирелли.

– Это я.

Молчание. Потом:

– Говори коротко. Я очень занята. У меня через десять минут операция.

– Я бы хотел встретиться с приятелем.

Она знает, кто это.

– Когда?

– Лучше всего послезавтра, в пятницу.

– Я попытаюсь. Позвони мне вечером.

– Хочу с тобой пообедать.

– Когда?

– Лучше всего завтра.

– Хорошо. Завтра. В семь устроит?

– Устроит.

– Позвони вечером. Сейчас, извини, не могу.

Следующий звонок в посольство:

– Пожалуйста, Тростникова.

– Кто спрашивает?

– Евгений Николаевич.

– Он вам просил передать, что будет в Культурном центре.

49. Культурный центр

Трехэтажный особняк советского культурного центра, зажатый между двумя высокими зданиями, выделялся несуразно массивными металлическими дверями и окнами, на которых, несмотря на специальные непробиваемые стекла, виднелись царапины от камней: память о демонстрациях в доперестроечные времена.

В дверях меня приветствовал привратник, итальянец. Он работал здесь уже лет пятнадцать, и я знал его по прошлым командировкам. Конечно, он был связан с местной безопасностью. Но посольство это устраивало: он всегда предупреждал о демонстрациях, вовремя вызывал полицию и не требовал повышения совершенно мизерной заработной платы.

Встретил он меня как родного. Спрашивал о здоровье жены, о тех, кто работал в посольстве вместе с мною.

– Вы прекрасно выглядите, прекрасно выглядите, – повторял он.

Я прошел через знакомый и совершенно не изменившийся холл: тот же неуклюжий бронзовый Ленин, те же стенды с фотографиями из АПН (много лет назад, во время моей первой командировки в Рим, мне вменялось в обязанность менять их каждые две недели, что я успешно не делал), тот же макет военного корабля, подаренный моряками еще в пя-

тидесятые годы.

В кабинете начальника восседала полная дама и доканчивала толстый бутерброд.

– Тростников не приезжал?

Дама удостоила меня кивком, который должен был означать «нет». Потом, очевидно, сообразив, что имеет дело с серьезным человеком, спросила:

– Вы его дождетесь?

– Да.

– Это хорошо.

Дама встала, вопросительно посмотрела на меня:

– Вы говорите по-итальянски?

И, поняв по утвердительному кивку головой, что «говорю», обрадовалась:

– Тогда вы мне поможете. Поотвечайте по телефону.

Пока я размышлял, просьба это или просто констатация факта, дама направилась к двери:

– Я – на минутку.

У двери она остановилась и добавила:

– Вернусь минут через десять. Только не уходите.

«Ну и порядки здесь!» – разозлился я, неожиданно превратившийся в секретаршу, и с ненавистью посмотрел на телефон, который, как бы отвечая неприязнью на неприязнь, тут же затрезвонил.

Детский голос спрашивал, как можно записаться на курсы русского языка.

– Я сторож! – рявкнул я. – Позвоните через полчаса.

Потом какая-то дама поинтересовалась, можно ли поехать в Советский Союз с кошкой.

– Вам не нужно брать с собой кошку, – ответил я. – В Советском Союзе вы сможете взять кошку напрокат.

Обалдевшая дама замолчала, а я ей продиктовал телефон Интуриста. «Представляю себе, как среагируют в Интуристе!» – хмыкнул я про себя.

– Ну, Евгений Николаевич, вы уже совсем освоились? – услышал я веселый голос Тростникова, незаметно появившегося в комнате.

– Где бы нам с тобой потолковать?

– Есть тут маленький ресторанчик рядом. Очень любопытный.

Ресторан и правда был любопытный. В качестве основного блюда подавали семгу в малиновом сиропе. Я засомневался.

– Соглашайтесь, Евгений Николаевич. Не пожалеете. Белого местного?

Я согласился и на семгу в малиновом сиропе, и на «белое местное».

«Местное белое» белым назвать было трудно.

– Оно у вас зеленое! – удивился я.

– Так ведь и виноград зеленый, – весело отпарировал Володя.

Выпили первый бокал.

– Мне нужно прикрытие послезавтра. Время уточню.

Послезавтра я встречаюсь с агентом. Володя агента не знает, но в курсе, что обычно я встречаюсь с ним в кабинете доктора Лоретты Пирелли.

– Понял. В том же месте?

– Да. По обычному плану.

– Прикрытие организуем. Когда уточните время?

– Скорее всего, сегодня вечером.

– Позвоните в посольство и скажите, чтобы я заказал билет в Москву. Дату назовете на три дня после даты встречи.

– А время?

– Неважно. Мы все равно начнем прикрытие с утра. Если будет что-то не так, то, как обычно, мимо пройдет кто-нибудь из наших. Это означает...

– Что мне надо ехать в посольство. Потому что у меня скоропостижно скончался отец, который умер десять лет назад.

Тростников засмеялся.

– А за Пирелли мы поглядываем. У нее поклонник завелся. На сером «Альфа-Ромео». Один раз даже машина оставалась на ночь у ее дома. Но вы не волнуйтесь, Евгений Николаевич. Ничего у него не получится.

– Почему?

– Агентурная работа у нас на высоте. Мы проследили, он болеет за «Лацио». А она... она ведь в компартии.

– Была.

– Неважно. Они все там болеют за «Рому». Знаете, как это

в Риме важно.

Это я знал и поэтому, чтобы не наживать себе врагов, когда меня спрашивали, за какую команду болею, отвечал «Tifo Vincenza», болею за Винченцу. И что удивительно, все воспринимали это как должное.

– Ваш паспорт мы получили. Вам он нужен?

– Пока не знаю. На всякий случай проставьте вылет из Монреаля вчера и прилет в Рим сегодня.

– Будет сделано.

Принесли семгу. Чтобы угодить Володе, я принялся восхищаться. Он обрадовался:

– Вы первый, кому она понравилась.

– Теперь напомни, кого ты хочешь мне показать.

Резидентура нашла двоих, с которыми намеревались установить «особые» отношения. Колосов хотел, чтобы я с ними встретился и составил о них хотя бы поверхностное представление.

– Художник. Очень прогрессивных взглядов. И дама. Дурна набитая. Левая до умопомрачения. Жена президента компании, выпускающей лазерные устройства.

– Когда я смогу на них посмотреть?

– Завтра.

Договорились, что завтра утром он заедет за мной.

– А теперь отвези меня в отель.

50. Дама и прогрессивный художник

Тростников заехал в одиннадцать часов.

– Сначала дама. Она сейчас на каком-то заседании в ФАО. Мы поедем к Читову. Он вас с ней познакомит.

Петр Христофорович Читов уже лет восемь без перерыва работал в ФАО, что в переводе на русский язык означает «Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН». В международные чиновники он попал случайно. В партком Московского пищевого института, где он преподавал без малого два десятка лет, пришла разнарядка на просмотр в ФАО. В тот год он оказался избранным в партком и, к его счастью, никто из партийного начальства желания уходить из института не выказал. Его и рекомендовали.

Тихий, незарывающийся, он трезво оценил свое положение в посольстве: регулярно приносил в резидентуру все интересное, что проходило через его руки, первые годы – до отмены приказа – безропотно отдавал в кассу посольства часть зарплаты, получаемой в ФАО, во всем соглашался не только с послом и резидентом, но и со всеми влиятельными дипломатами.

Настоящая фамилия его была Шитов. Но чиновник из Консульского отдела МИДа решил, что она неблагозвучна по-английски. И хотя в Италии мало кто догадался бы об этом, фамилию ему все-таки изменили. И в паспорте вме-

сто положенного «Shitov» красовалось «Chitov». Это было и смешно, и даже обидно, потому что в посольстве его жену и дочку сразу стали звать «Читами», как легендарную обезьяну Тарзана. Но он молчал. А лет через пять так привык к новой фамилии, что уже во время отпуска в Москве сам себя называл Читовым.

Читов встретил меня у входа. Человек разумный, деликатный, он не стал расспрашивать о Москве, о семье, а сразу повел в зал заседаний. По дороге я рассказал ему о цели визита.

Мы прошли через большой холл, где на полу мозаикой (все-таки это Рим!) было написано Food and Agriculture Organization of the United Nations и поднялись в большую комнату.

Собрание уже закончилось, и заседавшие, в основном женщины, разбившись на группки, что-то продолжали обсуждать. Говорили тихо, не горячась.

Все слушали полную седовласую даму.

– Это она, – шепнул мне Читов.

– ... движимые лучшими и благородными порывами, мы хотим в силу своих, пусть даже вполне ограниченных возможностей, хоть каким-нибудь образом внести посильный вклад в мир без голода...

Когда она закончила, меня ей представили. Дама обрадовалась:

– Вы из России? Я должна вас поздравить. Мы все очень

любим вашу первую леди, она очень современна и одевается с большим вкусом. У вас такие замечательные перемены! Я видела синьора Горбачева по телевизору и могу сказать твердо: этому человеку надо дать шанс.

Тростников восторженно посмотрел на меня. Какова?

Дама продолжала говорить. Быстро и одно и то же. И вдруг:

– Чем мы можем помочь вам?

А вот это интересно. Я даже растерялся. Выручил Тростников:

– У нас в Культурном центре на следующей неделе будет просмотр советского фильма. Если бы вы выбрали время...

Дама обрадовалась:

– Я приду.

Когда мы спускались вниз, Тростников меня спросил:

– Ну и как?

– Дура, – прокомментировал я.

– И какая!

Следующим на очереди был прогрессивный художник.

– Я ему позвоню.

Но художник не отвечал.

– Появится он. Никуда не денется.

Подождем.

– Поедем в «партком», – предложил Тростников.

«Парткомом» еще лет десять назад стали называть забега-ловку около виллы Ада. Там бармен подавал местную водку,

совершенно отвратительную, крепкую, но, что немаловажно, дешевую. А «парткомом» именовали это заведение потому, что вместо того, чтобы сказать «поедем в бар», говорили «поедем в партком».

– А как цены? – спросил я.

– Понимаете, Евгений Николаевич, мерзавец однажды их поднял. Но мы забастовали.

– Как?

– Обыкновенно. По рабоче-крестьянски. Целую неделю никто к нему не ходил. Тогда он прислал к нам гонца и обещал больше никогда цены не повышать. И слово свое держит.

С тех пор, как лет пять назад я был там в последний раз, «партком» не изменился. Бармен все тот же. По глазам я понял, что он узнал меня, но виду не подал.

– Я пойду позвоню.

Тростников улыбнулся. Все знали: телефон-автомат около бара. Отсюда звонили в посольство и говорили: «Я в консульстве» или в консульство: «Я в посольстве». От посольства до консульства езды минут двадцать, а «партком» находился точно на полдороге от того и другого.

Я набрал номер Лоретты. Она сразу взяла трубку.

– Сегодня ужасный день. Но я с больным связалась. Он у меня будет завтра в десять.

– Спасибо. А сегодня?

– В семь часов вечера жду тебя там же, где в прошлый раз.

Не забыл?

– Не забыл.

Вернувшись, я сказал Тростникову:

– Операция завтра в десять.

– Заметано.

И скомандовал бармену:

– Два стакана.

Напиток был все тот же. Стакан – целый стакан – за тысячу лир. Но гадость ужасная. Второй пить не хотелось, но пришлось.

Потом пошел звонить Тростников. Вернувшись, сказал:

– Художник будет в Культурном центре через полчаса.

* * *

В кабинете директора Центра сидела та же дама и жевала бутерброд. Расценив, и не без ошибки, взгляд Тростникова как «А ну, живо отсюда», она поспешно ретировалась.

Через пять минут Тростников спустился в холл и вернулся с небритым патлатым субъектом в синей замшевой куртке и коротких джинсах.

– Это наш друг из Москвы, – представил меня Тростников и вынул из письменного стола бутылку «Абсолюта».

Художник принялся трясти мне руку и рассказывать о том, какое впечатление на него произвел Горбачев, которого он видел месяц назад, когда был в Москве. Я услышал

и про «исторический подвиг этого человека», и про «ожесточенное сопротивление консерваторов». Потом мастер кисти приступил к проблемам более общим, не утруждая себя плавными переходами с «идиотов из местной компартии» на «сталинский террор», а потом сразу на «общедемократическое движение в мире».

Я знал таких людей. Им надо дать возможность выговориться. Но на это нужно время, а у меня каждая минута на счету. Я подошел к художнику, положил руку на плечо:

– Вы наш верный друг.

Стаканы опустошались по-артиллерийски. Залп – и сразу же подготовка к новому.

Прогрессивный художник дал слово нарисовать такую картину, что все поймут, во-первых, что он гений, а во-вторых, что капитализм обречен.

Я сказал Володе:

– Ты заканчивай с ним. Поеду в номер. Отдохну.

Перед встречей с Лореттой я хотел принять душ.

51. Личный доктор

Лоретта сидела на террасе у самого тротуара.

– Ну, наконец-то, здравствуй.

– Здравствуй.

Я поцеловал ее в щеку, уселся рядом:

– Уф!

– Боже мой! Ты пьян!

Все женщины одинаковы.

– Ешь!

Она подвинула к мне тарелку с зеленью.

Я набросился на салат.

Руки действительно не совсем слушались. «Как у алкоголика!». И голова не то чтобы кружилась, но...

– Как ты здесь без меня?

Банальные фразы первых минут встречи, когда торопятся выяснить, не произошло ли чего-либо экстраординарного, в корне меняющего прежние отношения.

– Все по-старому.

Подошел официант. Я не стал мудрить:

– Суп страчателла, телячий бифштекс с жареным картофелем по-французски. И кружку пива. Холодного пива.

Лоретта вмешалась:

– Синьор пошутил. Он не хочет пива. Принесите стакан холодного чая.

Официант удалился.

– Самое лучшее для пользы дела – сохранить здоровье. Выглядишь ты плохо. Где ты сегодня обедал?

– В двух местах перекусил.

– У тебя больше нет изжоги? – в ее голосе промелькнула ирония.

– Почти нет.

– Почти? – она покачала головой. – Ты принимаешь мои

таблетки?

– Давно кончились.

– Я тебе говорила, ты взял слишком мало.

Я решил перевести разговор на другую тему:

– Ты выглядишь усталой.

– Много работаю. По две-три операции в день.

– Плохо.

Она удивилась:

– Почему плохо?

– Какая ты хорошенькая!

– Была бы хорошенькая, бросил бы все и остался здесь.

Это было новым оборотом. Я не знал, что ответить.

Мне принесли суп.

– Связаться было нетрудно?

– Нет. Завтра в десять. У меня в кабинете.

– У тебя сегодня были сложные операции?

– Операций легких не бывает.

– А ты можешь человеку совершенно изменить лицо?

– Ты думаешь, тебе уже пора?

«Что она имеет в виду? Так постарел? Или – сделать пластическую операцию, чтобы уйти?»

* * *

Потом поехали к ней. Знакомый дом, знакомый подъезд, тот же почтовый ящик – две чахлые рекламки, тотчас выки-

нутые в рядом стоящую коробку – та же дверь с двумя замками.

Она пропустила меня вперед. Было темно, но выключатель я нашел сразу, и веселые бра, похожие на уличные фонарики, осветили прихожую. Одновременно зажегся свет на кухне. Все было по-старому, как два года назад. Над дверью в спальню меня приветствовал зевающий рыжий котенок, пушистый и голубоглазый, он, казалось, вот-вот выпрыгнет из рамки. У входа в салон раскачивалась ваза с цветком; она всегда раскачивалась, когда хлопали дверью. Цветок был из шелка, в последнее время делают их – просто не отличишь от настоящих, и я любил трогать лепестки пальцем, как бы отдавая дань искусству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.